

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
научный журнал
Номер 4 (12), 2015
Серия: история
Выпуск 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
д-р ист. наук **Тугужекова В. Н.**
Ответственный секретарь
канд. ист. наук **Данькина Н. А.**
канд. ист. наук **Чертыков В. К.**
канд. ист. наук **Кискидосова Т. А.**

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ».
Телефон: 8 (3902) 22-31-71
e-mail: khaknauka@mail.ru

Зав. редакцией:

Данькина Надежда Анатольевна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Смолина И. Г. (председатель)
канд. юр. наук (Абакан)
Анжиганова Л. В.
д-р филос. наук (Абакан)
Базаров Б. В.
член-корр. РАН (Улан-Удэ)
Бичелдей К. А.
д-р филол. наук (Кызыл)
Евкеева Н. М.
канд. ист. наук (Горно-Алтайск)
Салата Г. А.
канд. пед. наук (Абакан)
Худяков Ю. С.
д-р ист. наук (Новосибирск)

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

© Министерство образования и науки
Республики Хакасия, 2015
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2015

ISSN 2304-7488

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 48678.
Подписной индекс 25199 в каталоге агентства «Роспечать».

СОДЕРЖАНИЕ**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА**

Кривоногов В. П. К вопросу об этнодемографии фууйских кыргызов	4
Кривоногов В. П. Самые западные буряты	9
Ушницкий В. В. Легендарные племена Якутии XVII века	14
Мустафа Джан Тезич Роль тунгусских родов в формировании этносов и субэтносов в Сибири (эвены, долганы и северные якуты – олeneuveды)	21
Уфук Тавгул Боги природы и ритуалы в карачаево-балкарском пантеоне	35
Боргояков С. А. Этническая идентичность в условиях становления гражданского общества	51

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Чертыков В. К. О попытках строительства острога на р. Абакан в XVII веке	59
Самрина Е. В. Эпоха Просвещения и сибирские инородцы: истоки политики патернализма	65
Туманик Е. Н. Василий Михайлович Муравьев – адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского: опыт биографического исследования	70
Кискидосова Т. А. Материалы государственного архива Забайкальского края о городах и городском населении Забайкалья во второй половине XIX – начале XX века	76
Шекшеев А. П. Создание и реорганизация чекистских органов на Енисее (1918–1920 годы)	80
Дацьшен В. Г. Интернированные китайцы в Приенисейском крае (1932–1938 годы)	85
Печерский В. А. Пораженческие и антисоветские настроения в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны	92
Кискидосова Т. А. Смертность населения в городских поселениях Хакасии в годы Великой Отечественной войны	98
Каташев М. С. Экологические проблемы горно-металлургической промышленности Горного Алтая (1950–1990-е годы)	104
Данькина Н. А. Современная историография формирования интеллигенции Восточной Сибири	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Тугужекова В. Н., Данькина Н. А. I международная научная конференция «Древняя Metallургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Минусинская котловина и сопредельные территории», посвященная памяти археолога, доктора исторических наук, профессора Якова Ивановича Сунчугашева	114
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на: Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Тугужекова В. Н. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX века [отв. ред. Б. В. Базаров]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013, 503 с. 117	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	118
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	119

CONTENTS**ETHNODEMOGRAPHICAL PROCESSES AND TRADITIONAL CULTURE**

Krivosnogov V. P. To the question about ethnodemography of the Fuyu Kirghiz.....	4
Krivosnogov V. P. The most Western Buryats	9
Ushnitsky V. V. Legendary tribes of Yakutia of the XVIII century	14
Mustafa Dzhan Tezich Roles of the Tungus kins in formation of ethnic and sub-ethnic groups in Siberia (the Evens, Dolgans and Yakuts – Reindeer Herders).....	21
Ufuk Tavkul Nature Deities and Rituals in Karachay-Balkar Pantheon.....	35
Borgoyakov S. A. Ethnic identity under conditions of formation of the civil society	51

HISTORY OF RUSSIA AND ITS REGIONS

Chertykov V. K. About attempts to build a stockaded town near the river Abakan in the XVIII century.....	59
Samrina E.V. The era of enlightenment and indigenous peoples of Siberia: the origins of the policy of paternalism.....	65
Tumanik Ye. N. Vasily Mikhailovich Muravyov is an adjutant of the Governor- General of Southern Siberia N. N. Muravyov-Amursky: experience of a biographic research	70
Kiskidosova T. A. Materials of the State Archive of the Transbaical region about cities and urban population of Transbaikalia in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century	76
Sheksheev A. P. Creation and reorganization of Chekist agencies near the Yenisei (1918 – 1920).....	80
Datsyzen V. G. The interned Chinese in the Priyenisei region (1932 – 1938)	85
Pechersky V. A. Defeatist and anti-Soviet sentiments in the Krasnoyarsk region during the Great Patriotic War years.....	92
Kiskidosova T. A. Death-rate of the population in urban settlements of Khakassia during the Great Patriotic War years.....	98
Katashev M. S. Ecological problems of ore mining and smelting industry of Gorny Altai (1950 – 1990).....	104
Dankina N. A. Modern historiography of formation of the national clergy in Eastern Siberia	109

SCIENTIFIC LIFE

Tuguzhekova V. N., Dankina N. A. The 1st International Scientific Conference «Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia: the Minusinsk Basin and Bordering Territories» Dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yakov Ivanovich Sunchugashev.....	114
---	-----

REVIEWS

Tuguzhekova V. N. Review for: Dameshek L.M., Zhalsanova B.Ts., Kuras L.V. History of the Buryats' local self-government authorities in the XIXth - early XXth century. [editor in chief B.V. Bazarov]. – Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State University, 2013, 503 p.	117
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	118
INFORMATION FOR AUTHORS.....	119

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОДЕМОГРАФИИ ФУЮЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

В. П. Кривоногов

УДК 930.80

Статья посвящена современному состоянию фуюйских кыргызов – потомков енисейских кыргызов (хакасов). Автор на основе полевых материалов, собранных в 2013 году в Маньчжурии, исследовал национальный состав поселков с компактным проживанием кыргызов, их численность, половозрастной состав, а также вопрос национально смешанных браков. В настоящее время кыргызы, находясь в окружении многочисленных китайцев и монголов, совершенно потеряли родной язык.

Ключевые слова: Китай, уезд Фуюй, кыргызы, китайцы, монголы, смешанные браки, рождаемость.

TO THE QUESTION ABOUT ETHNODEMOGRAPHY OF THE FUYU KIRGHIZ

V. P. Krivonogov

The article is devoted to the modern state of the Fuyu Kirghiz, who are descendants of the Yenisei Kirghiz (the Khakass). On the basis of own field materials, which had been collected in 2013 in Manchuria, the author researched a national composition of villages with the Kirghiz's compact habitation, their population, age and gender composition and also an issue of nation mixed marriages. Nowadays being surrounded by the numerous Chinese and Mongolians, the Kirghiz have totally lost their native language.

Key words: China, the Fuyu county, the Kirghiz, the Chinese, the Mongolians, mixed marriages, birth-rate.

В XVIII веке с территории Джунгарии маньчжурскими правителями Китая были переселены на восток небольшие группы тюркского населения [1]. Многие из этих переселенцев были впоследствии ассимилированы, но часть дожила до наших дней.

Уже в XX веке, в 1950-е годы, на маленький анклав тюрков, оказавшийся так далеко на востоке от своей прародины, обратили внимание исследователи и власти Китая [2], когда после многолетней войны страна начала приходить в себя и выстраивать свою, китайскую, национальную политику. Выяснилось, что потомки тюрков не помнят определенно, кто они такие и откуда прибыли, представляют собой своего рода загадку. Тогда, в 1950-е годы, китайские чиновники и ученые, изучив еще сохранившийся язык, пришли к выводу, что он близок языку киргизов, живущих на западе провинции Синьцзян на границе с советской Киргизией. И было принято решение также назвать их кыргызами. А чтобы не путать с тьяньшаньскими киргизами,

стали называть их по уезду, где они размещены, – «фуюйскими кыргызами». Это название утвердилось в статистике и в науке, под этим этнонимом они учитываются при проведении переписей населения. Уезд этот входит в провинцию Хэйлунцзян, центром которой является многомиллионный Харбин, некогда самый «русский» город Китая. Когда выяснилось, что от былой традиционной культуры фуюйских кыргызов мало что осталось, при посредничестве чиновников, занимающихся национальной политикой, были налажены контакты с «сородичами» – тьяньшаньскими киргизами на далеком китайском западе. Произошел обмен делегациями и фуюйским кыргызам подарили национальные костюмы, музыкальные инструменты и другие образцы национальной материальной культуры [3]. Особенно по вкусу пришлось высокая войлочная белая мужская шапка, которая, за неимением других образцов материальной культуры, стала своего рода этническим маркером фуюйских кыргызов. Хотя неизвестно,

была ли такая шапка у них в прошлом. Позже, ближе к нашему времени, было высказано предположение, что фууйские кыргызы имеют более тесное родство не с тьяншаньскими тэсками, а с населением минусинской котловины [4], которое в XX веке получило имя «хакасы», а 2–3 века назад именовалось в документах «енисейскими киргизами». Внес вклад в выяснение этой проблемы и российский ученый из Хакасии, профессор В. Я. Бутанаев, который посетил их несколько лет назад, собрал данные о языке у последних его носителей (осталось всего 2–3 старика, которые помнили немного родной язык), а также выяснил родовую структуру [5]. Оказалось, что названия родов (сеоков) полностью идентичны родам современных хакасов, что также подтверждает их происхождение именно из Минусинской котловины. Расселение фууйских кыргызов в Маньчжурии неоднократно менялось, но в конце концов они оказались сконцентрированы в двух населенных пунктах – поселках Уцзяцзы и Цицзяцзы. Некоторое количество проживало и в других поселках уезда, но в основном дисперсно, нигде больше не образуя компактных групп.

В 2013 году мы поставили перед собой задачу выяснить национальный состав этих поселков, точную численность интересующего нас населения, половозрастной состав, а также вопрос национально смешанных браков. Нам удалось получить фотокопии посемейных списков этих поселков, которые были переведены на русский язык [6]. В 2014 году мы побывали в провинции Хэйлуцзян, в городе Харбине, и получили дополнительный материал. Нашим научным консультантом любезно согласился стать У Чжаньчжу, профессор Харбинского университета, проживающий в Харбине, сам фууйский кыргыз по происхождению, один из руководителей кыргызской национальной общественной организации, автор многих научных статей и книг о фууйских кыргызах [7]. Для полноты картины мы привлекли данные китайской переписи населения за 2010 год, материалы которой мы обнаружили в экспозиции, посвященной фууйским кыргызам в харбинском Центре национальных культур.

Что же нам удалось выяснить? Согласно переписи населения, в 2010 году в провинции численность фууйских кыргызов составила 1431 человек. Максимальный прирост фууйских кыргызов наблюдался во второй половине

XX века – согласно китайским переписям населения, в 1952 году в уезде Фууй было зарегистрировано 455 кыргызов, в 1979 году их было уже 614, в 1982 году – 788 кыргызов, еще на этот год проживало на соседних территориях 65 человек в Цицикаре и 21 в других частях Маньчжурии. К 1990 году в Хэйлуцзяне насчитывалось 1450 кыргызов. К 2000-м годам численность этноса возросла до 1500 человек [8]. Однако система расселения, которая сложилась к этому времени, может радикально повлиять на их будущую судьбу. Если в прошлом они жили более-менее компактно, и это способствовало их сохранению, то сейчас положение коренным образом изменилось. Прирост в последнее время прекратился, и началось медленное снижение численности. Из 1431 человека, согласно переписи 2010 года, лишь 405 проживают по-прежнему в интересующих нас двух поселках, остальные разбросаны по разным селам уезда Фууй, а часть и по другим уездам провинции Хэйлуцзян, в том числе около 40 человек – в Харбине. То есть в месте компактного расселения оказалось меньшинство – 28,3 %, остальные разъехались по всему региону и нигде не составляют компактных групп. Такой характер расселения не способствует сохранению не только каких-то элементов культуры, но и вообще самой этнической группы. Ассимиляция и исчезновение в таких условиях становятся вполне вероятными. К тому же оказалось, что и в своих двух поселках кыргызы вовсе не составляют большинства, оба поселка – смешанные по национальному составу, и наши фууйские кыргызы составляют в них менее половины населения. Согласно подсчету по семейным спискам за 2013 год, в поселке Уцзяцзы живет 564 человека, но из них только 251 – наши кыргызы, то есть 45 %. Кроме того, здесь проживают китайцы – 44 %, монголы – 7 %, дауры – 4 % [9]. Второй поселок оказался еще меньше – 350 человек, из них кыргызов всего 109 человек, или 31 %, китайцев здесь оказалось 53 %, монголов – 12 %, дауров – 3 %. Единично в двух поселках встретились также маньчжур, ороchon, эвенк. Такой смешанный состав населения привел к тому, что тюрки забыли свой родной язык и, как показали побывавшие здесь исследователи, говорят в основном на китайском или монгольском языках. Профессор У Чжаньчжу выделил пять периодов в бытовании разных языков у фууйских кыргызов. По его словам, первые десятилетия они го-

ворили, естественно, только на своем тюркском языке, но вскоре под влиянием монгольского окружения стали двуязычными и были таковыми весь XIX век. В первой трети XX века в этом регионе поселилось большое количество китайцев, и кыргызы стали трехязычными. Дома говорили чаще на своем языке, на улице – на монгольском, а при внешнем общении – в поездках, на ярмарках и т. д. – на китайском. В это же время развернулся отход от родного языка, и в середине века они стали двуязычными – говорили на монгольском и китайском. А в последние десятилетия перешли к китайскому одноязычию. Сейчас монгольский язык знает меньшинство – только старики, а среднее поколение и дети говорят исключительно на китайском. Из трех стариков, которые помнили кое-что из родного языка в начале XXI века, ко времени нашего приезда в живых был лишь один (вернее – одна). Всего за три года, прошедшие после последней переписи, в поселках компактного проживания численность кыргызов еще больше сократилась и составила, согласно данным похозяйственных книг, всего 360 человек (а было 405). Каковы перспективы дальнейшего демографического развития фуюйских кыргызов, которые еще совсем недавно численно росли, причем довольно быстро? Выяснилось, что к настоящему времени у них весьма низкая рождаемость (больших семей почти нет, в

семьях в основном 1 или 2 ребенка). Выявлена большая диспропорция полов, что тоже не способствует демографическому благополучию. Уезжают в другие поселки и в города чаще девушки, а парни остаются. Это можно связать с тем, что при смешанных браках с монголами и китайцами именно девушки чаще покидают свой дом и поселок и переезжают в поселок жениха. Нам удалось подсчитать, что в целом по всей группе кыргызов в двух поселках женщины составляют всего 39,2 %, а среди молодежи вообще 28,8 %. (табл. 1) Нехватку невест своей национальности местные парни вполне успешно восполняют за счет китайнок и монголонок. О низкой рождаемости говорит небольшая доля детей до 15 лет в населении. В поселке Уцзяцзы детей оказалось всего 20 %, а в Цицзяцзы – вообще 16 %.

Из всех семей кыргызов двух сел, имеющих детей, в 99 семьях был один ребенок, в 27 семьях – два, и лишь в одной – четыре (в последней семье, видимо, решились родить третьего, но родились близнецы, так случайно образовалась единственная многодетная семья). Такая же низкая рождаемость и у китайцев, и у других соседних народов. Известно, что Китай до недавнего времени проводил политику ограничения рождаемости под лозунгом «одна семья – один ребенок» с целью решить проблему перенаселенности страны. И, судя по этим

Таблица 1 Половозрастная структура фуюйских кыргызов двух поселков

Возраст	Уцзяцзы		Цицзяцзы		Итого	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Ст. 70	2	3	1	1	3	4
65–69	4	1	2	1	6	2
60–64	4	7	–	–	4	7
55–59	7	5	1	4	8	9
50–54	12	8	5	2	17	10
45–49	9	6	7	4	16	10
40–44	15	6	8	5	23	11
35–39	17	6	7	4	24	10
30–34	12	6	5	4	17	10
25–29	22	9	3	4	25	13
20–24	19	4	8	4	27	8
15–19	10	5	2	10	12	15
10–14	7	4	2	5	9	9
5–9	14	9	4	5	18	14
До 5	9	9	1	–	10	9

данным, политика проводится успешно. Кстати сказать, для национальных меньшинств государство предоставило льготы – они имеют право рожать больше детей. Но наши данные показывают, что кыргызы таким правом пользуются не слишком активно, детей у них мало. Одной из причин забывания родного языка, отхода от традиционной культуры, кроме малой численности и смешанного состава населения, являются национально-смешанные браки. Их у кыргызов оказалось подавляющее большинство. Это отмечали и все предыдущие исследователи, но нам удалось подсчитать точные цифры. Вы-

в личной беседе нам сообщил В. Я. Бутанаев. По словам профессора У Чжаньчжу, очень мало осталось кыргызов, в родословной которых нет монголов, китайцев или других национальностей, у него самого бабушка – монголка. Он считает, что издавна такие браки не только не возбранялись, а, наоборот, одобрялись, чтобы избежать инбридинга (близкородственного смешения). И это опасение вполне понятно, исходя из небольшой общей численности первоначальных поселенцев. Очевидно, что в предыдущие века смешение шло в первую очередь с монголами, а в последние полвека – с китайцами.

Таблица 2 Национальность супругов поселка Уцзяцзы

Национальность мужей	Национальность жен				
	Кыргызки	Китайки	Монголки	Даурки	Маньчжурки
Кыргызы	17	35	9	7	–
Китайцы	23	56	4	1	2
Монголы	6	–	1	4	–
Дауры	2	2	–	–	–

Таблица 3 Национальность супругов поселка Цицзяцзы

Национальность мужей	Национальность жен				
	Кыргызки	Китайки	Монголки	Даурки	Эвенкийки
Кыргызы	4	15	7	1	–
Китайцы	11	50	–	1	–
Монголы	3	5	5	–	1
Дауры	–	4	–	–	–
Орочоны	–	1	–	–	–

яснилось, что по двум поселкам кыргызы живут в 31 однонациональной и 125 смешанных семьях. Таким образом, доля смешанных семей – 80 %. Семей, смешанных с китайцами, оказалось 82, с монголами – 31, с даурами – 12. Много в этих поселках смешанных семей китайцев с монголами и даурами, монголов с даурами и т. д. (табл. 2, 3), то есть все национальности активно сливаются друг с другом. Понятно, к каким последствиям это ведет. Исследователи, приезжавшие к кыргызам, отмечали, что среди старшего поколения встречаются люди с явной европеоидной примесью (известно, что хакасы имеют древнюю европеоидную примесь), а в младшем поколении она практически незаметна, дети кыргызов не отличаются внешне от детей монголов и китайцев – в частности об этом

В поселке Уцзяцзы доля супругов иной национальности оказалась у мужчин-кыргызов 75 %, у женщин – 64,6 %; во втором поселке соответственно – 85,2 % и 77,8 %. Общий показатель по двум поселкам оказался: у мужчин-кыргызов – 77,9 %, у женщин – 68,2 %. Данные цифры говорят о полном прорыве эндогамии. У женщин показатель оказался ниже, чем у мужчин, не потому, что они реже вступают в такие браки, а вследствие того, что они чаще выходят замуж в другие поселки. Смешанные браки могли бы привести к еще большему сокращению численности кыргызов, если бы дети относились к китайцам, монголам и др. Но мы обнаружили удивительный феномен – почти во всех смешанных семьях детей записывают кыргызами. Так, в китайско-кыргызских семьях

(обоих вариантах – китаец–кыргызка и кыргыз–китайка) мы насчитали 95 детей, из них 91 записаны кыргызами (95,8 %) и только 4 – китайцами. В кыргызско-монгольских семьях оказался 21 ребенок, кыргызами записаны все. То же и в браках с даурами. Почему? По словам профессора У Чжаньчжу, это происходит благодаря национальной политике – меньшинства в Китае, как и в России, и в других странах, имеют от государства некоторые льготы, поэтому родители и предпочитают так записывать своих детей. В частности, как уже говорилось, меньшинства имеют право, в отличие от китайцев, рожать больше детей. Если бы все дети в смешанных семьях не записывались кыргызами, то мы бы сейчас наблюдали более быстрое сокращение числа местных тюрков. Но, даже несмотря на такое преимущество, численность фуюйских кыргызов все равно начала сокращаться. В заключение можно сказать, что удивительным является сам факт сохранения до наших дней этой очень маленькой группы тюрков, ближайшей родни хакасов, проживающей в окружении многочисленных китайцев и монголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ху Чжэньхуа. Краткое описание кыргызов, проживающих в уезде Фуюй провинции Хэйлунцзян. Перевод Мади Тюлемисова // http://www.eurasica.ru/articles/kha...yushih_v_uezde_fuyu_provintsii_heylyuntszyan (дата обращения: 25.08.2014 г.).
2. Из китайских ученых можно назвать Ю Ифу и его статью «Цзи-эр-ци-си Ненжианговых лугов», а также Ху Чжэньхуа. См. Чертыков М. А. Фуюйские кыргызы: историко-этнографический очерк // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1099903500> (дата обращения: 14.12.2014 г.).
3. Информация У Чжаньчжу.
4. Тенишев Э. Р. О языке кыргызов уезда Фуюй // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 88–95; Скобелев С. Г., Чжан Тайсян, Шамаев А. А. Роды фуюйских кыргызов // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Сб. мат. респ. науч. конференции «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». Абакан, 1998. С. 76–78. Они же. Происхождение «фуюйских киргизов» // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. Янхунен Ю. К вопросу о зарубежных хакасах // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии. Абакан, 1994. Вып. 1. С. 99–107.
5. Бутанаев В. Я. Родоплеменной состав китайских хакасов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова: научное издание. Серия 3: История. Право. Абакан, 2005. Вып. 4. Бутанаев В. Я. К вопросу о кыргызско-хакасских этнографических связях // Кыргыз: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию эпоса «Манас», 22–24 сент. 1994 г. Бишкек: Кыргызстан, 1996, с. 120. Бутанаева И. И., Бутанаев В. Я. Актуальные проблемы истории тюрков Саяно-Алтая // История стран Центральной Азии – совместное видение методологических проблем. Вып. 1. С. 124–125.
6. Перевод осуществлен Е. В. Бутанаевой.
7. У Чжаньчжу. Цицзяцзы цунь ши (История деревни Цицзяцзы) (吴占柱 七家子村史). – Харбин – 2009; Он же. Уцзяцзы кэкэркэцзыцу шихуа (Популярные сведения по истории киргизов Уцзяцзы) (五家子柯尔克孜族史话). Харбин, 2010; Юй Сюэбинь, У Чжаньчжу. Хэйлунцзян кэкэркэцзы цзу (Киргизы Хэйлунцзяна) (于学斌, 吴占柱 黑龙江柯尔克孜族). Харбин, 2003.
8. Гусейнов Н. Фуюйские кыргызы – тюрки Маньчжурии // <http://www.turkist.org/2011/03/nikolai-huseinov-fuyuuy> (дата обращения: 14.12.2014 г.).
9. Подсчитано по материалам похозяйственных книг двух поселков на 2013 год.

САМЫЕ ЗАПАДНЫЕ БУРЯТЫ

В. П. Кривоногов

УДК 957.1

На западе Иркутской области, вдали от основного ареала расселения бурят, сохранился небольшой анклав коренного бурятского населения в поселках Кушун и Мунтубулук Нижнеудинского района. В статье рассмотрены их численность, демографические и миграционные процессы, языковые и этнокультурные процессы, национально-смешанные браки, метисация, дается прогноз на ближайшее будущее.

Ключевые слова: западные буряты, численность, демография, миграции, языковые, этнокультурные процессы, ассимиляция.

THE MOST WESTERN BURYATS

V. P. Krivonogov

In the West of the Irkutsk region, far from the main range of the Buryats' settlement a small enclave of the native Buryat people is preserved in villages Kushun and Muntubuluk of the Nizhneudinsk district. In the article their population, demographic and migration processes, language and ethno-cultural processes, national mixed marriages, miscegenation is under consideration. An immediate forecast is given.

Key words: the Western Buryats, population, demography, migration, language and ethno-cultural processes, assimilation.

Под западными бурятами обычно подразумевают бурят Иркутской области, населяющих в основном территорию Усть-Ордынского автономного округа и соседние районы, расположенные в восточной части Иркутской области, в Прибайкалье. Однако в прошлом кочевья бурят простирались далеко на запад, до самых границ современной Иркутской области с Красноярским краем. Здесь когда-то предки бурят встречались с предками хакасов. Бурят здесь было несравненно меньше, чем в восточной части Иркутской области, поэтому после перехода к оседлости их немногочисленные поселки оказались лишь маленькими анклавами среди десятков русских сел и деревень. К началу XXI века здесь, на западе Иркутской области, сохранилось лишь два небольших бурятских поселка в Нижнеудинском районе. О них, «самых западных из всех западных» бурятах, и пойдет речь в данной статье. Материалы собраны в процессе этнографической поездки автора в июле 2015 года. Два оставшихся здесь бурятских поселка носят названия Кушун и Мунтубулук, располага-

ются они в окружении русских поселков к югу от районного центра – города Нижнеудинска, на полдороге к горам – Восточному Саяну, – в которых проживает малочисленный тюркоязычный народ – тофы, или тофалары. И в прошлом, и в настоящее время местные буряты поддерживали соседские и родственные связи с этим народом.

Численность населения Кушуна оказалась небольшой. Как мы подсчитали по похозяйственным книгам местной администрации (расположенной в с. Солонцы, находящемся в 3 км от Кушуна), здесь проживало 135 бурят, трое русских и одна тофаларка. Из всех учреждений остался только клуб, а школу недавно закрыли, детей сейчас возят в школу Солонцов. Однако поселок явно знал и лучшие времена. Судя по всему, раньше было больше людей и в Кушуне, кроме того, немало бурят проживало в соседних русских селах – Порог, Солонцы и другие. Но в последнее время отсюда идет массовый отток и русского, и бурятского населения в города, в частности из шести бывших здесь когда-то по-

селков три вообще исчезли, остались только Порог и Солонцы, а население Кушуна резко сократилось. В прошлом в Кушуне было немало пришлого населения, но оно почти все выехало, поэтому поселок стал мононациональным. Меньше стало бурят и в оставшихся двух русских поселках.

Но, как бы ни сократилось бурятское население в Кушуне, с Мунтубулуком дело обстоит еще хуже. Там проживают лишь 25 стариков и все госучреждения давно закрыты. Этому поселку осталось существовать считанные годы. Вскоре одни старики умрут, других заберут их дети в города, и он исчезнет, так же как и другие, соседние поселки.

Таким образом, суммарно в двух поселках осталось лишь 160 бурят. Для изучения современных этнических процессов мы решили опросить по этнографическому опросному листу 50 % бурят, и это нам удалось осуществить – опрошено 83 человека (в п. Кушун), включая детей. Опросные листы на детей составлялись со слов родителей. В опросном листе вопросы касались таких тем, как языковые процессы, генеалогия, этнокультурные процессы и др. В целом опрос позволяет сделать основные выводы о протекающих среди местных бурят этнических процессах.

В отличие от быстро вымирающего Мунтубулука Кушун пока что поселок «живой» – здесь еще есть молодые семьи и рождаются дети. Об этом говорит и половозрастная структура бурят поселка (табл. 1). Дети до 15 лет составляют 17,8 %. А значит, если бы не массовый выезд населения, поселок еще мог бы существовать и развиваться.

Таблица 1 Половозрастной состав бурят п. Кушун

Возраст	Мужчины	Женщины
80 и старше	1	3
70–79	5	5
60–69	5	6
50–59	11	11
40–49	8	6
30–39	5	12
20–29	12	12
10–19	9	4
До 10	9	11
Итого	65	70

Состав семей такой: одиночек – 16, семей из двух человек – 13, из трех – 5, из четырех – 7, из пяти – 5, из шести – 2, из семи – 1 (средний размер семьи – 3,4 человека). Однонациональных семей бурят оказалось (не считая одиночек) 33, одна русско-бурятская и одна бурятско-тофаларская (в последней нет супружеской пары, тофаларка живет с детьми-бурятами). В соседних русских селах бурят немного, и среди них больше смешанных семей. В Солонцах из четырех семей бурят две – смешанные с русскими, в Пороге из четырех семей смешанными оказались три. Супружеских пар в Кушуне оказалось 19, из них одна – муж русский, жена бурятка, в остальных 18 оба супруга – буряты.

Большинство бурят оказались уроженцами Кушуна – 78,8 %, остальные приехали из других бурятских сел, чаще всего – из Мунтубулука. Много здесь и тех, кто уезжал надолго из поселка, но потом вернулся (36,4 %). Есть такие, которые уехали в города еще в молодости, а вернулись в поселок после выхода на пенсию.

В ближайшее время миграции, наблюдаемые последние десятилетия и приведшие к сокращению численности поселка, видимо, продолжатся. Выразили при опросе желание покинуть поселок 17,6 % мужчин и 31,3 % женщин. Это данные по всем взрослым. Но если посмотрим эти показатели по возрасту, то ситуация такая: старше 40 лет вообще никто не выразил желание уезжать, а до 40 лет хотят уехать 42,9 % мужчин и 62,5 % женщин. Так что в ближайшее время, судя по всему, выезд молодых семей и молодежи продолжится, численность поселка сократится еще больше, произойдет старение населения. То есть его ждет участь Мунтубулука, где остались одни старики.

Где жили те, кто вернулся в поселок? Чаще встретились города Усть-Илимск, Байкальск и Улан-Удэ. Эти данные указывают и на основное направление миграций. Почему-то не привлекает мигрантов соседний город – районный центр Нижнеудинск (45 минут езды на рейсовом автобусе). Хотя, по словам информаторов, буряты там есть, но немного. Видимо, мигрантов привлекают более крупные города.

Уровень образования бурят поселка довольно высок, каждый шестой мужчина и каждая четвертая женщина имеет высшее образование, лиц с невысоким образованием (начальным) очень мало (табл. 2).

Таблица 2 Уровень образования бурят (в %, опрос лиц старше 19 лет)

Уровень образования	Мужчины	Женщины
Начальное	–	6,6
Неполное среднее	41,2	6,7
Среднее общее	29,4	33,3
Среднее специальное	11,8	20,0
Неок. высшее	–	6,7
Высшее	17,6	26,7

Большинство мужчин в течение жизни были заняты в работе на механизмах, являлись квалифицированными рабочими (68,7 %), немало среди них и специалистов (25,0 %). А среди женщин число специалистов со специальным образованием вообще перевалило за половину. Неквалифицированным ручным трудом занимались очень немногие (табл. 3).

Таблица 3 Профессии взрослых бурят (основная социальная группа в течение трудовой деятельности) (опрос, в %)

	Мужчины	Женщины
Неквалифицированные рабочие	6,3	13,3
Квалиф. рабочие или рабочие на механизмах	68,7	20,0
Специалисты	25,0	53,4
Домохозяйки	–	13,3

Однако в настоящее время работы на всех не хватает, много стало безработных, а среди женщин – домохозяек (табл. 4). Безработица – одна из главных причин выезда в города. В поселке высок процент пенсионеров, среди женщин больше трети, а среди мужчин почти половина.

Таблица 4 Занятия в настоящее время (опрос, в %)

	Мужчины	Женщины
Неквалифицированные рабочие	5,9	14,3
Квалифицированные рабочие или рабочие на механизмах	11,8	–
Специалисты	11,7	14,3
Пенсионеры	47,1	35,7
Безработные и домохозяйки	23,5	35,7

В последние десятилетия среди бурят района идет процесс языковой ассимиляции. Лишь 33,3% признали родным бурятский язык, еще 6,7 % назвали и бурятский и русский языки, а для 60 % единственный родной – русский. Распределение этого показателя по поколениям указывает на то, что особенно стремительно языковая ассимиляция развернулась в последние 30–40 лет (табл. 5).

Таблица 5 Родной язык в разных возрастных группах бурят (опрос, в %)

Возраст	Бурятский язык	Бурятский и русский	Русский язык
60 и старше	87,5	–	12,5
40–59	70,0	30,0	–
20–39	7,1	–	92,9
До 20	–	–	100

Использование бурятского языка стало очень ограниченным, его практически не используют в повседневном общении даже те, для кого он родной. Всего 2,2 % указали, что чаще общаются на бурятском языке, 11,1 % – в равной степени на обоих языках, подавляющее большинство (86,7 %) в повседневном общении использует только русский язык. В возрасте до 40 лет практически никто на бурятском языке не общается, он вышел из употребления (табл. 6).

Таблица 6 Основной разговорный язык бурят разных возрастных групп (опрос, в %)

Возраст	Бурятский язык	Бурятский и русский	Русский язык
60 и старше	12,5	25,0	62,5
40–59	–	30,0	70,0
20–39	–	–	100
До 20	–	–	100

Уровень компетенции в бурятском языке весьма невысок, лишь 22,2 % владеют им свободно, остальные уже с затруднением, а 31,1 % не знают его вообще (табл. 7). Разумеется, большинство людей, владеющих этим языком, – пожилые люди (табл. 8). С русским языком проблем нет, 95,6 % владеют им свободно, и лишь 4,4 % (старики) владеют им чуть хуже, чем бурятским.

Таблица 7 Степень владения основными языками региона (опрос, в %)

	Владеют языком:				
	Свободно	С нектор. затрудн.	Со значит. затрудн.	Только понимают	Не владеют
Бурятский язык	22,2	11,1	11,1	24,5	31,1
Русский язык	95,6	4,4	–	–	–

Таблица 8 Степень владения бурятским языком в разных возрастных группах (опрос, в %)

Возраст	Владеют языком:				
	Свободно	С нектор. затрудн.	Со значит. затрудн.	Только понимают	Не владеют
60 и старше	75,0	12,5	12,5	–	–
40–59	30,	40,0	20,0	10,0	–
20–39	7,1	–	7,2	50,0	35,7
До 20	–	–	7,7	23,1	69,2

Таблица 9 Использование основных языков региона в разных ситуациях (опрос, в %)

Используют при общении	Бурятский язык	Бурятский и русский	Русский язык
с родителями	28,9	8,9	62,2
с братьями и сестрами	18,2	11,4	70,4
с друзьями	2,2	17,8	80,0
с супругами	17,4	43,5	39,1
с детьми	–	20,8	79,2
на производстве	3,3	3,4	93,4

Использование бурятского и русского языка в разных ситуациях показывает табл. 9.

Во всех ситуациях, даже внутри семьи, русский язык использует больше людей, чем бурятский. Чаще бурятский язык используется при общении с родителями, а также между супругами, но и здесь он уступает русскому.

Старики в годы своей молодости бурятский язык в школе не изучали, но позже он был включен в программу местной школы. Из всех опрошенных старше семи лет изучали бурятский язык в школе 43,2 %. И лишь недавно, в связи с закрытием школы, его изучение в школе снова прекратилось (табл. 10).

Однако не все, кто изучал язык в школе, научились на нем писать и читать. Умеющих и читать и писать оказалось всего 5,4 % (от числа бурят старше семи лет), еще 24,3 % могут только читать, остальные 70,3 % письменностью своего народа не владеют.

Газеты на бурятском языке здесь никто не выписывает, но в прошлом читали их всего 5,4 % взрослых. Книги на бурятском языке читали чуть

больше – 10,8 %, в основном это книги для чтения в начальных классах школы (сказки и т. д.). Тем не менее, несмотря на все эти скромные показатели, большинство местных бурят проявили заинтересованность в том, чтобы изучение бурятского языка детьми в школе возобновилось – это мнение выразили 78,6 % опрошенных (остальные считали, что делать это «уже бесполезно», или затруднились в ответе).

Таблица 10 Изучение бурятского языка в школе в разных возрастных группах (опрос, в %)

Возраст	Изучали бурятский язык
60 и стар	–
50–59	25,0
40–49	50,0
30–39	71,4
20–29	100
8–19	20,0

Имена и отчества у всех местных бурят русские (что нельзя не связать с их давним обращением в православие), так же как и большинство

фамилий. Чаще всего встречаются фамилии Бабкины, Сереневы, Коногоровы, Черепановы.

Национальную одежду сейчас местные буряты не изготавливают, но нередко покупают и привозят из Бурятии. Имеется она у 20 % опрошенных бурят. Часто ее дарят детям. Поэтому здесь возник своего рода парадокс. Несмотря на развернувшуюся ассимиляцию, национальная одежда чаще встречается в средних и младших возрастах, в то время как у стариков ее нет (табл. 11).

Довольно стойко сохраняется бурятская на-

Таблица 11 Наличие национальной одежды в разных возрастных группах (опрос, в %)

Возраст	Имеют национальную одежду
60 и старше	–
40–59	30,0
20–39	14,3
До 20	30,8

циональная кухня, однако традиционные блюда можно попробовать далеко не каждый день, иногда только по праздникам. Поэтому большинство опрошенных отметили, что в их семьях эти блюда готовятся редко (93,8 %). Еще 3,1 % ответили, что в их семьях эти блюда готовятся часто, а 3,1 % – не готовятся совсем.

Если зайти в дом местных жителей без их хозяев и попробовать определить их национальность, то вряд ли это удастся – ничто не укажет на их национальную принадлежность. Лишь в 7,1 % семей, по словам опрошенных,

Таблица 13 Распределение метисов с европеоидным компонентом по возрастным группам (опрос, в %)

Возраст	Доля европеоидного компонента				
	Нет	Менее ¼	¼	½	Более ½
60 и старше	62,5	25,0	12,5	–	–
40–59	60,0	30,0	10,0	–	–
20–39	21,4	21,4	35,7	21,5	–
До 20	30,7	23,1	7,7	23,1	15,4

можно встретить какие-то вещи, связанные с национальной бурятской культурой, чаще всего это вещи сувенирного характера, привезенные из Бурятии.

Несмотря на небольшое число национально-смешанных семей в настоящее время (всего 2 из 35, или 5,7 %), метисация среди бурят достигла больших масштабов. Более половины опрошенных – 62,2 % – имеют среди ближайших предков представителей иных национальностей,

чаще всего тофаларов и русских. О динамике процесса межнационального смешения говорит распределение доли метисов по поколениям (табл. 12).

Таблица 12 Доля метисов в разных возрастных группах (опрос, в %)

Возраст	Доля метисов
60 и старше	50,0
40–59	40,0
20–39	78,6
До 20	69,2

Имеют среди ближайших предков только бурят – 37,8 % опрошенных, бурят и тофаларов – 2,2 % бурят и русских – 35,6 %, бурят, русских и тофаларов – 22,2 %, бурят, тофаларов и поляков – 2,2 %.

Буряты и тофалары относятся к близким антропологическим типам (к разным вариантам большой монголоидной расы), а вот браки с русскими ведут к изменению антропологического типа местных бурят. 60 % бурят имеют ту или иную долю европеоидного компонента, в том числе менее ¼ компонента – 24,5 % опрошенных, ¼ – 17,8 %, ½ компонента – 13,3 %, 4,4 % – более ½ компонента.

Распределение метисов с европеоидным компонентом по возрастным группам показано в табл. 13.

Надо сказать, что если среди местных бурят есть примесь тофаларского компонента (здесь распространилась тофаларская фамилия Шибке-

евы), то и среди тофаларов тоже нередко встречается бурятский компонент (35 тофаларов в 2005 году имели среди своих предков бурят) [1. с. 113]. Чаще там встречается бурятская фамилия Коногоровы. Такое интенсивное смешение в моноэтническом поселке вызывает недоумение, однако, если вспомнить, что некоторое время назад пришло население в поселке было заметно больше, все становится на свои места. Тесные контакты с русскими проявляются не только в сфере брака, но

и в дружеском общении, по крайней мере, 92,6 % опрошенных указали, что среди их ближайших друзей есть и русские (напомним, что соседний русский поселок Солонцы располагается всего в трех километрах от Кушуна). Те же 92,6 % опрошенных отметили, что для них не имеет значения национальный состав трудового коллектива. Никто не указал, что он предпочел бы работать только «со своими» (еще 7,4 % затруднились в ответе).

Подавляющее большинство бурят не имеет ничего против смешанных браков. Среди мужчин 92,9 % ответили, что национальность при выборе брачного партнера не имеет значения, 7,1 % – затруднились в ответе. Женщины оказались несколько более консервативны: 21,4 % ответили, что им больше нравятся однонациональные браки. Но и среди них большинство (78,6 %) также не против смешанных браков. Все эти данные говорят о том, что среди местных бурят распространены положительные установки на разные виды межнационального общения, что и находит свое выражение в конкретных тесных дружеских и семейных контактах с окружающим населением. Это и привело к значительному межнациональному и межрасовому смешению.

Подводя итоги, можно сделать пессимистический вывод о том, что этот, самый западный анклав коренного бурятского населения может прекратить свое существование. Главная причина этого – массовый выезд населения в города в связи с безработицей. Кроме того, здесь наблюдаются активные ассимиляционные процессы в языке и культуре среди тех, кто остался. Молодежь и дети полностью перешли на русский язык, а элементов традиционной бурятской культуры почти не осталось. Меняется и антропологический облик бурят – нарастают европеоидные черты во внешности, почти все дети превратились в метисов. Один из двух поселков (Мунтубулук), видимо, прекратит свое существование в ближайшие годы, второй, возможно, просуществует еще 2–3 десятилетия, но его судьба просчитывается однозначно. Причина таких процессов – слишком маленькая численность этого анклава, явно недостаточная для дальнейшего существования в условиях урбанизации, глобализации и нарастания интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Кривоногов В. П. Тофалары: три шага в будущее. Красноярск, 2008. С. 113.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПЛЕМЕНА ЯКУТИИ XVII ВЕКА

В. В. Ушницкий

УДК 94(571.56)(=512.212)

В статье анализируются фольклорные и письменные сведения о загадочных племенах Якутии, исчезнувших после XVII века. Большое внимание уделяется этническим контактам между якутскими, тунгусскими и юкагирскими группами, наличию более древних этнических образований, участвовавших в формировании этих народов. Подчеркивается, что территория Якутии не являлась изолированной от соседних территорий, можно обнаружить следы миграций древних этносов самодийского, монгольского, тюркского происхождения.

Ключевые слова: историография, этногенез, народы Сибири, архивные документы, фольклор, палеоазиаты, тунгусоведение, полярные экспедиции, землепроходцы.

LEGENDARY TRIBES OF YAKUTIA OF THE XVIIth CENTURY

V. V. Ushnitsky

The article examines the folklore and written information about mysterious tribes of Yakutia who disappeared after the 17th century. Big attention is paid to the ethnic contacts between the Sakha, Tungus and Yukagir groups, to the availability of the more ancient ethnic formations which participated in forming of these peoples. It is emphasized that the territory of Yakutia was not isolated from neighboring territories. Here, one can discover the traces of migrations of the ancient ethnizes of Samodian, Mongolian, Turkic origin.

Key words: historiography, ethno-genesis, peoples of Siberia, archive documents, folklore, Paleoasians, Tungus studies, polar expeditions, pathfinders

Соотношение между фольклорными и письменными источниками неоднозначно и вызывает многочисленные дискуссии. Фольклор имеет свои законы, в нем реальная картина мира сочетается с вымышленным миром. Письменные источники дают взгляд снаружи, они не раскрывают культуру этноса изнутри.

Только к XVII веку относится появление достоверных сведений о народах, населявших территорию Якутии. Из них следует, что к приходу русских огромную территорию населяли тунгусские роды. Якуты занимали бассейн Средней Лены, юкагиры проживали на севере, в районе северных рек и гор, в тундровой зоне. Между тем эвенки как единый народ сложились после прихода русских, становление же эвенского народа относят то к XVIII веку, то к 30-м годам XX века. В записках иностранных путешественников и писателей в качестве самостоятельных народов фигурируют «буляши», «шаманы», «нанагиры», «шелаги» вместе с тунгусами. В якутском фольклоре присутствуют названия древних народов, населявших огромную территорию Якутии до прихода их пред-

ков. Интересно, что их названия: сортол, хоро, кыргыз, тумат – говорят о возможном переселении с юга носителей этих названий, широко известных из истории Центральной Азии.

Многие тунгусские и юкагирские роды после XVII века исчезают, поэтому их этническое происхождение остается все еще неясным и вызывает многочисленные дискуссии. Фольклорные источники о легендарных племенах, населявших бескрайние просторы Крайнего Севера, в советское время стали объектом различных интерпретаций в трудах археологов, этнографов и историков. Сведения об этих племенах рассматривал А. П. Окладников в первом томе «Истории Якутской АССР». Г. М. Василевич собрала важные сведения о тунгусских родах Якутии и попыталась выяснить их древнюю этническую историю. Обширные сведения о тунгусских и юкагирских родах Якутии по письменным источникам дает Б. О. Долгих в капитальном труде «Родовой и племенной состав народов Сибири». В монографии В. А. Туголукова получают объяснение вопросы этнического происхождения многочисленных тунгусских племен

северо-востока Азии. В работе М. П. Алексеева разбираются сведения о племенах, упомянутых в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII веков о Сибири. В монографии В. И. Иохельсона «Юкагиры и юкагизированные тунгусы» представлены сведения о юкагирских родах, впоследствии исчезнувших.

Так, Б. О. Долгих у нганасанов записал предания о полумифических племенах тундры – маятах. Согласно этим преданиям, маяты осенью запасали в определенных местах сушеное и вяленое мясо оленей. Маяты, правда, вопреки преданию не исчезли бесследно. Как показал Б. О. Долгих по архивным данным, маятские роды уцелели до настоящего времени в составе племен Крайнего Севера¹. А. П. Окладников предполагал, что полумифические пешие охотники – маяты – жили в низовьях р. Лены и к западу от нее вплоть до Таймыра [1, с. 122–123].

Предположение В. А. Туголукова о том, что часть маятов (на якутском языке – майаат), живя среди якутов, обьякутилась, получает подтверждение генеалогической линией предков некоторых современных саха [2, с. 48]. По фольклору кобьяйских якутов, родоначальники родов куокуй и тыайа – легендарные Куокуйа и Тыайа – происходили из племени воинственных майаатов. Майааты во главе с Манан Мэчэ обитали и при впадении реки Тукээн в Вилюй, т. е. в районе Верхневилуйского района [3, с. 50].

В. А. Туголуков маятов отождествляет с ваядырами, считая их происходящими от эвенкийского слова «ваядал» – «пришедшие убивать». Тунгусские рода булэны (буляши), ваянды (маяты) и нерумняли им считаются единой этнографической группой смешанного тунгусо-самодийского происхождения [2, с. 164–165]. Однако русское название «ваядыр» скорее передает этноним «анадырь». Маятов можно отождествить с родом западных тунгусов баяки или баягир. Поскольку в тюрко-монгольских языках буква М переходит в Б, то этноним «маят» («майаат») можно связать с «баят» («байат»/«байаут»).

Все эти вышеперечисленные роды являются западными, лесными тунгусами. Они отличались

обычаем татуирования лица, поэтому их в якутском фольклоре именуют «тигиилээх сирэйдэр» – «шитые лица». По фольклорным данным, буляши имели свой язык, в пищу употребляли сырое мясо, поэтому В. А. Туголуков считал лесных тунгусов ассимилированными тунгусами – уралоязычной группой. Эвенкийский термин «булэсэл»/«булэшэл» – «враги» от «булэн» – «враг» – был больше характерным для юкагирских групп [2, с. 164–165]. Носители этнонимов «баягир», «баят»/«маят», возможно, являются потомками самодийских родов с корнем «бай».

Что интересно, иностранные информаторы различали буляшей и тунгусов, считая их отдельными народами. Английский агент Ричард Финч в 1611–1616 годах сообщил: «Далее (за тунгусами на Енисее и Нижней Тунгуске) живет народ, называемый булаши, а за булашами живет народ по имени силахи» [4, с. 232]. Буляши и тунгусы совместно выступали против служилых людей, но довольно часто буляши совершали нападения на тунгусов [5, с. 153]. Именно от буляшей, торговавших с якутами, были получены первые известия об обитавших на реке «Лин» «якольских» людях, занимавшихся скотоводством, носивших платье и живших в деревянных избах [6]. В буляшах можно увидеть пограничный этнос между тунгусами и самодийцами.

По якутским фольклорным источникам, племена «тигиилээх сирэйдэр» («шитые лица») Вилюя обозначались под именем туматтар и дьирикинэй. Согласно В. А. Туголукову, западные, лесные тунгусы-эвенки, носившие татуировку и практиковавшие ритуальный канныализм, относились к аборигенам таежной зоны Сибири, ассимилированным пришлыми, оленеводческими группами эвенков.

По записям В. В. Никифорова, сделанным в 1925–1926 годах, туматы обитали в Вилюйском и отчасти Олекминском округах бывшей Якутской области. Они занимались охотой и рыболовством, жили в «земляных урасах» (видимо, холомо) и постоянно перекочевывали с места на место. Оружием им служили луки и стрелы с железными наконечниками, а также пальмы. Туматы носили одежду из звериных шкур, обвешанную кистями из оленьих волос и вышитую разноцветным бисером. Саха туматов обычно называли «тигиилээх сырайдаах», так как это племя имело обычай татуировать свое лицо.

¹ Красноярский краевой музей. Долгих Б. О. Дело Северной экспедиции 1938–1939 гг. № 737. Папка № 5. Часть III. Материалы по этнографии. Фольклорные тексты. Часть III. Эссеи якуты.

Туматы «имели чрезвычайно суровый вид и жестокий нрав»².

В то же время письменные документы XVII века позволяют утверждать, что под именем «тумат» обозначалась группа «пеших» якутов Среднего Вилюя [5, с. 468–469]. В начале XVII века на Вилюе казаки встретились с родами «пеших» якутов, имевших пропитание только с помощью рыболовства и охоты [5, с. 460–462].

Архаичность быта, упоминаемая в фольклоре туматов, привела исследователей к мысли о древности обитания их на территории Якутии и связи их с палеоазиатским (юкагирским) субстратом. Фольклорные источники отличаются свойством переноса давних событий на более близкие к современным реалиям. Древние этнонимы вместе с изменением этнического сознания претерпевают изменения, попадая из разряда «чужих» и «враждебных» в «свои». Так, этноним «тунгус» в XIX веке становится обозначением группы якутов-оленьеводов; сами вилюйские тунгусы были ассимилированы в составе саха, став скотоводами. Видимо, тогда в фольклорном сознании тунгусские роды Вилюя стали идентифицироваться с туматами, являвшимися в XVII веке субэтнической группой якутов.

В. А. Туголуков доэвенкийским населением Вилюя считал туматов, а по материалам А. П. Окладникова ими были сортолы. В Вилюе, по преданиям, жил многочисленный народ сортолов. Судя по преданиям, они жили вблизи Верхоянских гор, им приписывали давно уже покинутые жилища. Тунгусы и саха единодушно утверждали о глубокой древности сортолов и оставленных ими етехев [1, с. 72]. По данным топонимики, сортолы на территории Якутии обитали на Вилюе, в Жиганске, на Яне, по речке Сартан и в Тулаги (пригород г. Якутска) [7, с. 99].

Исходя из того, что вожди сортолов назывались кылыс-хосуун, при этом «кылыс» происходит от «кылыч-сабля», делается вывод о вероятности тюркоязычия сортолов. Монгольские сартаулы считаются потомками сартов, т. е. согдийцев – выходцев из Средней Азии, чьи колонии имелись во всех кочевьях теле еще в древнетюркскую эпоху. По археологическим данным, торговые колонии согдийцев суще-

ствовали в Прибайкалье вплоть до XV века. В Приамурье с согдийцами связывают археологическую культуру.

Наличие обьякученного тунгусского рода угулээт на Вилюе, напоминающего своим названием имя ойратского племени угулят, позволило Г. В. Ксенофонтову выдвинуть гипотезу о переселении хуннов, захвативших с собой часть монголоязычных ойратов в Вилюю еще в начале н. э. [8].

Род увалагир обитал в XVII веке в среднем Вилюе. Другими транскрипциями того же этнонима были «фугляд», «дуглят», «увлят», «фуфлят», «вугляк». В XIX – начале XX века тот же этноним писался как «угулят» – видимо, это якутское произношение. В членах этого рода Б. О. Долгих видел «сравнительно поздно отунгусенных аборигенов, не знавших в прошлом оленеводства». Б. О. Долгих этноним «увалагир» – «угулят» выводил от эвенкийского слова «увала» («угала») – «нести поклажу на себе» [5, с. 473].

Однако у увалагиров XVII века олени имелись. Согласно В. А. Туголукову, о тесной связи увалагиров с дотунгусскими аборигенами свидетельствует татуировка, которая покрывала их лица. В 1729 году по указу Петра I в Петербург были вывезены три семьи «шитых рож» «из фугляцкого рода». Поэтому данный автор предполагал, что род увалагир образовался в результате смешения эвенков рода нанাগир с аборигенами Вилюя [2, с. 189].

Возможно, тунгусы рода угулят и ойраты-угуляты получили свое имя от схожих слов в разных языках, тем более в образе жизни и в языке между ними не было никакого сходства. К тому же конные уляты-хамниганы кочевали в Забайкалье и имели монгольское происхождение. Наличие идентичных с монголами названий родов (монголь, хатыгын, иологэ, баяки, сортол, угулээт, коят) среди тунгусов говорит о пограничных контактах и этническом смешении между тунгусами и предками монголов, когда они обитали на Амуре.

У эвенков можно встретить предания о борьбе с народом железных богатырей «бекри», у которых и кони были закованы в железо. Они потерпели поражение и были ассимилированы тунгусами-эвенками [2, с. 190]. Г. М. Василевич и В. А. Туголуков род увакасил, или вокарай, в составе забайкальских эвенков связывали с мекритами, или меркитами. Среди тунгусов

² Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 47. Оп. 2. Д. 122. Л. 68–73.

восточного побережья Байкала встречается вакарайский род, включавший как коневодов, так и оленеводов [9, с. 162].

Пионерами освоения тундры северо-востока Якутии среди тунгусских групп являются вакараи, в которых В. А. Туголуков видел потомков меркитов. Следы вакараев встречаются на весьма обширном пространстве Северной Сибири: в бассейне Нижнего Енисея – гидроним «Вакарай»; на Алазее – юкагирский этноним «вагарил»; на Чукотке – реки Вакривай и Чаван-Вагарин, впадающие в Ледовитый океан; на Анадыре – приток Вакарина; в бассейне р. Амгунь в составе негидальцев имелись вакасилы, или же вакагилы [9, с. 152–177]. Однако этнонимы «вагариил» («исконные, коренные»), «вагарииль» («предок, родоначальник»), «вагирэл» (название рода тундренных юкагиров), возможно, являются древним самоназванием юкагиров [10, с. 181].

К концу XIII века относится сообщение Марко Поло о том, что в долине Бангу (Баргу) живут дикие охотники и скотоводы «мекри». У них много оленей; на оленях они ездили. Эти «мекри» проживали в местности, где зимой из-за великого холода не жили ни зверь, ни птица [11, с. 239].

М. П. Алексеев и Г. Юль в мекритах видят тунгусов, а не тюркское или монгольское племя. Более того, Юль в этом описании усматривает ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «Очевидно, М. Поло получил сведения от очевидцев» [4, с. 38].

Абульгази меркитов именуется маркатами. В. Ф. Минорский отмечал, что в арабских источниках упоминается племя марка: по его замечанию, данное название у тюркоязычных народов встречается только в Якутии, где в долине Туймаада есть местность Марха [12]. Действительно, в бассейне Лены и Вилюя широко встречается топоним юкагирского происхождения «Марха» (юкаг. «Морхэ(нг)» – «береза»). В Кангаласском улусе есть род марха. Следовательно, этноним «марка» также неожиданно выводит нас на юкагиров.

Этноним «мекрит» представляется связанным с тюркским обозначением народа, известного по китайским источникам как мохэ. Следовательно, этнонимы «мекрит», «мукрин», «бекри» являются различными транскрипциями средневековых мохэ. Удивительно, что название тунгусского рода вакарай связано с одним из

самоназваний группы палеоазиатов-юкагиров вагарииль. Данное обстоятельство предполагает возможное родство юкагиров с мохэ, по мнению некоторых исследователей, являвшихся палеоазиатами. По археологическим данным, аналогии железных вещей, относящихся к ранней железной культуре Якутии с мохэской культурой Дальнего Востока, предполагают проникновение мохэских групп в Якутию. Можно поставить вопрос о том, не имеет ли этноним «марха» отношения к этнониму «мохэ».

В XVII веке по Амге, Татте и Алдану, согласно письменным документам, проживали хоро. На Алдане имела Хоринская волость (всего 80 человек). Вместе с ними в Камнунское зимовье ясак платили также представители бетунцев и батулинцев [5, с. 498]. В Магасской волости на Алдане, между устьями рек Томпо и Уяна и частично в нижнем течении Татты, также есть Хоринская волость саха [5, с. 365].

Среди саха Крайнего Севера, как и всей Якутии, существовали легенды о народе хоро. Предания подчеркивают древность и многочисленность хоро. Нужно отметить заметное отличие преданий саха о племени хоро между жителями центральных улусов и северных районов. Например, согласно фольклору северных саха, хоро – вымерший народ, живший в древние времена. По преданиям саха центральных улусов, хоро переселились с юга и боролись с Тыгыном. Фольклорные версии о глубокой их древности, а также сюжет о симуирге-вороне позволяют связывать их с палеоазиатами.

В преданиях саха подчеркивается тот факт, что хоро имели иную религию и язык, чем тунгусы и саха. Согласно преданиям, язык у хоро был особенный, никто из посторонних не мог понимать их [13, с. 158]. Язык хоро принято связывать с «тайным», сакральным для непосвященных, шаманским языком. Шаманский язык, или «хоро тыла», распадался на язык хоро дикого оленя и язык хоро домашнего оленя.

Есть обширная историография досоветского, советского и постсоветского периода, отождествляющая якутских хоро с бурятским племенем хори. Хоринцев считали потомками курыкан, бурятские ученые связывали с шивеями, выводили от древних сяньби. В сочинениях исследователей XVIII–XIX веков, где встречаются утверждения о хоринцах как о бурятском племени, присоединившемся к саха, могло получить отражение этническое самосознание.

Что интересно, на территории Центральной Якутии встречались старинные погребения и поселения, связываемые с загадочным народом хоро. Найденная Е. Стреловым одежда хоролов не похожа на древнюю одежду якутов и не имеет ничего общего с одеждой монгольских народов. В то же время она по своему крою близко напоминает одежду эвенков [14, с. 51]. Таким образом, археологические данные отвергают отождествление исследователей XVIII–XIX веков хоро с хоринцами. Как известно, хоринцы вышли или вернулись в Забайкалье в начале XVII века с территории Маньчжурии. Следовательно, их культура в это время была монголо-маньчжурской.

В языке северных саха Г. В. Ксенофонов обнаружил монгольские слова, неизвестные южным скотоводам – саха. При этом по его описанию обряды якутов-оленьеводов Севера совпадали в точности с некоторыми обрядами северобайкальских бурят [8, с. 242]. Можно предположить, что роды северных саха, платившие ясак в Верхоянском и Жиганском зимовьях, в первой половине XVII века, вероятно, принадлежали к хоро. Это роды байдунцев, юсальцев и эгинцев. И. А. Худяков в Верхоянском улусе записал предание «Хоро (прародители якутов)». В нем рассказывается о войне между хоринцами и эгинцами, вспыхнувшей из-за калыма [15, с. 54–58].

Род с аналогичным якутскому этнониму названием имелся среди юкагиров. По мнению Б. О. Долгих, этноним «коромой» происходил от сочетания юкагирских слов «коризэл» («волк») и «омо» («племя»). В языке северных якутов имеется слово «коромой», означающее место, нору, где волки выводили волчат [5, с. 387–390]. Значит, этноним «коромо» означал нечто вроде «волчье племя».

Среди янских юкагиров XVII века следует выделить петайский род. Б. О. Долгих утверждает, что в конце XIX века петайцы назывались «бетильским тунгусским родом» и считалось, что они имели тунгусское происхождение. Во времена Иохельсона они были самой многочисленной группой юкагиров, сохранившей свой язык. По сохранившимся у них преданиям он заключает, что бетильцы пришли из Якутска. На колымской тундре они смешались с юкагирами [16, с. 27].

Считается, что тунгусы рода бети происходят от якутов Бетунской волости, сильно раз-

дробленной после разгрома их карательным отрядом Василия Пояркова. Но присутствие в XVII веке рода с таким названием среди юкагиров ставит ряд вопросов. Якуты называли бетильский род юкагизированных тунгусов ханайы омок. Сами бетильцы себя называли родом вахахарииль [16, с. 92].

Руководитель Колымской экспедиции Ф. П. Врангель на основе сведений, данных местными знатоками старины, написал о том, что на берегах средней Колымы некогда проживало большое племя омоков – «многочисленный и сильный народ». По преданиям, омоки были истреблены еще до прихода русских «поветриями, голодом и другими бедствиями». Такая же участь постигла и шелагов, на востоке от Колымы, и онкилонов, занимавших берега Анадырского залива [10, с. 134].

По словам В. И. Иохельсона, омоки и юкагиры были одним и тем же племенем. Предание об исчезнувших омоках может относиться только к тому или другому вымершему юкагирскому роду, а не племени, надземные могилы на Колыме, относимые к омокам, являются древними могилами юкагиров [16, с. 50].

В другом труде В. И. Иохельсон прямо заявляет о том, что народ, фигурирующий в преданиях под названием «омоки», несомненно, является предком современных юкагиров. Слово «омок» является именительным падежом от основы «омо», означающей «род» и «племя» [16, с. 50]. Надо сказать, что слова «омог», «обок» имеют значение в монгольских языках «род», «колени»; в якутском языке слово «омук» обозначает «иноплеменник».

Но под именем омоков были известны нижнеколымские юкагиры. Омоков в 1659 году насчитывалось 155 ясачных плательщиков, всего 620 человек. К 1693 году от них осталось всего 54 человека. Омоки жили на Анюях, на Колыме, к северу от Омолона [5, с. 429].

Таким образом, к приходу русских формирование якутской, эвенкийской и юкагирской народности отнюдь не было закончено. В их составе имелось много субстратных групп, возможно, имевших свои диалектные различия в языке, представлявших исчезнувших с территории Якутии носителей других языков. Фольклорные сведения о легендарных племенах, обитавших на территории Якутии, уточняются наличием сведений о них в документах XVII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л., 1955. 430 с.
2. Туголуков В. А. Тунгусы Средней и Западной Сибири. М., 1985. 285 с.
3. Захаров И. И. Майя, ацтеки, майааты... История обоснования и закрепления автохтонных жителей Средне-Вилкойского субрегиона (VII–конец XVI вв.) // Илин.-2000. № 2. С. 48–50.
4. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 609 с.
5. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005. 598 с.
7. Иванов М. С. Ис иһигэр киридэххэ (Размышления об истоках языка). Якутск, 1988. 240 с.
8. Ксенофонтов Г. В. Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. I, кн. 1–2. Якутск, 1992. 416 с.
9. Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 152–176.
10. Бурькин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб., 2006. 224 с.
11. М. Поло. Книга Марко Поло. М., 1955. 376 с.
12. Minorsky V. Hudud al – «Alam. London, 1937. [электронный ресурс] Режим доступа: <http://odnapllyazyk.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008 г.).
13. Ксенофонтов Г. В. Эллаида. Якутск, 1977. 104 с.
14. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII в. Улан-Удэ, 1997. 83 с.
15. Худяков И. А. Верхоянский сборник // Записки ВСОИРГО. Т. 1, вып. 3. Иркутск, 1890. 318 с.
16. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагизированные тунгусы. М., 2005. 675 с.

SIBIRYA'DA ETNOSLARIN VE ALT-ETNOSLARIN OLUŞUMUNDA TUNGUZ SOY GRUPLARININ ROLLERİ (EVENLER, DOLGANLAR VE GEYİK YETİŞTİRİCİSİ YAKUTLAR)

Mustafa Can TEZİÇ

УДК 957.1

Bu makalenin amacı Sibiryada ve Arktik bölgedeki etnik ve alt-etnosların oluşumunda Tunguz soy gruplarının rolünü Evenler, Dolganlar ve Geyik Yetiştiricisi Yakutlar örneğinde incelemektir. Bu makalede üzerinde durulan konu konar göçer hayat tarzından yerleşik hayata geçiş süreci sadece hayat tarzında bir değişiklik olmayıp aynı zamanda soy aidiyetinden etnik aidiyete geçiştir. Bu makalede bu geçiş süreci konstrüktivist bakış açısı ile incelenmiştir.

Anahtar Kelimeler: Etnos, etnisite, Even, Dolgan, Yakut, Sibiryada

РОЛЬ ТУНГУССКИХ РОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОСОВ И СУБЭТНОСОВ В СИБИРИ (ЭВЕНЫ, ДОЛГАНЫ И СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ – ОЛЕНЕВОДЫ)

Мустафа Джан Тезич

Целью этой статьи является анализ роли тунгусских родов в формировании этносов и субэтносов в Сибири и Арктике на примере эвенков, долганов и северных якутов – оленеводов. В этой статье утверждается, что трансформация от кочевого образа жизни к оседлому образу жизни не только изменила традиционный образ жизни, но и вызывала переход из племенной принадлежности к этнической принадлежности. В данной статье этот переход рассматривается через конструктивистские точки зрения.

Ключевые слова: этнос, этничность, эвен, долган, якут, Сибирь.

THE ROLE OF TUNGUZ TRIBES IN THE FORMATION OF ETHNOSES AND SUB-ETHNOSES OF SIBERIA (EVENS, DOLGANS AND YAKUT REINDEER HERDERS)

Mustafa Dzhan Tezich

The aim of this article is to analyze the role of the Tunguz tribes in the formation of ethnic groups and sub-ethnic groups in Siberia and Arctic region in the example of Evens, Dolgans and Yakut Reindeer Herders.

This article argues that the transformation from the nomadic way of life to a settled lifestyle not only changed the traditional way of life, but also caused a transition from tribal to ethnic identities. This article examines this change through a constructivist perspective.

Key words: ethnos, ethnicity, even, dolgan, yakut Reindeer Herders, Siberia

1. Giriş

V. A. Tugolukov'un Tunguzların farklı etnografik grupları üzerinde yapmış olduğu çalışmalar

neticesinde – bir halk, bir çok isim (narod adın – nazvaniye mnogo) [1, s. 32] şeklinde yapmış olduğu değerlendirmeyi konar göçer yaşam tarzı

içerisinde şekillenen soy aidiyetleri ile yerleşik hayat tarzına geçiş süreci içerisinde gelişen etnik aidiyetler arasındaki geçişkenliğin bir yansıması şeklinde okumaktayız [2, s. 77].

V. A. Tugolukov'un bu olgusal yaklaşımı bize sosyal bir geçişkenlik sürecinin yanında teorik bağlamda da bir geçişkenliği işaret etmektedir. Konar göçer yaşam biçiminin coğrafya algısının Rus idari sitemi tarafından yeniden şekillendirilmesi aynı zamanda şekillenen coğrafyanın, bu bölgenin yerlileri için yeniden anlamlandırılmasına yol açmaktadır. Bu anlamsal transformasyon süreci beraberinde soy aidiyetlerinden etnik aidiyetlere geçişi de beraberinde getirmiştir.

Bu çalışmanın amacı geniş bir coğrafya içerisinde yayılmış Tunguz soy gruplarının gerek kendi geçirmiş oldukları gerekse yaşadıkları coğrafyanın geçirmiş olduğu sosyal ve siyasal dönüşüm süreci içerisinde Sibiry'a'nın farklı etnik gruplarının ve alt-kültürlerinin (Evenler, Dolganlar, Geyik Yetiştiricisi Yakutlar, Ohotsk Kamçadalları, Yaya ve Geyik Yetiştiricisi Tunguz soy gruplarının oluşturmuş oldukları bölgesel gruplar) oluşum süreçlerindeki yerlerini primordialite olgusu ve coğrafya teorilerini bir arada değerlendiren bir teorik perspektiften okumaktır.

2. Kuramsal Yaklaşım

«Primordial», sosyolojik bir olgu olarak yaşadığımız toplumun ne çeşit bir toplum olduğu ve bu toplum içerisindeki sosyal bütünlüğün içeriğini oluşturan sosyal bağlar ve yükümlülükleri anlamayı amaçlayan bir olgudur. Bu bağlamda primordializm olgusu etrafında – etnisitenin primordial bir hadise olup olmadığını sormak yerine, primordializmin etnik bağlar ve kimliklerin içeriğinin açıklanmasında kullanılabilir mi sorusunu sormak daha doğru bir soru olacaktır [3, s. 76].

Sosyolojik olarak primordial olgu içerisinde farklı toplumlarda sosyal bağların doğası incelenebileceği gibi modern toplumlar içerisindeki gündelik yüz yüze ilişkilerin araştırılması kapsamında etnik topluluk içerisindeki sosyal bağ ve yükümlülükler E. Shils tarafından 1957 yılında incelenmeye başlanmıştır [3, s. 77].

E. Shilds, primordialite olgusu çerçevesinde yurttaşlık esasında organize olmuş modern Avrupa toplumunda yüz yüze ilişkilerin varlığını incelerken E. Durkhaeim (mekanik – organik toplumlar) veya F. Tönnies'ten (Gemeinschaft – Gesellschaft) almış olduğu metodolojileri kullanmış ve akrabalık olgusunun önemli olduğuna değinmiştir [3, s. 77]. Benzer şekilde C. Geertz de post-kolonyal çok etnili

devletlerde, birincil, yüz yüze ilişkileri incelerken, bu yeni devletler içinde belirli bir irka, dil grubuna, dinî gruba, bölgeye veya kültüre mensup olan grup üyeleri arasındaki sosyal yükümlülüklerin içeriğine dikkat çekerek etnik grup ve primordialite olgularını yan yana getirmiştir [3, s. 80-83].

İlişkilerin yüz yüze birincil yükümlülükler tarafından belirlenen insan topluluklarının bir çeşidi olan etnik grupların / etnosların oluşum süreçleri yani etnogenez olgusunu incelediğimiz zaman etnik grubun muhtevasını oluşturan özün ne olduğu konusundaki tartışma geniş bir literatür içerisinde karşımıza çıkmaktadır.

S.M. Şirokogorov «aynı dili konuşan, ortak köken birliği varsayımında bulunulan, kompleks âdet, töre, yaşam tarzı ve geleneklere sahip ve bu özellikleri ile diğer gruplardan ayrılan grubu etnos olarak tanımlamaktadır [4, s. 5-6].

Etnogenez sürecinin merkezine insanın doğaya adaptasyon yeteneğini koyan V.İ. Vernadskiy'e ve V.P. Kazanaçeev'den etkilenecek *passiyoner* teorinin kurucusu L.N. Gumilev etnos olgusunu – ... etnos belirli bir coğrafyaya adapte olmak için harcanan enerji ve bu süreç içerisinde grubun geliştirmiş olduğu stereotipik davranış kalıbı, ve bu özelliği ile çevresindeki gruplardan ayrılması olarak tanımlamaktadır [5, s. 511].

Farklı bir bakış açısı geliştiren Yu.V Bromley, etnos olgusunu, belirli bir toprak parçasında ve tarihsel süreç içerisinde kararlı bir yapı olarak ortaya çıkmış ortak bir dile, kültüre ve bu nesnel etkenlerin üretmiş olduğu bir grup psikolojisi ve sonrasında ortaya çıkan grup bilincinin bir etnonim ile kendini ifade etmesi süreci olarak tanımlamaktadır [6, s. 104-105].

Farklı bir olgu olarak etnik gruplar arasındaki etkileşim süreci içerisinde gruplar kendilerini diğer gruplardan ayırırken V. Tişkov'un (2003) Sosyal işaret (sosyal marker) olarak adlandırdığı olguyu kullanmaktadır. V. Tişkov'a göre «sosyal marker» her ne kadar dil, din, fiziki özellikler, bölgesel aidiyetler ... gibi nesnel etkenler olsada gruplar arasındaki ilişkinin içeriği sosyal «markerlerin» ne olacağını belirlemektedir [7, s. 60-61].

Benzer şekilde batılı kuramcı F. Barth (1969) da etnisitenin gruplar arası ilişkilerin yoğunlaşması sonucu ortaya çıktığını ve gruplar arasındaki sınırın (*boundary*) ise bu ilişki içerisinde grubun kendini tanımlaması ve diğer gruplarca tanımlanması sürecinde ortaya çıktığını belirtmektedir.

Diğer taraftan konar göçer yaşam içerisinde yüz yüze ilişkiler ise bu yaşam tarzının kendi sosyal ve

politik şartlarına göre belirlediği soy (Rusça *rod*) grupları tarafından çizilmektedir. Soy grupları grup üyelerinin birbirlerine kan bağı (akrabalık) ile bağlı olduğu bir sosyal birlikdir. Bu sistem içerisinde egzogami soy gruplarını izole kalmaktan kurtardığı gibi diğer soy grupları ile birleşmesini ve geniş birlikler oluşturmasının önünü açmıştır [8, s. 91-92].

Tunguzlarda, Türk-Moğol soy yapısında olduğu gibi baba soyunu izleyen bir prensipte örgütlenmiş ve egzogami ile genişleyen bir soy hiyerarşisine sahiptirler. Örnek olarak: Tunguzlarda egzogami üzerine kurulu farklı soy gruplarının arasında evlilik bağı olabilmeleri için yedi ila on kuşak boyunca arada akrabalık bağının olmaması gerekmektedir. Fakat yapılan farklı çalışmalar göstermiştir ki kuşak sayımı farklı bölgelerde dört kuşağa kadar düşmektedir [9; 10; 11]. Benzer şekilde Kazaklardaki şecere sayımında her ne kadar dokuz kuşak geri gitse de bazı drumlarda on iki ila dört kuşak arasında değişebildiği gibi Kırgız veya Özbek gibi Kazak olmayan gruplar ile de soy grupları birleşebilmektedirler [12, s. 193]. Bu da bize soy gruplarının aslında politik olduğu ve grubu bir arada tutan kan bağı ve soy ağacı olgularının kurgusal ve sosyal olarak inşa edildiğini göstermektedir [12, s. 193].

Yine Tunguzların uzun süre birlikte yaşadıkları ve birlikte pek çok etnik grup ve alt-etnik oluşumu gerçekleştirdikleri Yakutlar şecerelerini dokuz kuşak geriye doğru saymakta olup, dokuzuncu kuşağa *sıgan* demektirler. *Sıganlar* için «Suya düşse endişelenmem dokuzuncu göbekten olan *sıganların* artık başka bir aymaktan oldukları anlamına gelir» [13, s. 121]. Bu da bize geleneksel Yakut toplumundaki yüz yüze ilişkilerin sınırlarını belirtmektedir.

Benzer şekilde Tunguzlarda *tege* kelimesi kendi, insan, aile, soy, halk, yabancı kabile anlamlarını taşır. Örnek olarak Podkamennaya Tunguska nehrinden bir Tunguz boyu için Nijneya Tunguska nehir havzasındaki bir başka Evenk soy grubu *tege* yani yabancı kabile olarak algılanmaktadır.

Bu örnekler göstermektedir ki konar göçer yaşam tarzında primordial – sosyal bağ ve yükümlülüklerin (primordial bağların) içeriğini sınırlar bireyler arasındaki kan bağının yakınlığı veya uzaklığı belirlemektedir.

Sonuç olarak biz gerek soy gruplarını gerekse etnos olgusunu tarihsel olarak farklı etaplara özgü, ilişkilerin yüz yüze olduğu birincil yükümlülükler tarafından belirlenen insan topluluklarının birer

çeşidi olarak ele almaktayız. Yüz yüze ilişkilerin hâkim olduğu toplulukların sınırlarını ise üyeleri tarafından sosyalleşme süreci içerisinde kişilerin « içerisinde doğmuş oldukları tasavvur» «*Vrojdennoye (primordialnoye) predstavleniye*» ile çizildiğini savunmaktayız [14, s. 112-113]. Diğer bir değişler bu kavram, kişilerin içerisinde doğmuş oldukları ve yüz yüze ilişkiler geliştirebildikleri toplum tasavvuru olarak daha net açıklanabilir.

Bu süreç içerisinde sosyal hareketlilik (salgımlar, savaşlar, idari değişimler, dinlerin yayılması vs.) mevcut sosyal yapıları değiştirmekte, değişen yapılarda tekrarlanan sosyal pratikler, kişilerin içine doğmuş oldukları toplum tasavvurunun yeni durumlara göre tekrardan kristalleşmesine neden olmaktadır [15, 14, s. 112-113].

Sosyal hareketlere paralel olarak kristalleşen, bu tip bir toplum tasavvuru kendini bir etnonim ile tanımlamaya başladığı sürece bir etnik kimliğe dönüşürken, bu yapının kendini bir etnonim ile tanımlamadığı durumlarda grup bir alt-kültür olarak toplum içerisinde yaşamaya devam etmektedir [15, s. 270].

Toplum tasavvurlarının ortaya çıkması ve kristalleşmesi süreci içerisinde mekan olgusunun hiç kuşkusuz çok önemli bir yeri vardır.

Bölgesel olarak toplumsal bir mentalitenin oluşmasında o bölgedeki ekonomik, dinsel, manevi ayırt edici özellik çok önemlidir. İnsanları çevreleyen doğa, doğaya adaptasyon ve adaptasyon esnasında toplumların geliştirmiş oldukları yatkınlık, beceri, değerler buradaki insanların kaderlerinde etkileyicidir [16, s. 9-11].

Toplum tasavvuru sosyal olarak edinilen bir olgudur ve sosyalizasyon süreci içerisinde gelişir. Bu süreç içerisinde birey kazandığı normlar ile çevresi ile aidiyet geliştirir. Bireyin doğmuş olduğu çevrede edindiği normlar, kişi için doğuştan edinilen (temel / essential) nitelikler hâline gelir. Yani içine doğmuş olduğu toplum tasavvuru / anlayışı düşüncesi'nin içeriği sosyal hareketliliğin etkisi ile de değişebilir [14, s. 112].

Primordialite sorununa coğrafi teoriler açısından bakacak olursak aidiyet ve kimlik oluşumlarında mekân inşasının hiç kuşkusuz yeri azımsanamaz.

Literatürde Edward Relph, Yu-Fu Tuan gibi düşünürler coğrafyayı doğal oluşumlar olmaktan ziyade sosyal olarak inşa edilmiş mekânlar (*place*) olarak değerlendirmektedirler [17, s. 19-20]. Bu bakış açısına göre mekân (*place*) insanın belirli bir zaman içerisinde gerçekleştirmiş

olduğu eylem sonucunda belirli bir alana (*space*) bir anlam atfedip, anlam atfettiği bu alan ile aidiyet duygusu geliştirmek sureti ile sınırladığı uzaysal birime denir. Yine Yu-Fu Tuan ortak değerlerin ve normların değişmesi ile birlikte mekân ile kurulan aidiyetin de değişebileceğini belirtmiştir.

Diğer taraftan R. Sack (1986) mekân içerisindeki sosyal düzenin yine mekânın kendine özgü normları ile kontrol edildiğini iddia eder. Diğer bir deyişle mekân, içerisinde bulunan kişilerin eylemlerini kontrol eden yapıdır. R. Sack'e göre, kişilerin eylemleri ile inşa olan «mekân» kendi içerisinde geliştirilen normlar ile kişiye bulunduğu mekâna aidiyet ve sorumlu olma duyguları verdiği gibi aynı zamanda kişiye kimliği konusunda da yol göstermektedir [18, s. 13-15, 134].

Siyasi ve idari sınırların çizilerek bir mekâna dönüştürülmesinde modern devleti önemli bir faktör olarak gören A.J. Agnew devletin çevresinde bulunan bağımsız lokal yapıları (etnik veya linguistik), geliştirmiş olduğu araçlar ile standardize edebilme kabiliyeti olduğu iddiasındadır [19, s. 36-37].

Sonuç olarak sınırlar ile inşa edilen «mekân», içerisinde toplumların ortak normlar inşa edip içinde doğmuş oldukları, doğuştan / yaradılıştan (başlangıçtan beri) var olduğu anlayışı / düşüncesi / fikri veya tasavuru geliştirecekleri bir coğrafi bütünlüktür. Aynı zamanda mekânların sınırlarını belirleyen sosyal normların değişmesi ile mekânların sınırları değiştiği gibi bu mekânlar içerisinde geliştirilen aidiyetlerde de değişimler gözlenir.

Primordialite sorunu coğrafi teoriler açısından ele alındığında Sibirya coğrafyası ve bu coğrafyada Tunguz soy gruplarının içinde buldukları aidiyet sorunsalı daha açık bir şekilde kavranabilir.

Primordial ilişkilerin içeriğinin değişmesinde Tunguz soy gruplarını farklı yönlere yapmış oldukları göçler ve bu göçler sonucunda oluşturmuş oldukları yerel etnografik yapılar etkili olmuştur. Daha sonra bölgede Rus Çarlığı'nın uyguladığı idari yapılanma politikası sonucu tüm coğrafya Çarlığın ihtiyaçlarını karşılamak üzere idari mekânlara ayrılmıştır. Tüm bunların sonucunda yerlilerin geleneksel yaşam sahaları bozulmuş ve onlara yeni bir mekân algısı inşası inşa edilmiştir.

3. Tunguzların Kökeni

Tunguz etnoniminin kökeni hakkında her ne kadar farklı fikirler olsada Orta Asya çıkışlı olduğu tahmin edilmektedir [10, s. 703].

Tunguz kelimesinin anlamı hakkında ise farklı düşünceler mevcuttur. Açıklamalardan ilki Tunguz kelimesinin, Tunguzlara özgü bir elbise olan «*Kungu*» kelimesinden türediğini iddia eder, bir diğer açıklama ise Çince bir kelime olan ve doğulu barbar anlamına gelen «*Tungu*» veya «*Tunhu*» kelimesinden türemiş olduğunu iddia etmektedir [20, s. 52].

Pri-Baykal, Pri-Amur, Yakutistan ve Uzak Doğu Rusya'da yapılan arkeolojik araştırmalar göstermiştir ki neolitik dönemde bu bölgelerde yaşayan gruplar yerleşik, yada yarı yerleşik hayat tarzına sahip balıkçılık ve köpek yetiştiriciliği ile meşgul gruplardır. Bu araştırmalar bize Tunguzların Sibirya'ya nereden ve nasıl bir süreç içerisinde geldiklerini sormaktadır [21, s. 156-157].

Yapılan araştırmalara göre M.S. 5. ve 7. yüzyıllarda Baykal Ötesi (Za-Baykal) bölgesinde yaşayan Uvan'ları «Tunguzların dolaysız atalarını» işaret etmektedir [22, s. 16; 21, s. 156-157].

On yedinci yüzyıl kayıtları, geyik yetiştiricisi Uvanların, Bayegu isimli Türk dilli at yetiştiricisi bir grubun topraklarında yaşadıklarını belirtmektedir. Bayegu'ların yaşadıkları bölge takriben, Selenge nehrinin aşağı kesimleri – Baykal gölünün doğu kıyıları olarak Barguzin nehir havzasını kapsamaktadır [22, s. 17; 21, s. 156-157].

On yedinci yüzyıl verilerine göre Geyik yetiştiricisi gruplara Bayegu'lar 6 veya 50 gün yürüme mesafesi uzaktadır. Yine, kayıtlara göre Geyik yetiştiricilerinin yaşadıkları topraklar, koyunlar için otlaklardan yoksun, ağaçlık ve geyiklerin yaşayabileceği yosunlu bir arazi olarak tarif edilir. İnsanlarının geyik derisinden elbiseler giydikleri kaydedilen bu bölge dağlık tayga olan ve Barguzin ve Selenge'nin kuzeydoğusunda, Olyekma ve Angara nehirlerinin üst kısmında bulunmaktadır. Kayıtlar «*Tszyuy, Gyuy, Gyay, Gyue.*» Gibi farklı etnonimleri gösterebilir, bu etnonimlerin hepsi tek bir etnik grup olan Uvanlara ait alt gruplardır. Tunguzların oluşumunu geçirdiği bu bölgenin Uvanlar ile bağları bulunmakta olup, Uvan etnonomisinin de Evenk etnonomisinin prototipi olduğu savunulmaktadır [22, s. 17; 21, s. 156-157].

Etnonimler ve yer isimlerine dayanarak yapılan araştırmalara göre Uvan'lar komşularının baskıları neticesinden daha güney den ormanlık bölgelerden Baykal Ötesine (Za Baykal) gelen hayvan yetiştiricisi konar göçer bir grup olup, farklı grupların bir araya gelerek oluşturduğu Hi ler

içerisine dahil olmuşlardır. Hun unsurları taşıyan bu gruba zamanla Syan'bi, Kidan, Mohe ve Mançuların ataları olan Çjurçjenler' de dâhil olmuşlardır [22, s. 17; 21, s. 158].

Zaman içerisinde Uvan'lara güneyden Türk ve Moğol kökenli gruplar da katılmışlardır. Türk kökenli grupların içerisinde en çok bilinen Merkitlerdir. Merkitler bir Tunguz soy grubu olan Bayakagirler arasına yerleşmişlerdir. Daha sonra Bayegu olarak bilinecek olan bu grubun Uygurlar ile de genetik bağları vardır. Dulukagir olarak bilinen bir diğer Tunguz soy grubu ise Eski Türkler (Gök Türkler) ile ilişkilidir. Diğer taraftan Gol'degir, Ulyat, Çongolir, Tumandinsky ve Çipçinut gibi Tunguz – Uvan soy gruplarının da Moğol soy grupları ile bağlı oldukları bilinmektedir [22, s. 17; 21, s. 158].

On ikinci ve on üçüncü yüzyıllar içerisinde kuzeye göç etmeye başlayan farklı Tunguz soy grupları Sibirya'nın ve Uzak Doğu Rusya'nın farklı bölgelerine yerleşmişlerdir [22, s. 17].

On ikinci yüzyılda Lena, Vilo ve Aldan nehirleri arasında yerleşen farklı Tunguz boyları bu bölgelerde yaşayan yerli halklar ile karışarak, bölgede Sologon, Duligan, Edigan olmak üzere üç farklı etno-kültürel yapı oluşturmuşlardır [22, s. 17]. Yerli halkları ile karışan her bir grup kendi bölgelerine özgü ve birbirlerinden ayırt edici farklı linguistik ve antropolojik özellikler kazandıkları gibi yine 3 farklı ekonomik – kültürel grup (geyik yetiştiricisi, hayvan yetiştiricisi ve balıkçı) ortaya çıkarmışlardır. Bu sürecin sonucunda Sologonların bir kısmı Şologan, Duliganların bir kısmı Dolgan, Ediganların bir kısmı da Edyan olarak adlanmaya başlamışlardır [22, s. 18-22].

On üçüncü ve on dördüncü yüz yüzyıllarda Yakutların Lena bölgesine gelmeleri bu bölgedeki Tunguz boylarının doğu ve kuzeye, Ohotsk Denizi, Lena nehrinin aşağı kısımları ve Maya nehirleri yönüne doğru itmiştir. Bu hareketlenme sonucunda Tunguz soy grupları başlıca Kuzey nehirleri olan Anadır, Yana, İndigirka ve Kolima nehirlerine yerleşmişler ve bu bölgelerde Koryaklar, Yukagirler, Çukçalar, Çuvanlar ve Rus eski yerleşimciler ile zaman zaman çatışma zaman zaman bir araya gelerek kendine özgü etno-kültürel yapılar bir kaç yüz yıl içerisinde oluşmuştur.

4. Yaya Tunguzlar ve Ohotsk Kamçadalları

Tunguz soy gruplarının oluşturmuş olduğu yerel etno-kültürel yapılardan ilki yaya Tunguzlar olup bu oluşum daha sonra Ohotsk Kamçadalıları olarak adlandırılan etnik grubun oluşumunda da oldukça

önemli bir yere sahip olacaktır. Y. Lindenau, A.M. Zolotarev, gibi araştırmacılar yaya Tunguzların, Ohotsk kıyılarına inen ve görece kolay yaşam koşulları nedeni ile bu bölgede yerleşik hayata geçip balıkçılık ile uğraşan grupların kökenlerinin geyik yetiştiricisi Tunguz soy gruplarına dayandığını faklı çalışmalar ile göstermişlerdir [23, s. 164; 22, s. 20].

Yaya Tunguzlar Ohotsk denizinin güney batı kısmında Ul'ya nehrinden, kuzeybatıda Ola nehrine kadar uzanan 120 – 200 km lik bir kuşak içerisinde bulunmaktadırlar. Bu kuşak içerisinde Tunguz yerleşim yerlerine Kuhtuye, Ul'beya, İnya, Tauye nehirlerinde rastlanmaktadır [24, s. 163].

Güneybatı da Ul'ya ve Kuhtuye bölgesinde bulunan yaya Tunguzlar ve geyik yetiştiricisi Tunguzlar ile aynı soy gurubuna mensupturlar. Yani yaya Tunguzlar burada aynı soy gurubuna ait bir alt grup oluşturmaktadırlar. Ohotsk grubu olarak adlandırılan bu grup başlıca; Boyaşinskiye, Godinkanskiye, Gorbikanskiye, Gulyugirskiye, Del'yanskiye, Yev'yanskiye, Kilarskiye, Kukugirskiye, Leltyagirskiye, Nenigirskiye, Tugoçerskiye, Uyagan (Ajanskiye, Azyanskiye) soy gruplarından oluşmuştur [224, s. 163-164].

Diğer taraftan Kuzeydoğuda bulunan yaya Tunguzlar soy yakınlığı bakımından neredeyse hiçbir geyik yetiştiricisi Tunguz soy grubu ile kan bağı bulunmamaktadır. Genel olarak Tauyskiy grubu denen bu grup başlıca Abdarskiye, Bulyukagirskiye, İnganskiye, Kutinskiye, Muktukarskiye, Nemnegirskiye, Omohtonsliye, Omuktagirskiye, Talbanskiye, Tauyeskiye, Ugdigirskiye, Ugjerskiye (Ukçerskiye) soy gruplarından oluşmaktadır [24, s. 164].

Tauyskiy grub ve Ohotsk grupları kültürel olarak karşılaştırıldığı zaman iki grup arasındaki diyalekt farkı gruplar arasında sınırları çizen bir ayırıcı «sosyal işaret (marker)» «sosyal [7] olarak ortaya çıkmaktadır. Bu diyalekt farklılığı Gorbikansk soy grubuna mensup biri tarafından kendilerinin İnsk ve Tauysk soy gruplarından farkları şu şekilde açıklanmıştır. «Onların kendi dilleri var, bizimle onlar arasında az benzerlik var». Daha sonraki yapılan araştırmalar ortaya çıkarmıştır ki Tauyskiy grub Tunguzlar, Tunguz dilinin Armansk diyalektinde konuşmaktadırlar [24, s. 164]. Her ne kadar iki grupta aynı dilin farklı diyalektlerini konuşsalar da, diyalekt farkı «biz ve onlar» ayrımını yapmaktadır.

Ohotsk kıyılarında yerleşik hayata geçen Tunguzların bölgede bulunan yerli gruplar ile ilişkiye geçmeleri ise çeşitli bölgesel alt-kültürlerin

oluşmasında etkin rol oynayan bir başka faktördür. B.O. Dolgih bu karşılaşmayı Koryakların yaya Tunguzları asimile etmesi şeklinde açıklar. M.G. Levin ise benzer şekilde yaya Tunguzları Tunguzlaşmış Paleo-Asyatlar olarak kabul eder. Asimile olan Paleo-Asyatik grupların Tunguzlardan Tunguz dilini aldıklarını fakat atalarının ekonomik ve kültürel özelliklerini koruduklarını belirtmektedir [22, s. 16].

A. M. Zolotarev'e göre Tunguz soy grupları Ohotsk denizine ulaştıkları zaman bu bölgede Paleo-Asyatik gruplar (Nivhler ve Koryaklar) ile karşılaşmışlardır. Bu karşılaşma sonucu Paleo-Asyatik gruplar ile karışan Tunguz soy grupları Paleo-Asyatik gruplardan yer altı barınağı, köpek koşulları, köpek yetiştiriciliği, fok balığı avlama metodları, köpek kurban etme gibi olgular alırken, Paleo-Asyatik gruplar ise Tunguz soy gruplarından eski Tunguz dilini, kayak, balık derisinden veya ağaç kabuğundan yapılmış çadır gibi olguları almışlardır [22, s. 16].

Diğer taraftan Sovyet bilim adamları da A.M. Zolotarev'in fikirlerine katılırlar ve yaya Tunguzlar için Tunguzlaşmış Paleo-Asyatlar tanımlaması yaparlar. Fakat bu oluşumu geyik yetiştiricisi Tunguz soy gruplarını bölgeye geldikleri zamana kadar bir halk olarak tanımlamazlar [22, s. 16].

Bölgedeki ikinci asimilasyon dalgası ise geyik yetiştiricisi Tunguz soy gruplarının bölgeye göçleri ile başlar. Farklı geyik yetiştiricisi Tunguz boyları, yerleşik gruplar ile karışmaya başlarlar. Bu buluşma Ruslarında bölgeye geldikleri zamana rastlamaktadır. On yedinci yüzyılda (1659-1660 ve 1690-1691) yılları arasında bölgede meydana gelen salgında yaya Tunguzların büyük bölümü hayatlarını kaybetmiş, kurtulanların büyük bölümü ise bölgeden göç etmişlerdir. Bölgede kalanlar ise geyik yetiştiricisi Tunguzlar, Koryaklar ve Ruslar arasında kalmış etnografik ve linguistik bazda alış veriş içerisinde giren gruplar zaman içerisinde Yu. Bromley'in belirttiği üzere kendilerine ait bir grup bilinci geliştirmek sureti ile ortaya Ohotsk Kamçadalları olarak bilinen etnik grubu ortaya çıkartmışlardır [22, s. 20]. Kamçadalları bir bölümü Kamçatka yarım adasında bir bölümü ise Ohotsk kıyılarında olup, bozulmuş bir Rusça konuşurken, dillerinin içerisinde yerli dillerinden kelime bulunmaktadır. Bunun yanında karışmış oldukları yerli gruplardan balık ve fok avcılığını almışlardır [25, s. 205-212].

On dokuzuncu yüzyılda İ. Bul'ıçov'un Ohotsk округunda yapmış olduğu araştırmada göstermiştir

ki bir zamanların yaya Tunguzları *Borodyaçiye*, *Osedlye*, *Sidyaçiye* olmak üzere üç etnografik yapıya ayrılmışlardır. *Borodyaçiye* geyik yetiştiricisi Evenler, *Osedlye* Geyik yetiştiricisi Tunguzlar, ki bunlar artık Rus eski yerleşimciler ve Yakutlar ile karışmışlar. *Sidyaçiye* ler ise eski yaya Tunguzlardan kalan ve bu güne kadar geleneksel yaşamlarını korumuş gruplar olarak tanımlanmışlardır [24, s. 166].

İ. Bul'ıçov *Osedlye* Tunguzları Ruslar ile birlikte yaşadıklarını, yaşam mekanlarını basit yapılar olduğunu, elbiselerinin geyik derisinden yapıldığını, büyük baş havyan sahibi olduklarını, saman kestiklerini ve nadir ava giden bu grubun mutfaklarında balık ve yağlı fok balığının yanında bol miktarda patates tükettiklerini belirtmiştir [24, s. 166].

İ. Bul'ıçov *Sidyaçiye*'lerin geyik yetiştirmeyi bilmediklerini, yoksul olduklarını, yurtlarda veya barınaklarda yaşadıklarını belirtmişler. Bu grup balıkçılık ile geçinirken tüm zenginliklerinin 6 veya 7 köpeğe sahip olmak olduğunu yazmıştır [24, s. 166].

Sonuç olarak, yerleşik hayata geçen Tunguz soy grupları bölgedeki adaptasyon süreci içerisinde farklı yaşam tarzları geliştirmiş, kimi unsurlar Ohot Kamçadallarına dönüşmüşler, farklı gruplar ise lokal bölgelerde kendilerine özgü etnografik topluluklar olarak varlıklarını sürdürmüşlerdir.

5. Tunguzların Kuzey Doğu Sibirya'daki Hareketleri ve Geyik Yetiştiricisi Tunguzların Oluşturduğu Alt-Kültürler

On yedinci yüzyılda farklı Tunguz soy grupları Kuzey-Doğu bölgesine farklı yönlerden göç etmeye başlamışlardır. Bu gruplardan ilki özellikle Koryaklar ile sıkı etkileşim içerisine girecek olan grup Ohotsk kıyılarını takip ederek Kuzeye çıkarken, diğer gruplar Verhoyan sırtları üzerinden Yana ve Ohotsk denizi arasında kalan coğrafyada kuzeye doğru ilerlemiş Yana, İndigrika ve Kolıma nehirlerine ulaşarak ağırlıklı olarak Yukagirler ile temas kurmuşlardır [24, s. 156].

Farklı Tunguz boylarının yapmış olduğu bu göç hareketleri farklı koşullarda farklı etnik gruplar ile karışmalarına ve zaman içinde yerel özgün yapılar oluşturmalarına yol açmıştır.

Bu göç hareketlerinden başlıcalarına daha yakından bakacak olursak karşımıza şöyle bir tablo çıkmaktadır.

On yedinci yüzyılda Ohotsk kıyıların dan kuzeye çıkan Dolgan ve Uyagan soy grupları

Ola, Yama, Viliga ve Gijiga nehirleri etrafında Koryak gruplar ile çatışmaya başlar ve Koryakları kuzeye iterler. On sekizinci ve on dokuzuncu yüzyıllarda Gijiga nehrinin üst kısımlarına geçip buradan Anadır havzasına yönelmişlerdir. 1897 yılında Çaun nehrini geçip Kuzey Buz Denizine ulaşan Del'yan I ve Uyans soy grupları bu bölgede Çuvanlar ve Yukagirleri ile birlikte yaşamaya başlamış ve 1914 yılında bu grup geyik yetiştiricisi Çukçaların etkisi altında kalmıştır [24, s. 156-157].

Daha batıda kalan Del'yan soy grubu ise Yakutistan tarafından Verhoyan dağ kollarını takip ederek Kolıma nehrinin üst kısmına ulaşmış ve burada Yukagir soy grupları ile çatışmaya başlamışlardır. Her ne kadar Yukagirler baskın olsalar da, onsekizinci yüzyılın ilk çeyreğinde durum Tunguz soy grupları lehine değişmiştir. Kolıma nehrinin üst kısmının sağ kıyısında Koryak ve Çukçala soy grupları ile çatışan Tunguz soy gruplar on dokuzuncu yüzyılın ikinci yarısından sonra barışçıl ilişkiler geliştirmişler ve özellikle Kolıma nehrinin orta ve yukarı kesimlerinde Yukagir soy grupları ile karışmışlardır. Bu karışımın sonucunda Del'yan II soy grubu dil ve kültür bakımından Yukagirlerin etkisine girmiştir. Bu bölgede Geyik yetiştiriciliğini bırakan Del'yan'lar, Yukagirlerin Uşkan soy gurubu ile bir arada Yasaçnaya nehrinde kışlamaya başlamışlardır. Sonuç olarak Kolıma nehrinin üst kısmında Yukagirler daha çok Tunguz soy gruplarını asimile etmişlerdir [24, s. 157].

Kolıma nehrinin orta ve aşağı kesimlerinde ise Tunguz göçleri farklı oluşumların meydana gelmesine yol açmışlardır.

1772-1776 yılları arasında Kolıma nehrinin aşağı kesimine Çukotyа bölgesinden (doğudan) gelen başlıca Uyagan ve daha az sayıda Del'yan, Lamut ve Omolon soy grupları bu bölgeye yerleşmişleridir. İleriki tarihlerde 1897 nüfus sayımı kayıtlarının verileri ne istinaden Kolıma Tundrasına sayıları 300' ü bulan Uyagan, Kamen II (Hodeydjil'), Kunkugur olmak üzere farklı Tunguz boyları da gelmişlerdir. Kolıma nehrinin aşağı kesiminin sağ yakasında ilerleyen grup Çukçalar ile karışmaya başlamış, on dokuzuncu yüzyıl da Alazee de Kamen (Hodeydjil') soy grubu ise Yukagirler ile karışmıştır. Bu karşılaşmalar ve birleşmeler sonucunda grup Yukagir dilinin Tundura diyalektini konuşmaya başlamıştır [24, s. 158].

İndigrika nehir havzasında da benzer durumlar söz konusudur. Tunguz göçleri İndigrika nehrine

güney bölgelerden gelmiştir. Bölgeye ilk gelen Del'yan lar bölgede bulunan Zaşiverskoye ve Podşiverskoye (zimoviye) idari bölgelerinin bünyesine girmişlerdir. İlk zamanlar sadece Yukagirlerin yasak ödedikleri Zaşiverskoye zimov'ye idari bölgesi 1669 yılına kadar olan göçler neticesinde bölgenin demografik yapısı değişmiş ve bu idari bölgede kayıtlar sadece Godnikanskogo, Kunkugirskogo ve Uyanskogo soy gruplarının yasak ödediklerini göstermektedirler. Podşiverskoye zimov'ye idari bölgesinde ise Yukagirler ve Tunguz gruplar birlikte yasak ödemektedirler [24, s. 158].

On dokuzuncu yüzyıla gelindiğinde İndigrika da Tunguz soy grupları Yukagir soy grupları ile karışmaya başlamışlardır. Örnek olarak Ojogin kilise kayıtları ele alındığında 1864 yılında Buyaksirskom ve Kunkugrsk soyları Yukagirlerin olarak tanımlanmıştır [24, s. 158].

Kuzeydoğu bölgesinin en batı bölgesinde farklı gruplar arasındaki karşılaşmanın şiddetli olduğu yerlerden bir başka nokta ise Yana nehrinin üst kısmıdır. On yedinci yüzyıl mahkeme kayıtlarına göre Del'yan ve Tugoçer soy grupları bir Yukagir soy grubu olan Zel'yankurskogo'lar ile sıkı ilişkiler geliştirmiştir [24, s. 159].

Bunun dışında yine Yana nehri bölgesinde 1679 yılında Tugoçer ve Boçer soy gurupları Yukagir soy gruplarından Petayskogo'lar ile karıştıkları kayıtlara geçmiştir [24, s. 159].

Yine Lena nehrinin aşağı kesimlerinde İndigrika ve Yana nehirlerinden gelen Kunkugurovlar ve Aldan nehrinden gelen Tyugesiler bu bölgede Yukagir soy grupları ile karışmıştır sonuç olarak Kunkugurov I ve II'lerin içerisine çok sayıda Yukagir katılmıştır [24, s. 160].

1897 nüfus sayımında ise Yana nehri ağzında 372 Yukagir saptanmış, saptanan bu Yukagirlerin 131'i ana dillerini Evenkçe olarak bildirmiştir [24, s. 161].

Sonuç olarak Tunguz göçleri sonucu ileriki dönemlerde Even olarak isimlendirilecek olan Tunguz soy grupları, Yukagir, Koryak, Çuvan, Çukça soy grupları gibi bölgenin yerli halkları ile farklı bölgelerde farklı şekillerde karışarak kendilerine özgü bölgesel etno-kültürel gruplar oluşturmaktadırlar [24, s. 161].

Tüm bu coğrafya içerisinde farklı kültürel yapılar oluşturan farklı Tunguz soy grupları zaman içerisinde farklı etnonimler ile de anılmaya başlamışlardır.

6. Kuzey Doğu Sibirya’da Geyik Yetiştiricisi Tunguz Soylarının Oluşturmuş Olduğu Alt-Kültürler ve Etonimler

Geniş bir coğrafyaya yayılan farklı Tunguz soy grupları gittikleri bölgelerde sadece farklı gruplarla karışıp kendilerine özgü sosyo-kültürel bölgesel yapılar oluşturmayıp aynı zamanda bu sosyo-kültürel yapılar içerisinde farklı grup bilinçleri geliştirmişlerdir. Sonrasında bu yapılar birer etnonim ile kendini ifade etmeye başladığı gibi farklı gruplarca da aynı şekilde tanımlanmaya başlanmıştır [22, s. 14].

Bu etnonimlere daha yakından bakılacak olursa, bu etnonimlerin kullanımlarının gruplar arasındaki sosyo-ekonomik veya sosyo-kültürel özelliklerden kaynaklandığı görülecektir. Diğer bir deyişle gruplar arasındaki sınır «biz ve onlar» sosyo-kültürel ve ekonomik farklılıklarca inşa edilmektedir.

Örnek olarak otuzlu yıllarda Ohotsk kıyılarında Dolgan, Uyagan, Doyda ve Dudki soy guruplarının birlikte yaşadıkları bölgedeki geyik yetiştiricisi Tunguzlara Oroç denmekte ve idari olarak bu bölgedeki Tunguz toplumu Oroç adı ile idari yapı içerisinde bir halk olarak tanımlanırken, konuştukları dil içinde Oroç dili tanımlaması yapılmaktaydı. Linguistik olarak Oroç dili olarak nitelendirilen bu dilin aslında bir Tunguz dialekti olan Ol’skogo ağzı olduğu anlaşılmaktadır [22, s. 14-15].

Diğer taraftan, Mene etnonimi ise geyik yetiştiricisi Evenler’in yerleşik yaya Tunguzlar için kullandıkları bir isimdir [22, s. 14-15].

Her ne kadar bu iki etnonim günümüzde anlamlarını yitirseler de bu iki etnonimde sosyo-ekonomik veya kültürel ayrımlar üzerinden gruplar arasındaki sınırların simgeleridir.

Yerel etnonimlerin oluşum dinamikleri biraz daha incelendiğinde coğrafya ve bölgesel aidiyetlerinde bu yapılar üzerinde etkili olduğu daha net görülecektir. Örnek olarak: Didiginkenel etnonimi Gijigin nehri etrafında yaşayan Tunguzlar, Rassohannel – Rassohin ve Kabenkenel etnonimleri ise Kabe nehri etrafında yaşayan Tunguzlar için kullanılmaktadır [22, s. 15].

Bunun dışında dağlı kuzeyli anlamına gelen Donditkil’ ve yazın Ohotsk kıyılarına göç eden Lamutlarada – Namyatil’ – denmekteydi [22, s. 15].

Benzer şekilde Lamutlaşmış Yukagirlerin bir bölümü ise Dutke (Yana nehrinin aşağı kısmı ve Alazei nehirlerinde yaşayan bir halk) olarak adlandırılmaktadırlar.

Dutke etnoniminin kökeni ise Evence – Det – Tundura kelimesinden türemiş olup – Dutki – (Detki) yani tundurada yaşayan insanlar anlamındadır. Bu insanlar Evenler için Yukagir olarak tanımlanırken aslında Even – Yukagir karışımı gruplardır [22, s. 15].

İlkan etnonimi ise V.İ. İohel’son tarafından – İlkanbey – terimi ile bağlantılı bulunmuştur. Bu etnonim Yana ve İndigrika arasında bulunan Lamutlaşmış Yukagirler için kullanılmaktadır. 1952 yılında İ.S. Gurviç – İlkan – etnoniminin Aşağı İngiridka nehrinde Buyasir, Del’yan ve Kunkugur lar içinde kullandığını tespit etmiştir. Bunun dışında İlkan, etnonimi Kolıma nehrinin aşağı kesimlerinde, Tunguz soy gruplarının ve Yukagir soy gruplarının birlikte yaşadığı gruplar içinde kullanılmıştır [22, s. 15; 1, s. 53].

İlkan etnoniminin kökenine bakıldığında ise Even dilinde – İlkan – Metka yani geyik kulağı, Yukagir dilinde ise – İle – evcil geyik anlamlarına gelmektedir. Bilim adamlarının değerlendirmelerine göre – İlkan – Yukagir ve Tunguz kökenli bir kelime sayılabilir ve anlamı – Geyikli (Olennıy) demektir. Evenk dilinde Bey – İnsan anlamına gelip, – İlkanbey – ise Olenovod geyik yetiştiren anlamına gelmektedir [22, s. 15].

Sonuç olarak örneklerde de görüldüğü gibi göç sonucu farklı gruplar ile kurulan yeni ilişkiler ve tekrarlayan pratikler «toplum tasavvurunun» kristalleşmesine ve zaman içerisinde bu yapıların bir etnonim ile anılmasına kadar gitmiştir.

7. Tunguz Soy Gruplarından Even Kimliğine Geçiş

On yedinci yüz yılda Rus İmparatorluğunun bölgeye girmesi ile birlikte bölgenin idari yapısını düzenlemek adına «idari soy» sisteminin uygulamasına geçilmiştir. Bu sistem belli başlı soy gruplarını koloni sistemi içerisinde idari yapılanmaya bağlanmıştır. Soy gruplarının yapı ve görevlerine bakılacak olursa, her soy grubu seçilmiş bir yaşlı tarafından yönetilmekte iken, kendi bölgelerinde *yasak* toplamanın dışında hukuki işlerden de sorumlu idiler. Örnek olarak 10 Uyagan, 7 Dolgan ve belirli sayıda Delyan soy grubu farklı bölgelerde idari sistem ile bütünleşirken bu soy gruplarının dışında kalan bir çok soy grubu ise idari yapı tarafından tanınmayıp idari soy grupların içerisine dahil edilmişlerdir [10, s. 767-768]. Bu tür bir yapılanmada soy gruplarını birbirlerine yakınlaştırmıştır.

Yirminci yüzyıla kadar konar göçer farklı soy grupları belirli bölgelerde toplanmaya başlamış

ve Hıristiyanlaştırma faaliyetlerinin bu bölgelerde hızlanması soy grubu bilincini zayıflamasında bir başka faktör olmuştur. Soy gruplarının etkilerinin zayıflamasının bir başka nedeni ise ticaret ve onunla birlikte ortaya çıkan toplumsal katmanlar arasındaki farklılaşmadır. Zenginliğin genellikle Geyik sürülerinin büyüklüğü ile ifade edilen Tunguzlar, Sovyetler Birliğinin kolektivist politikaları ile birlikte özel büyük sürüler yerlerini kolektif çiftliklere bırakmış bu gelişmelerin Sovyet eğitim politikaları ile birleşmesi yeni bir coğrafi mekân olgusunu da beraberinde getirerek modern anlamda Even kimliğini ortaya çıkmasının da yolu açılmıştır [10, s. 767-768].

Bu sosyal sürecin ilk zamanlarında bugün Even olarak tanımladığımız etnik grup Middendorf ve Şren' tarafından Evenklerin farklı bölgelerde yaşayan alt grupları olarak tanımlanırken, on yedinci yüzyılda da Lamut etnonimi idari bir tanımlama olarak kabul edilmeye başlanmıştır [10, s. 760]. Uzun müddet farklı etnonimler kullanılsa da 1930 yılında Even etnonimi başlıca Yana, İngdika ve Kolım nehirleri ve çevre bölgelerinde yaşayan ve özellikle buradaki yerli halk ile karışan farklı Tunguz soy grupları için kullanılmıştır.

Sonuç olarak F. Bart'ın (1969) üzerinde durduğu gibi grubun kendini tanımlaması kadar, grubun tanımlanması da kimliklerin güçlenmesi açısından önemlidir. Önce Çarlık politikaları, sonra Sovyet politikalarının neticesinde yaşanan derin sosyo-kültürel ve ekonomik transformasyon sonucunda daha önce farklı soy grupları ve yerel etnonimler ile kendini tanımlayan gruplar, bu geçiş süreci sonunda kendilerinin sistem tarafından Even olarak tanımlanması sonucu Even kimliği bir önceki dönemde ortaya çıkan aidiyetlerin bir anlamda önüne geçmiştir.

8. Tunguz Soy Grupları ve Geyik Yetiştiricisi Yakutlar İle İlişkileri

On yedinci yüzyılda Kuzey, Kuzey-Batı Yakutistan'ın etnik ve sosyo-kültürel yapısı ve bu yapı içerisinde Tunguz soy gruplarının durumu incelendiği zaman karşımıza doğuda Lena nehrinin aşağı kesimlerinden, batıda Yenisey nehrine, güneyde Vilo nehir havzası ve kuzeyde buz denizi ile sınırlı geniş bir yaşam alanı çıkmaktadır.

Bu geniş yaşam alanı içerisindeki bölgede Tunguz soy grupları görece geniş bir alana yayılmış olsalar da, aynı bölgede farklı etnografik ve lingistik yapılarda bulunmaktaydı. Bu yapıların başında Samoid soy grupları gelmekteydi. Bu gruplar Lena nehrine kadar olan bölgede varlık göstermekle

birlikte daha sonra Tunguz soy gruplarının bölgede ilerleyişi karşısında Yenisey – Anabar bölgesine çekilmişlerdir. Yine Lena nehrinin aşağı kısmında Yukagiri soy gruplarının varlığı bulunmakta iken batıda Anabar nehrinin aşağı kısımlarında bugünkü Avamsk Nğanasaların ataları Tavgiler yaşamakta idiler [26, s. 40; 23, s. 176].

Bölge Tunguz soy grupları açısından değerlendirildiği zaman başlıca Tunguz soy grupları şu şekilde sayılabilir. Olenek nehri etrafında Vanyad ve Nyurumal soy grupları geyik çobanlığı ile meşgul olup, yaz aylarında Anabar ve Olenek nehirleri arasında sürülerini otlatırlarken, kışın güney bölgelere Yessey Gölü, Vilo ve Aşağı Tunguzka nehirlerine göç etmekte idiler. Bunun dışında Olenek nehri ve Yessey gölü çevresinde Sinigir ve Ayanamlar, Katanga nehri etrafında Voyador'lar ve Boyagirler bölgedeki başlıca Tunguz boylarını teşkil etmekteydi [26, s. 41; 23, s. 176].

Bölgenin Rus İmparatorluğunun idaresine girmesi ile birlikte bölge farklı idari yapılar arasında bölündü. Bu yapılara bakılacak olursa Yakut uyezd içerisinde Jiganskoye zimoviye, Olenskoye zimov'ye, Viloyuyskoye zimov'ye ve Mangazeyskiye (Turuhanskiye) uyezd içerisinde de Avamskoye ve Mangazeyskiye zimov'ye'ler karşımıza çıkmaktadır [23, s. 176].

Bölge daha Rus idaresi altına girmeden önce iki ayrı yaşam alanına ayrılmıştı. Bu alanlardan ilki 2.7 bin nüfuslu Vilo nehri ve Lena nehrinin aşağı kesimini kapsayan alan, ikinci bölge ise 1.3 bin nüfuslu Yessey Gölü, Taymırya, Anabar ve Olenek nehirlerini içine alan geliş alanı [23, s. 177].

Bu dönemde bölgede bulunan farklı Tunguz soy gruplarının siyasi durumlarına bakılacak olursa Bayagir'ler ve Vanyad'lar Yessey Gölü ve Aşağı Tunguzka nehirleri arasında birbirleri ile çatışmakta idiler, bunun yanında Sinigir ve Edyan soy grupları ise Anabar ve Olenek nehirleri etrafında birbirleri ile çatışmaktaydılar. Bu çatışmaların dışında Kaltagir, Nyurmagan ve Sologan soy grupları arasında da kan davaları bulunmakta idi. Bu çatışmaların sebepleri çok kesin olmasa da Geyik avının görece rahat yapıldığı Hatanga, Anabar ve Olenek gibi bölgelerde üstünlük sağlama amacı olduğu söylenebilir [23, s. 177].

Yessey Gölü çevresinde yaşayan Tunguz soy gruplarının Rus idaresinin uyguladığı yasak politikasına karşı (1682-1683) yıllarında ayaklanması ise bölgedeki Tunguz nüfusun belirli bir zaman aralığı için de olsa göç etmesine neden olacak diğer bir önemli olaydır [23, s. 177].

On yedinci yüzyılın seksenli yılları ile birlikte bölgeye Yakut göçleri başlamıştır. Küçük gruplar halinde bölgeye gelen Yakut göçlerinin temel nedeni Rus İmparatorluğuna ödenen ağır yasaklar, Toyonların ağır baskısı ve daha sonraki zaman diliminde ticaret olarak özetlenebilir. Vilo nehir havzasını kuzeye doğru takip eden Yakut gruplar Lena nehrinin Aşağı bölgesinden Jiganskoye zimov'ye ve sonrasında Olenek ve Anabar nehirlerine (1681) gelirken [27, s. 8-9] daha sonraları Yessey Gölü ve Hatanga nehrine kadar ulaşmışlardır [23, s. 180].

Dönemin nüfus kayıtları hakkında detaylı araştırma yapan İ.S. Gurviç, Jiganskoye zimov'ye zimov'ye den ağır vergiler nedeni ile Olenek zimov'ye gelen pek çok Yakut aileyi tespit etmiştir. Diğer taraftan yapılan nüfus hareketinin karakterine bakıldığında ise bölgeye yapılan Yakut göçleri her zaman kalıcı olmamıştır. Kötü geçen balık ve geyik avı sezonları sonucunda pek çok kez Yakutlar yeni geldikleri bölgelerden görece daha rahat avlanacakları bölgelere geçmişlerdir [28, s. 185].

Bölgedeki nüfusun sürekli hareket halinde olması aynı zamanda Çarlık Rusyasının idari sınırlara böldüğü bölgenin kozmopolit bir yapıya doğru evrilmesine yol açarken aynı zamanda farklı soy gruplarının bir araya gelmeleri ve ayrılmaları yeni birliklerinde ortaya çıkmasını sağlamıştır.

Örneğin: 1652 – 1653 yılları arasında bölgede yaşanan salgın hastalık neticesinde bölgedeki Tunguz nüfusunda önemli ölçüde bir düşüş gözlenmiştir. Bölgede azalan nüfus kısa süre içerisinde bölgeye göç eden Yakutlar tarafından doldurulmaya başlanmıştır. Bu bölgedeki farklı soy gruplarının birbirleri ile karıştığını gösteren diğer bir örnek ise 1862 – 1863 yıllarında Yessey Gölü Tunguzları isyan sonucunda Jiganskoye zimov'ye ve Lena nehrinin aşağı kesimlerine kadar gitmişler fakat Amanat ve Vonyadırsk gibi soy grupları Yessey deki durumun yatışması ile geri dönseler de bazı Tunguz soy grupları yerel Tunguz soy grupları ile karışmışlardır [26, s. 45].

On sekizinci yüzyıla gelindiğinde, bölgedeki hareketli yapı başta av sezonlarının verimliliğine göre şekil kazanmaya devam etse de, bölgeye yeni Yakut ve Tunguz göçleri devam etmiştir. 1702 yılında Yakutlar kuzey batıya ilerlerken 1730 yılında Olenek ve Lena nehrinin aşağı kısımlarına İlimpey Tunguzları yerleşmeye başlamıştır [26, s. 86]. Bu sırada pek çok Yakut geyik yetiştiriciliğine geçmiştir. 1739 yılında Hariton Laptev, Olenek

havzasında Geyik yetiştiricisi Tunguz ve Yakutların bir arada dolaştıklarını ve her iki grubunda yaşam tarzlarının birbirlerine çok benzediğini kaydetmiştir [28, s. 188].

İdari yapıların güçlenmesi ile birlikte Kuzey – Kuzey Batı Yakutistan da Volost (Nasleg)'ler içerisinde farklı etnik gruplardan karışık yapılar ortaya çıkmaya başlamıştır [26, s. 89; 28, s. 188-189].

Örnek olarak: 1761 nüfus sayımına göre Jigansk bölgesinde 1-2 Batulinskiy, Tumatskiy, Kangalaskiy ve 1-2-3 Hatıginskiy gibi Yakutlara ait naslegler de 605 erkek toplam 1200 kişi tespit edilmiştir. 1795 yılında yapılan revizyonda Jigansk bölgesinde 1133 erkek nüfusun olduğu ve bu nüfusun 212 sinin farklı Tunguz soy gruplarından (Kyupsk ve Ejansk) oldukları tespit edilmiştir. 1782 yılında yapılan bir diğer sayımda ise bölgede Yakut ve Tunguzların bir arada oluşturdukları pek çok aile tespit edilmiştir. Bu karışık evliliklere bakıldığında Kangalass Nasleg'de Ejan, Kyupsk, Dolgan, Lalıgirsk soy gruplarından pek çok eş alındığı görülmektedir [28, s. 188].

Sonuç olarak, 1789 yılında ilk yasak komisyonu geliştirmiş olduğu idari yapılanma ile birlikte Kuzey- Batı Yakutistan'daki Yakutlar ve Tunguzlar bir arada yaşamaya itilmiştir. Bu yapılanma sonucunda farklı Yakut ve Tunguz gruplar bir araya gelirken, aynı soy grubuna üye gruplar ise farklı idari bölgelerde kalmak zorunda kalmışlardır [26, s. 68].

Sonuç olarak on sekizinci yüzyılda Tunguz, Yakut soy grupları ve bölgeye gelen Ruslar önemli ölçüde birbirleri ile karışmıştır. Kimi Tunguz soy grupları sadece Yakut dilini alırken, kimi soy grupları ise kendilerinin genetik olarak Yakutlar ile ilişkili olduğunu vurgulamaktadır. Gurviç, yapmış olduğu arşiv çalışmalarından elde ettiği veriler ışığında dokuzuncu yüzyılda geyik yetiştiricisi Yakutlar, Tunguzlar ve Ruslar artık tek bir etnik grup haline gelmişlerdir tespitini yapmıştır [28, s. 190].

Uzun süreli bu etkileşim sonucu bölgedeki Tunguzlar Yakutlaşırken aynı zamanda bölgeye gelen Yakutlar da yaşam koşullarına uymak için Tunguzlardan, onların ileride maddi kültürlerini şekillendirecek, yaşam pratiklerini almışlardır. Dil, Yakut dili iken ekonomi ise geyik avı ve balıkçılık gibi bölgedeki Tunguz soy gruplarından alınan metotlardan ibarettir.

Özellikle Tunguz etkisi av için yapılan tören veya ayinlerde, Rus kültürünün öğeleri evlilik

törenlerinde, soy – törenleri folklor ve sanatta ise Yakut etkileri gözlemlenmektedir [28, s. 191].

Geyik yetiştiricisi Yakutların dil ve takvim yapılarını daha detaylı incelediğimizde diğer Yakut gruplarından farklar ve komşuları olan Tunguzlar ile yakınlıklar karşımıza daha net çıkmaktadır.

Örneğin: geyik yetiştiricisi Yakutların dilleri Yakutça olsa da geyik yetiştiriciliği hakkındaki söz varlığı Tunguz etkisindedir. Geyiklerin yaşı, cinsiyeti, türü, geyik koşunları vs., geyik yetiştiriciliği ile ilgili terimler Tunguzlardan alınmıştır. Bunun dışında özellikle av aletleri ve silah isimleri de Tunguz dilinin etkisindedir [29, s. 312].

Diğer taraftan ay isimleri incelendiğinde yine geyik yetiştiricisi Yakutlar ve Tunguzlar arasındaki etkileşim ortaya çıkmaktadır. Örnek olarak: yaz ayları ele alındığında geyik yetiştiricisi Yakutlar bu aylar için *kumaar iya* ve *irgahta iya* «sivrisinek ayı» ve «at sineği ayı» terimlerini kullanmaktadırlar. Benzer şekilde İlimpeyskiye Tunguzları da «sivri sinek ayı» ve «at sineği ayı» anlamında *nganma nii* ve *hunminii* terimlerini kullanırlar. Bu terimlerin geyik yetiştiriciliği ve avcılık ile uzun süreli bir yaşam sonucunda oluştuğu açığa çıkmaktadır. Kaldı ki Hayvan yetiştiricisi Yakut gruplar yaz ayları için çok farklı terimler olan ve sezonluk çalışmayı simgeleyen ot biçme (koşeniya Travı) – *ot iya* – ve – *atırd'ah iya* – ot toplama anlamına gelen saman hasatı (uborki sena) terimlerini kullanmışlardır [29, s. 314].

Yine kuzeydeki geyik yetiştiricisi Yakutlar ile güneydeki Yakutların aile yapıları karşılaştırıldığında da farklılıklar görülmektedir. Örnek olarak: geyik yetiştiricisi Yakutlarda aile içerisinde alınacak önemli kararlarda aile reisi eşinin tavsiyeleri ile karar verirken bu oluşum güneydeki Yakutlarda farklıdır [30, s. 111].

9. Yessey Yakutları

Yukarıda da belirtildiği üzere Yakutsitan'ın Kuzey ve Kuzey-Batı bölgelerinde Tunguz, Yakut ve Rus nüfusunun karışması pek çok irili ufaklı etnografik grubun Yakutistan'ın orta ve güney bölgelerindeki etnografik yapıdan farklılaşmasına neden olduğu gibi, bölgeler arasındaki etnografik farklılıklar Yakutlar arasında da ayırma yol açmaktadır.

Bu gruplardan Yessey deki Geyik Yetiştiricisi Yakut gruba daha yakından bakacak olursak, Yessey Yakutları aslen Yakut oldukları halde 2013 yılında «az nüfuslu halk» statüsünü kazanmışlardır.

1628 yılında bölgede Yessey Mangazeysk Kazakları tarafından çar adına yasak toplamak için bir *ostrog* kurulmuş ve idari yapı içerisinde çoğunluğunun Tunguzların, Samoyedlerin oluşturduğu halktan yasak toplamaya başlanmıştır. On yedinci yüzyılda, bölgede yaşanan salgın karşısında azalan Tunguz nüfus hızla Yakutlarca doldurulmuştur. Bölgeye gelen Yakutlar zamanla bölgede bulunan Tunguz soy grupları ve Rus köylüler ile karışırken, bölgenin coğrafi yapısı nedeni ile de asıl Yakut popülasyonundan izole kendi içinde bir etnografik grup oluşmuştur. 2002 yılında yapılan nüfus sayımında kendilerini Yessey Yakutları olarak tanımlayan grubun dili klasik Yakut dilinden zaman içerisinde farklılaşmış, bu çerçevede kendi diyalektleri geliştiği gibi komşuları Evenklerden de pek çok kelime almışlardır. Dilin ötesinde materyal kültür ise yine Evenk ve Ruslardan büyük oranda etkilenmiştir (Çvaçan).

Sonuç olarak Yakutlar arasında yaşanan bu etnografik farklılıklar günümüzde Geyik Yetiştiricisi Yessey Yakutlarının hukuki statülerinin de belirleyicisi olmuş ve Yessey Yakutları az nüfuslu halk statüsünü kazanmışlardır.

Bölgedeki nüfus hareketleri, coğrafyanın idari yapılara mekânlara ayrılması ve Tunguz soy gruplarının Kuzey-Batı Yakutistan ve Taymırya'da farklı gruplar ile girmiş oldukları ilişkiler Geyik yetiştiricisi Yakutların dışında Dolgan olarak bilinen bir başka etnik grubun oluşmasına da yardımcı olmuştur.

10. Tunguz Soy Grupları ve Dolganlar

Dolganlar yirminci yüzyıl içerisinde Tunguz, Rus, Yakut ve Samoyed gibi etnik bileşenler tarafından oluşan çok genç bir etnostur [31, s. 31].

On yedinci yüzyılda Tunguz soy grupları Taymır yarım adasına gelmeden önce bölgede bugünkü Nganasanların ve Enetslerin ataları olan farklı Samoyed soy grupları yaşamakta idiler. Zaman içerisinde farklı Tunguz soy grupları Lena, Olenek, Anabar ve Hatanga nehirleri arasında göç yolları oluşturmaya başlayıp bölgede geyik yetiştiriciliği ile meşgul olmaya başladıkları zaman Taymır yarım adası da dâhil olmak üzere çevre bölgeye bugün Dolganların oluşumunda önemli yerleri olan başlıca Tunguz soy gruplarından Dolganlar, Ediganlar ve Sologonlar göç etmişlerdir.

Bu soy gruplarından Dolganlar, Vilo nehrinin aşağı bölgesi ve Lena nehrinin orta kesimlerinden çıkıp Olenek nehri ve Yessey Gölü çevresine oradan da Aşağı Tunguzka nehrine ve Taymır yarım adasına yöneldiler [32, s. 340]. Edjanlar (Ejan,

Edyan) ise önce Lena nehrinin orta bölgesinden Lenanın aşağı kesimlerine göç etmişler daha sonra Lamutların etkisinde kalan grup on yedinci yüzyılda Taymır yarım adasına geçmiştir. Bunun yanında günümüzde Evenlerin de içerisinde bulunan Sinigir soy grubu ise on yedinci yüzyılda Olenek, Anabar, Çane, Aşağı Tunguzka nehirleri etrafında dolaşmakta iken Dolganlar ile birlikte Taymır yarım adasına geçmişlerdir. Bu üç Tunguz soy grubunun dışında on yedinci yüzyılın ilk yarısında Aşağı Tunguzka nehrinde yaşayan farklı bir Tunguz soy grubu olan Bayagirler yüzyılın ortasında buldukları bölgelerden kuzeye doğru ilerlemeye başlarken, benzer şekilde yine bir Tunguz soy grubu olan Malgaçagirler önce Turuhansk bölgesine sonra Yessey zimoviye oradan da kuzeye ilerlemeye başladılar [32, s. 341].

Ruslar ise Dolgan etnosunun oluşmasında bir diğer önemli unsurdur. Önce Yenisey nehri sonrada buradan Lena nehrinin aşağı kesimlerine doğru hareket eden ve bölgede Dolganlar dâhil olmak üzere pek çok etnik grup ve alt-kültürlerin oluşmasında önemli rol oynamışlardır. Bölgeye ticaret için gelen Rusların bir kısmı burada kalıp yerliler ile evlenmişlerdir. Bu gruplar daha sonra Tundra gerisi köylüler olarak anılmaktadırlar.

Yakutlar ise Dolgan etnosunun en önemli unsurlarından bir başkasıdır. On yedinci yüzyılın sonunda Betil'skler ve Hatıginskler olmak üzere iki Yakut soy grubu Hatanga nehrine ulaşmıştır. Bu Yakut soy gruplarından Bet (Beti) Lena nehrinin sağ kıyısında Aldan nehrinin sularını boşalttığı bölgede Betinskoy Volost da yaşamaktaydı. Bölgenin coğrafi konumunun izole olması burada Tunguzlar ve Yakutların zaman içerisinde karışmasına ve Tunguz dilinin de toplumun belirli üyelerince halen korunmasına imkan vermiştir. On yedinci yüzyılın ikinci yarısında gurup Lena nehrinin aşağı kesimlerine göç etmeye başlamıştır. Diğer bir Yakut soy grubu olan Hatıgin'ler de bir Tunguz soy grubu olan Hataginsk'lerden asimile olmuş Yakutlardır ve onlarda on yedinci yüzyılın ikinci yarısından sonra Lena nehrinin aşağı bölgelerine oradan Aldan ve sonra Heta nehrine ulaşmışlardır [32, s. 341; 23, s. 221, 225].

On sekizinci yüzyılda Anabar ve Hatanga nehirlerinin bulunduğu bölgelere periyodik açlık ve yaban geyiklerinin göç yollarını değiştirmesi sonucunda Yakut göçü artmıştır. Bunun sonucunda Taymır yarım adasının demografik yapısı iyice değişmiş ve Dolgan etnosunu oluşturacak tüm gruplar bölgede yerlerini almıştır. Bölgede yeni

bir grup aidiyetinin doğmasını hızlandıran bir başka önemli gelişme ise geniş Hıristiyanlaştırma faaliyetleridir. Bu dönemde Yakut misyonerler (1786) Yessey gölüne geçmişler daha sonrada Taymır bölgesinde içine alacak geniş bir alanda misyonerlik çalışmalarını hızlandırmışlardır. Bu çalışmalar çerçevesinde Hatangada bir kilise yapılmış ve din adamları bölgeye yollanmaya başlanmıştır [32, s. 343]. D'yaçenko'nun Taymır yarım adasının doğu ve batı bölgelerinde Dolgan mezarları ile ilgili yapmış olduğu çalışma açıkça göstermiştir ki, bölgede Hıristiyanlaştırma faaliyetleri başlamadan önce doğu Taymırya'daki mezarlar Yakut etkisi altında iken batı Taymırya'daki mezarlar Evenk etkisi altındadır. Ancak Hıristiyanlık ile birlikte Dolgan mezarlarında bir yakınlık başlamıştır [33, s. 38-44]. Bu da bizlere etnos kuramcılarının üzerinde durmuş olduğu gruba özgü yaşam tarzının oluşmasında ve farklı grupların bir birine yaklaşmasında Hıristiyanlığın bölgedeki etkisini göstermektedir.

On sekizinci yüzyılın ikinci yarısında (1782) Hatanga ve Yenisey nehirlerini de içine alan geniş coğrafya idari bölgelere ayrıldı. Bu idari yapılanma bireysel yasak toplamaktan, kolektif yasak toplama mantığına geçişin bir yansıması idi. Yeni sistem çerçevesinde bölgedeki halk belirli idari sınırlar içerisinde toplanmış ve bölgeyi izinsiz terk etmeleri de yasaklanmıştı. Bu şekilde devlet yetkilileri düzenli şekilde yasak toplayabiliyorlardı [32, s. 343].

Devrime kadar günümüz Dolganları Dolgano-Yeniseysk (Dolgan), Dolgano-Tunguskiye (Dongot), Jigansko-Tunguskiye (Edjen), Doganigsko-Tunguskiye (Karınto) olmak üzere çeşitli idari soy gruplarına ayrıldılar. Dolganlara karışan Yakutlar ise Nijne-Zatungrinskye upraleniye olarak ayrılmıştır [23, s. 742].

Sonuç olarak hem ruhani hem de idari olarak on sekizinci yüzyılda Taymır yarım adasında bir coğrafi (mekân) sınır çizilmiş ve böylece yeni bir grup aidiyetinin ortaya çıkabilmesi için gereken tüm değişimler gerçekleşmiştir.

11. İç İç Girmiş Aidiyetler

Dolganlar hakkında araştırmalar yapıp onları tek bir etnik grup olarak gören ilk araştırmacılar A. Middendorf ve M.A. Castren dir.

1841 yılında St. Petersburg A. Middendorf'un araştırma gezisi yayımlanmadan daha bir kaç yıl önce 1838 yılında Yeniseyin doğusunda idari yönetimin Dolganlardan, Tunguzlardan ve Samoyedlerden yasak topladıkları kayıtlara geçmiştir [23, s. 231].

A. Middendorf kendi araştırmasında Dolganları Tunguzlardan ayrılmış ve Yakutların küçük bir kolu olarak tespit etmiştir. A. Middendorf Dolganların kendilerini «*Dolgaş*» olarak tanımladıklarını, Yurak'ların ise Pyasin nehrinin yukarı kıyılarında kalan bölgede yaşayan halkı «*Tingus*» olarak tanımladıklarını tespit etmiştir. Benzer şekilde Yenisey ve Avamsk Samoyedleri de «*Dolgame*» demektedir [34, s. 337].

Diğer taraftan, A. Kastren Yenisey nehrinden batı Taymırya'ya geçerek «*Dudinka*» da yapmış olduğu çalışmada bölgedeki Rusların Dolgan, Adjan (Jigan) ve Dongot olmak üzere üç Yakut soy grubunu Dolgan olarak adlandırdıklarını kaydetmiştir. Kastren farklı kaynaklara referans vererek Dolganların Yakut dili konuştuklarını ve köklerinin de Galkinga, Sakatin ve Bijka olmak üzere üç kardeşe dayanmakta olduğunu ve buldukları bölgeye Yakutistandan geldiklerini yazmaktadır [34, s. 337].

Bir başka araştırmacı P. Tert'yak ise 1860 yılında yapmış olduğu çalışmada farklı bir etnonim ortaya konmaktadır «*Tagal'*». P. Tert'yak batı Taymırya'da Tagal' adı ile anılan bir Tunguz kabilesi olduğunu ve buldukları yere Hatanga nehrinin yukarı kesimlerinden geldiklerini belirtmiştir [34, s. 337].

Yirminci yüzyılın başında V. N. Vasil'yev günümüz Dolganlarının Rus, Yakut ve Tunguz kültürü etkisi altında olduklarını fakat kendilerini Dolgan olarak tanımladıklarını belirtmiş ve bölgede yaşlılar ile yapmış olduğu söyleşilerde Dolgan etnoniminin bölge insanları arasında yayılışı ile ilgili önemli ip uçları yakalamıştır. Tunuzların vaftiz olduktan sonra Dolgan olarak yazıldıkları bölgedeki yaşlıların hatıralarından kaydetmiştir Anılarını paylaşan bir kişi, kendisinin Çorpoh soy grubundan olduğunu fakat atalarından bahsederken onların Tunguz olduklarını belirtir. Aileleri bir kaç erkek kardeştan ve onların eş ve çocuklarından oluştuğunu, geyik yetiştiriciliği ile meşgul olduklarını ve Hatanga nehrinin güneyi ve kuzeyi arasında kalan bölgede dolaştıklarını, bu bölgedeki tüm ailelerin vaftiz edildikten sonra Dolgan olarak kaydedildiğini ifade etmiştir [34, s. 338].

Yirminci yüzyılın başında yapmış olduğu çalışmada S.K. Patkanov, Dolganların kendilerine özgü bir etnik grup olduklarını Dolgano-Yesseyk ve Dolgano-Tungusko olmak üzere iki ayrı soydan meydana geldiklerini ve Taymur yarım adasının batıda Pyasin, Dudipta nehirleri ve Norilsk Gölü, doğusuna ise popigay nehri çevresinde

dolaştıklarını ifade etmektedir. S.K. Patkanov yapmış olduğu çalışmada Dolgano-Yesseyk grubunun 523 kişiden oluştuğunu, Dolgano-Tungusko grubunun ise 439 kişiden oluştuğunu yazarken. Toplam 976 Dolgandan, 646'sının ana dilini Dolganca olarak ifade ettiklerini, 273 kişinin ana dilini Yakutça olarak ifade ettiğini, 45 kişinin Yenisey Samoyedçesi, 3 kişinin de Rusça olarak ifade ettiklerini kayda geçirmiştir [34, s. 338].

Yirminci yüzyılın başlarında bölgede araştırma yapan B.O. Dolgih Dolganların kendilerini tanımlarken farklı etnonimler kullandıklarını kaydetmiştir. Örneğin, Dolgano-Yesseyk yönetiminde bulunan Dolganlar kendilerini tanımlarken soy gruplarının da ismi olan Dolgan kelimesini kullanıyorlar, fakat grup kendini tanımlarken Tunguz etnonimini kullanmamaktadır.

B. O. Dolgih, Dolganların diğer «*Dongot*, «*Edyan* ve «*Karanta*» soy grupları ile aralarında bir birlik anlayışının olduğunu da belirtmektedir [35, s. 103].

Diğer taraftan, Dolgano-Tungusko idari yönetimi altında yaşayan Dongot soy grubu B.O Dolgih'in tespitlerine göre kendilerini hem Dongot hem de Tunguz olarak tanımlamaktadır. Benzer şekilde Jigano-Tunguzkoye idari grubunda bulunan Edyan soy grubuna mensup kişiler ise kendilerini Tunguz veya Edyan olarak tanımlarlarken, nadiren Dolgan olarak da tanımlamaktadırlar. Karanto soy grubu üyeleri ise kendilerini neredeyse her zaman Tunguz, nadiren de mensup oldukları soyun ismi ile tanımlamaktadırlar [35, s. 104].

B. O. Dolgih bağızı Tundura ötesi Yakutların ve köylülerin kendilerini Yakut olarak tanımlarken aynı zamanda sıklıkla «*Dolgan* veya «*Dolgaş*» etnoniminde kullandıklarını belirtmiştir [35, s. 105].

Farklı Dolgan grupları kendilerini ve komşu oldukları Evenkleri tanımlarken, orman insanı veya konar geçer anlamına gelen «*Tıa*», «*Tıalar*» veya «*Tıa kiji*» çoğul olarak ta «*Tıha Kihiler*» terimlerini de kullanmaktadırlar [35, s. 105].

B. O Dolgih'e göre, Tundura ötesi köylülerde benzer etnonimleri kullanmaktadır. Örnek olarak Tıabın – ben Dolgan, Tıa, Tıla veya Tıa Songata. Norilsk Dolganlarının kullandığı benzer bir başka etnonim ise «*Tagal'* veya «*Tegel'*» tekil biçimi «*Tege*» olup bu kelime Evenkçe de halk veya kabile anlamına gelmektedir. Dolganlar Yakutlara «*Haka*», Yakutlar ise Dolganları «*Argalar*» olarak tanımlarken, Tundura ötesi Yakutlar ve Yessey Yakutları – Yakutlara Haka (Saha) derken

kendilerini de diğer Yakutlardan ayırırlar ve onlara «Yakutskaya Hakalar» demektedirler. Yine Yessey gölü ve Olenk nehirleri etrafında Dolganlar «Lama Kihiler» olarak adlandırmaktadırlar [35, s. 105].

Taymır bölgesinin doğusundan batısına doğru farklı kültürlerin etkisi altında kalan Dolganlar kendilerini komşuları olan Yakut ve Evenklerden ayırarak kendilerine özgü bir halk bilincinde olsalar da aralarında etnonim sorunları olduğu kadar etnografik farklarda mevcuttur. B.O Dolgih (1963) yapmış olduğu sınıflandırmada Dolganları dokuz ayrı alt kültüre ayırmış fakat Dolganları bu farklılıklarına rağmen tek bir etnik grup olarak tanımlamıştır. Öyle ki Dolgan folklorüne baktığımızda bu farklılıklar pek çok yerde kendini göstermektedir.

Pek çok farklı etnik ve etnografik gruptan oluşan Dolgan etnosunun yapısına daha yakından bakarsak idari sistem ve doğanın zorlamış olduğu sosyal pratikler içerisinde ortaya çıkan bir coğrafi mekânın Dolgan etnonimi etrafında kristalleşen bir aidiyetin ortaya çıkmasında önemli rol oynadığını görebiliriz.

12. Hatanga Hattı – Bir Etnik Coğrafyanın (Mekânın) Oluşumu

On dokuzuncu yüzyıl başı – yirminci yüzyıl ortalarında Hatanga Hattı olarak bilinen ve sınırları güney batıda Dudinka ve kuzey doğuda Hatanga'yı bir yay biçiminde birbirine birleştiren yerleşimler kuşağının oluşmasının bugün Dolgan olarak tabir edilen etnik grubun oluşmasında çok büyük etkisi vardır. Hatanga Hattı diye adlandırılan bu hatta daha geniş bir coğrafyadan baktığımızda ise bu hat batıda Yenisey nehrinin yakınında bulunan Dudinka'dan doğuda Anabar nehrine hatta daha da doğuya Lena nehrinin aşağı bölgelerine kadar uzanan bir coğrafyanın bağlayıcısıdır.

Kuzeyden bakıldığında Tundra gerisinde bulunan bu yay üzerinde yarım adadaki tüm gruplar kışı geçirmek için toplanmaktadırlar. Tundura ve ormanlık alan arasında adeta bir şerit biçiminde karşımıza çıkan bu bölge Taymır yarım adasında adeta bir yaşam alanı olarak farklı gurupları bir araya toplamış ve ileride bir aidiyet geliştirecekleri coğrafyanın da sosyal sınırlarını çizmiştir. Kışı görece rahat iklim koşullarında geçirmek için yarı ormanlık alana gelen geyik yetiştiricileri, yazın gelmesi ile birlikte geyiklerini kışlaklarından 100 – 200 kilometre kuzeye kadar çıkararak verimli otlaklara götürmektedirler [32, s. 343-344].

Hat boyunca bir birine yakın irili ufaklı pek çok yerleşim alanı oluşmuştur. Bu topluluklar bir kaç

kulübe veya çumdan meydana geldikleri gibi etnik bakımdan da oldukça karışık bir yapıdadırlar.

Bu toplulukların yapıları K. Rıçkova'nın 1905 yılında bölgeye yapmış olduğu etnografik gezide oldukça çarpıcı bir şekilde kaydedilmiştir. K. Rıçkova'nın çalışmalarından yapılan alıntılara baktığımızda ilkin Vvedenskoye Kışlağındaki köylüler ile yapmış olduğu söyleşi dikkatleri çekmektedir. Bu yerleşim alanında yaşayan Nikita Laputov bir Dolgan ile evli «... yarı Dolgan – yarı Samoyed – yarı Rus... kısık, çekik mavi gözlü, çenesindeki sakallar seyrek». Damadı Dolgan, anne – Samoyed, baba (melez) – Tundura ötesi köylü, karısı-Rus, kızı ve oğlu Dolgan ile evli [32, s. 344].

Benzer şekilde, Tundura ötesi köylülerin yaşadıkları Avamsk Kışlağında yapmış olduğu görüşmede Konstantin Aksenov'un ailesinde ise bölgede yaşayan neredeyse tüm etnik gruplar bulunmaktadır. Aksenov: Büyük büyükannesi – Samoyed, dede ve baba – köylü olarak kaydedilmiş, büyükanne – Yakut, anne – Samoyed [32, s. 344].

Boganida nehri yakınlarındaki Stanok Rassoh'ta Yessey idari bölgesinde ise üç kulübede, üç Dolgan aile yaşamaktadır. Kipriyana Savina ailesini şu şekilde tanımlamaktadır. Dede – vaftiz edilmemiş Dolgan, büyük anne – Tunguz, anne – köylü, karısı – Yakut, karısının annesi Tunguz [32, s. 344].

Sonuç olarak Taymır'dan Lena'ya kadar olan geniş arazide ileride Dolganları oluşturacak unsurlar batıda (Rus eski yerleşimciler, İlimseyskiye Tunugzları, Esey Yakutları) doğuda (Yakutlaşmış Ruslar, Vilo Tunguzları, Lamutlar ve Yakutlar), konar göçer bir yaşam tarzında geyik yetiştiriciliği ile uğraşmışlar ve bu yaşam tarzı farklı gruplar arasındaki evliliklerin artmasında yardımcı olmuştur [32, s. 344].

On dokuzuncu ve yirminci yüzyıl başında Hatanga ve Anabar arasında da başlıca dört grup mevcuttur aralarında en baskın olan Yakutlar daha sonra ormanlık Tundura da bulunan Tunguz soy grupları Hatanga, Bludna, Popigay nehir havzasında Dolganlar ve yine Hatanga bölgesinde Rus Tundura ötesi köylüler yerleşik olarak yaşamaktadırlar ki bu gruplarda Yakutlaşmışlardır. Üç yüz yıl boyunca yan yana yaşayan bu gruplar arasında kültürel ve etnik ilişkiler hızlanmıştır [32, s. 344].

Bölgenin derinden değişimi Sovyetler Birliği ile birlikte gerçekleşen kolektivizasyon çerçevesinde kolhozların hayata geçirilmesi ve bağlantılı olarak yerleşik haya geçiş ve bölgede 1930 – 1931 yılında Taymır (Dolgan-Nenets) milli okrugunun oluşumu

içerisinde homojenleşecekleri bir coğrafyanın (etnik mekânın) inşasında önemli yerleri vardır. Bu sistem içerisinde bölgede okullaşmanın artması etnik konsolidasyonu güçlendirmiş, özellikle gruplar arasındaki etnografik farklılıklar erimeye başlamıştır [35, s. 137-138; 10, s. 754].

13. Sonuç

Sonuç olarak Tunguz soy gruplarının tarih sahnesinde ortaya çıkış süreçlerine ve Sibirya'nın geniş coğrafyasına yayılış sürecine baktığımızda dinamik bir yapıya sahip olduklarını görmekteyiz. Konar göçer yaşam tarzının kuralları çerçevesinde gelişen yüz yüze ilişkiler soy grupları etrafında oluşmaktadır. Tunguzların farklı dönemlerde yapmış oldukları farklı göçler sonucunda yerli soy grupları ile karışmışlar ve bu ilişkiler sonucunda birbirleri ile temas kuran grupların genç nesilleri, içerisine doğdukları ve yüz yüze ilişkiler geliştirdikleri yeni toplum tasavvurları geliştirmişlerdir. Bu değişimin sonucunda bölgedeki soy grupları kendilerine özgü bölgesel etnografik örüntüler ortaya çıkarmışlardır.

Diğer taraftan bölgenin Rus imparatorluğuna katılması ile birlikte yaşanan derin dönüşümün sonucunda bölgede hayat tarzı değişirken yüz yüze ilişkilerin içeriğide değişmiştir. Rus İmparatorluğunun idari yapılanması içerisinde yeni etnosların oluşacağı coğrafyalarında (mekânların) sınırları çizilmiş oldu. Bu idari sınırlar içerisinde farklı soy gruplarının bir araya gelerek yeni homojen yapılar oluşturmaları ve yeni nesillerin içerisine doğdukları (yüz yüze ilişkiler temelinde) toplum tasavvurlarının inşasının da imkanının önünü açmıştır.

KAYNAKLAR

1. Sirina A.A. *Evenki i Eveni v sovremennom mire – Samo-soznaniye, prirodoopl'zovaniye mirovozzreniye*. M., 2012. 604 s.
2. Teziç M.C. Evenklerin Toplumsal ve Siyasal Dönüşümü. *Siberian Studies (SAD)*, 2 (5). 2014. S.75-96.
3. Fenton S. *Ethicity*, Polity Press Black well Publishing Ltd. 2003.
4. Şirokogorov S.M. *İssledovaniye osnovnih printsipov izmeniya etniçeskih i etnografiçeskih yavleniye*, Şanhay, 1923. 148 s.
5. Gumilyev L.N. *Etnogeneza . biosfera zamli*. M., 2006. 642 s.
6. Sadohin A.P. *Etnologiya*. M., 2008. 287 s.
7. Tişkov V.A. *Rekvem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii*. M., 2003. 544 s.
8. Mamina R.İ *Rodoplemennaya obşçnost'*. Natsii i etnosı v sovremennom mire – slovat' – spravoçnik. SPB: Petropolis, 2007.
9. Tolstova S.P., Levina M.G., Çeboksarova. N.N. (pod Redaksiye). *Oçerki obşçaya etnografiya*. M., 1960, 366 s.
10. Tolstova S.P. (Obşç. Red.). *Narodi Sibiri*. M., L., 1956, 1083 s.
11. Okladnikov A.P., Gryaznov M.P., Denets G.F., Lariçev V.E., Potapov L.P., Stepanov N.N. (red.toma). *İstoriya Sibiri*. Tom-I. L., 1968. 527 s.
12. Krader L. *Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads*. Bloomington, 1963.
13. Seroşevsky. *Saka Yakutlar*, Selenge İstanbul (çev Arif Acaloğlu), 2007.
14. Teziç M.C. Rassmotreniye russkoy (sovetskoy) teorii etnosa çerez konstruktivistskuyu perspektivu «primordial'ny konstruktivizm». *Obshestvo sereda razvitiye*. 2013. №.4 (29). S. 109-113.
15. Teziç M.C. «Primordialniy konstruktivizm» kak teoretiko-metodologiçeskaya osnova issledovaniya etniçeskoy identičnosti, (Pod redakstiey d-r filos. nauk professor. Boronoeva A.O) *Sovremennaya sotsiologiçeskaya metodologiya – ot teorii k praktike*. *Sobornik nauçnih statey po itiogam II Ejegodnoy sotsiologiçeskoy şkoli*, St. Petersburg. 2012. S 261-271.
16. Boronoyev A.O. Territorial'naya mental'nost' I problemı sotsiokul'turnogo razvitiya regiona, (Pod redakstiey d-r filos. nauk professor. Boronoeva A.O) *Sibirskaya mental'nost' I problemı sotsiokul'turnogo razvitiya regiona*. St. Petersburg, 2007. S. 8-17.
17. Cresswell Tim. *Place a short introduction*. Blackwell Publishing, 2005.
18. Sack R.D. *Homo Geographicus a framework for action, awareness and moral concern Homo*. The John Hopkins University Press, 1997.
19. Agnew A.J. *Place and Politics in Modern Italy*, The University of Chicago Press, 2002. 299 s.
20. El'nitskiye K. *Inorodtsı sibiri i sednyeaziatskih vladniye Rossii etnografiçeskiye oçerki*, St. Petersburg, İzdaniye D.D. Poluboyarikova, 1895. 136 s.
21. Tugolukov V.A. *Etniçeskiye korni tunguzov, Etnogeneza Naradov Severa*. M., 1980. S. 152-177.
22. Koçşkov N.V., Samar A.P., Tugolukov V.A. *İstoriya i kul'tura evenov – istoriko-etnografiçeskiye oçerki*. Sankt-Peterburg, 1997.
23. Tugolukov V.A. *Tungusı (evenki i eveni) sredney I zapadnoy sibiri*. M., 1985. 285 s.
24. Tugolukov V.A. *Eveni. Etniçeskaya istoriya naradov severa*. M., 1982. S. 155-167.
25. Muraşko O.A. *İstoriya formirovaniya kamçadalov, Narodı severo-vostoka sibiri – seriya narodi i kul'turi*. M., 2010. S. 205-212.
26. Gurviç İ.S. *Etniçeskaya istoriya severo-vostoka sibiri*. M., 1966. 276 s.

27. Voronkin M.S. *Severo-zapadnaya gruppa govorov yakutskogo yazıka*. Yakutskoye knijnoye izdatel'stvo Yakutsk, 1984. 221 s.

28. Gurviç İ.S. Severniye yakuti i dolganı, *Etniçeskaya istoriya naradov severa*. M., 1982. S. 180-197.

29. Ksenofontov G.V. *Uraanghay-sahalar oçerki po drevney istorii yakutov*, Tom I v 2-h knigah. Natsional'noye izdatel'stvo Respubliki Saha (Yakuyiya), 1992. 416 s.

30. Gurviç İ.S. *Kul'tura severih yakutov – olenevodov*. M., 1977. 247 s.

31. Evstigneev Yu.A. *Rossiyaskaya Federatsiya narodi i ih podrazdeleniya – kratkiye etnologiçeskiye spravoçik*. İzdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta, 2003. 224 s.

32. D'yaçenko V.İ. Kratkiye istoriçeskiy oçerki, *Tyurskiye narodi vostoçnoy sibiri – seriya narodi i kul'turi*. M., 2008. S. 340-346.

33. D'yaçenko V.İ. Namogil'nie pamyatniki dolgan skvoz' prizmu ih etnogeneza. *Sibirskiy Sbornik – 1. Pogrebal'nıy obryad naradov Sibiri I sopredel'bih territoriy*. Kn. 2. SPB. 2009. S. 38-44.

34. D'yaçenko V.İ. Obşıye svedeniya, *Tyurskiye narodi vostoçnoy sibiri – seriya narodi i kul'turi*. M., 2008. S. 334-339.

35. Dolgih B.O. Proishojdeniye dolgan. *Sibirskiy etnografiçeskiy sobornik*. M.: T.V. TİE. T.84, 1963.

KARAÇAY-MALKAR PANTEONUNDA TABİAT TANRILARI VE RİTÜELLER

Ufuk TAVKUL

УДК 930.85

Özet

Kafkasya halklarından biri olan Karaçay-Malkarların kültürlerinde günümüze kadar yaşatılan eski inançların varlığı dikkati çekmektedir. Müslümanlık öncesi dönemlere ait çeşitli tanrılar, tanrıçalar ve kutsal ruhlar Karaçay-Malkar halkının geçmiş dönemlerindeki paganizm ve Hıristiyanlık inançlarının izlerini taşımaktadır.

Anahtar Kelimeler

Karaçay-Malkar Kültürü, Karaçay-Malkar Panteonu, eski inançlar, tabiat tanrıları

БОГИ ПРИРОДЫ И РИТУАЛЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ПАНТЕОНЕ

Уфук Тавкул

Karachevo-balkarцы являются одним из кавказских народов, который сохранил свои древние верования по сей день. Различные божества, богини и священные духи домусульманского периода демонстрируют влияние язычества и христианской веры древних периодов карачаево-балкарского народа.

Ключевые слова: карачаево-балкарская культура, карачаево-балкарский пантеон, древние верования, боги природы.

NATURE DEITIES AND RITUALS IN KARACHAY-BALKAR PANTHEON

Ufuk Tavkul

Karachay-Balkar who is one of the peoples of the Caucasus has kept alive their old beliefs until today. Various gods, the goddess and holy spirits of the pre-Muslim period shows the impact of paganism and Christianity belief of the Karachay-Balkar people's old periods.

Key words: Karachay-Balkar Culture, Karachay-Balkar Pantheon, old beliefs, nature gods

1. Giriş

Rusya Federasyonu'nun güneyinde yer alan Kafkasya'nın Orta Kafkaslar adı verilen merkezî kısmında, Kafkas Dağları'nın en sarp ve yüksek zirvelerinin, geçit vermez derin vadilerinin

koynunda kökenleri İskitlerden Alanlara, Hunlardan Bulgarlara, Hazarlardan Kıpçaklara ve Kafkasya'nın kökleri beş bin yıl öncesine dayanan eski yerli medeniyetlerine kadar uzanan bir halk yaşar. Bunlar kendilerine TAVLU (Dağlı) adını

veren, Kıpçak Türkçesinin bir lehçesini konuşan, Kafkasların kadim halkı Karaçay-Malkarlardır.

Kafkasya'daki beş bin yıllık tarihleri boyunca pek çok kavmin, kültürün ve medeniyetin etkisi altında kalan, etnik yapılarında Kafkasya ve çevresine ait pek çok unsuru barındıran Karaçay-Malkarlar çok zengin bir sosyo-kültürel yapıyı günümüze kadar yaşatmayı başarmışlardır. Tarih boyunca seyyahlar onları Kara Çerkesler, Dağlı Çerkesler, Alanlar, Basiyanlar, Karaçioliler gibi değişik adlarla haritalarına kaydetmişler, onlar kendilerini Tavlu (Dağlı) adıyla anarlarken Kafkas Dağları üzerinde yaşadıkları vadilere göre Karaçaylılar, Bashanlılar, Çegemliler, Holamlılar, Bızıngılılar, Malkarlılar olarak çeşitli zümrelere bölünmüşlerdir. Sovyet hâkimiyetinden sonra bu halk Karaçaylılar ve Balkarlar (Malkarlılar) ya da Karaçay-Balkar (Karaçay-Malkar) halkı olarak literatüre girmiştir.

Karaçay-Malkar halkı günümüzde Rusya Federasyonu'na bağlı Karaçay-Çerkes Cumhuriyeti ve Kabardin-Balkar Cumhuriyeti sınırları içinde yaşamaktadır. Kafkas-Rus savaşları sonucunda 19.yüzyıl sonu ile 20.yüzyıl başlarında Kafkasya'dan Osmanlı Devleti topraklarına göç etmek zorunda kalan Karaçay-Malkarlar bugün Türkiye ve Suriye'de hayatlarını sürdürmektedirler. İkinci Dünya Savaşı sırasında 1943-1944 yıllarında Orta Asya ve Sibirya'ya sürgüne gönderilen Karaçay-Malkar halkının Kafkasya'ya dönemeyen küçük bir kısmı da günümüzde Kazakistan ve Kırgızistan'da yaşamaktadır.

2. Karaçay-Malkar'da Eski İnançlar ve Tanrılar

Karaçay-Malkar halkının sosyo-kültürel yapısında önemli bir yer tutan ve halkın davranış normları üzerinde etkisini günümüze kadar devam ettiren eski inançların kökeni iki kaynağa dayanmaktadır. Bunlardan birincisi, M.Ö. 7. yüzyılda İskitlerle başlayarak, M.S. 13. yüzyılda Kıpçaklara kadar devam eden, eski Türk «bozkır kültürü» çevresinde ortaya çıkan şamanist inançlar;

*Teyri! Ogurlu Teyri,
Sen-kün tayagından tuvğan,
Sen-cerni-suvnu biyleb turgan,
Ak kozularınğ mayna, mayna.
Teyri! Han Teyri,
Sen kayada, sen çerekte,
Ak kozularınğ çegetde,
Alanı sanga kurman eteyim.
Teyri! Carık Teyri,*

ikincisi, M.S. 6. yüzyıldan itibaren Kafkasya halkları üzerinde etkili olan ve zamanla bozularak şamanist unsurların etkisiyle çok tanrılı bir inanç sistemine dönüşen Hıristiyan inançlarıdır. Karaçay-Malkar halkının eski inançları incelendiğinde Orta Asya Türklerine özgü şamanist inanç ve geleneklerle, Hıristiyan inanç ve geleneklerinin bütünleşerek yeni bir inanç sistemi ortaya çıkardığı görülmektedir. İskitlere kadar uzanan eski şamanist inançları onların etnik kökenlerindeki Türk ve Hint-Avrupa unsurunun önemli payına ışık tutarken, Hıristiyanlık döneminde yeni bir şekil kazanan bu inançların komşu Kafkas halkları ile olan benzerliği, onların etnik kökenlerindeki Kafkas unsurunun önemini ortaya çıkarmakta ve Kafkasya halklarının birbirleri ile akraba etnik gruplar haline geldiklerini belgelemektedir.

3. Gök Tanrı – Teyri

Karaçay-Malkarlıların en kutsal tanrıları, diğer bütün tanrıların ve göğün hâkimi olan *Teyri* idi. Eski Türklerin *Tengri* adını verdikleri gök tanrısının adı Karaçay-Malkar dilinde «Teyri» biçimine dönüşmüştü. 10. yüzyılda Kafkasya'da bulunan tarihçi Movses Kagankatvatsii, Kafkasya'da Hunların soyundan gelen milletlerin *Tengri-Han* adını verdikleri göklerin tanrısına inandıklarını, onun adıyla yemin ettiklerini, ona kurbanlar sunduklarını kaydetmektedir [1, s. 172]. Hazarların eski dinlerine ait bilgiler aktaran Ermeni kaynaklarında da, Hazarların *Tengri Han* adını verdikleri bir ilâhlarının bulunduğu anlatılmaktadır [2, s. 167]. *Tengri-Han* adı zamanla Karaçay-Malkar dilinde *Han Teyri* biçimine dönüşmüş ve bu halkın dualarında günümüze kadar gelmiştir. Karaçay-Malkarlıların en kutsal tanrılarının, gök tanrısı «Teyri» olduğunu 19. yüzyıl başlarında Kafkasya'da bulunan J. Klaproth da tespit etmiştir. Klaproth'un belirttiğine göre, henüz İslâmiyetle yeni tanışan Karaçaylılar 1800'lü yılların başında hâlâ Allah'a değil, Teyri adını verdikleri göklerin tanrısına tapıyorlardı [3, s. 282]. Karaçay-Malkarlılar Teyri'ye şöyle dua eder, ondan yardım dilerlerdi:

*Teyri! Kutlu Teyri,
Sen-güneş ışığından doğmuş,
Sen-toprağa suya hükmeden,
Beyaz kuzuların işte, işte.
Teyri! Han Teyri,
Sen kayada, sen ırmakta,
Beyaz kuzuların ormanda,
Onları sana kurban edeyim.
Teyri! Nurlu Teyri,*

*Ak taşdağı malıbiz,
Kök taşdağı malıbiz,
Barın koyub Teyribizni alırbız.
Teyri! Çomart Teyri,
Köknü iyesi-cangız sen,
Ongdan kir-seni beş atıng-kök,
Soldan kir-seni aşılığing köb.*

Beyaz kayadaki malımız,
Boz kayadaki malımız,
Hepsini bırakıp Teyrimizi alırız.
Teyri! Cömert Teyri,
Göğün sahibi (hâkimi) yalnız sen,
Sağdan gir-senin beş atın-boz,
Soldan gir-senin iyiliğing çok.

[4, s. 197]

Eski Türkçede *tengri* kelimesi «gökyüzü» ve «tanrı» anlamlarını ifade ediyordu. *Tengri* kelimesi bugünkü Türk dillerinde, her lehçenin fonetik özelliklerine göre *tengere*, *tangrı*, *tanrı*, *tengri*, *teyri* gibi biçimler almıştır. Ancak bunların içinde yalnızca Karaçay-Malkar dilindeki «*teyri*» kelimesi hem tanrı, hem de gökyüzü anlamına gelmektedir. Karaçay-Malkarlılar şafak sökmeden önce gökyüzünde beliren aydınlığa «*teyri carık*» (*teyri ışığı*) adını verirler. Gökkuşağına ise «*teyri kılıç*» derler.

Yeminlerinde «*teyri*», «*teyri adamı*» sözlerini kullanan Karaçay-Malkarlılar beddualarında da «*teyri ursun*» (*teyri vursun-çarpsın*) sözünü kullanırlar.

Karaçay-Malkarlıların Tanrı anlamında «*Kuday*» sözünü kullandıkları da anlaşılmaktadır. Beddualarda «*Kuday ursun*» (*Kuday çarpsın*) sözüne rastlanması, Orta Asya Türk kültür çevresinde yaygın olan *Kuday*'in Karaçay-Malkar kültüründe de yer aldığını belgelemektedir¹.

4. Tabiata Hükmeden Tanrılar

Karaçay-Malkar eski inançlarında her biri özel bir isim taşıyan ve doğüstü güçlere sahip olduğuna inanılan çeşitli tanrı ve tanrıçalar da yer almaktadır.

Göklerin tanrısı *Teyri*, *Kök Teyri* ya da *Han Teyri*'den başka Karaçay-Malkarlılarda *Ot Teyri* (Ateş Tanrısı), *Suv Teyri* (Su Tanrısı), *Cer Teyri* (Toprak Tanrısı) adı verilen tanrılar da vardı.

*Çoppa, seni baylığing-tengiz
Çoppa, biz tilegen a-egiz
Çoppa, boluş sen*

Çoppa, senin zenginliğin-deniz
Çoppa, bizim istediğimiz ise-ikiz
Çoppa, yardım et sen

Yağmur yağdirmasını isteyenler Çoppa'ya şu sözlerle dua ederlerdi:

*Çoppa, Teyri'den sora sen Teyri,
Çoppa, kızuvluknu kuv kerı,
Çoppa, bir kandır cerni,
Aşlık küyedi ne eteyik
Çoppa, cavum keledi sebeley*

Çoppa, Teyri'den sonra sen Teyri'sin
Çoppa, kuraklığı sür (kovala) geriye
Çoppa, toprağı bir doyr
Tahıl yanyor ne yapalım
Çoppa, yağmur geliyor çiseleyerek

¹Malkar bölgesinin Çegem vadisinde yaşayan büyük soylardan biri *Kuday* adını taşımaktadır.

Çoppa, aşlık keledi töbeley

Karaçaylılar Mahar Irmağı vadisinde kutsal olduğuna inandıkları bir çam ağacını her çarşamba

*Çoppa, Çoppa
Teyribiz bersin semiz cıcca
Maylı bolsun erinle
Caşlı bolsun kelinle
Teyri bersin igilik
Bolsun bizde tirilik*

Çoppa, tahıl geliyor tepe gibi

günü ziyaret edip, çevresinde 60 kere dönerek Çoppa için şunları söylerlerdi:

*Çoppa, Çoppa
Teyrimiz versin semiz et
Yağlı olsun dudaklar
Erkek çocuklu olsun gelinler
Teyri versin iyilik
Olsun bizde bereket*

[4, s. 199].

Gollu adlı bereket tanrısının şerefine Karaçay-Malkarlılar 22 Mart'ta yaşlı, genç, kadın, erkek, çocuk hepsi toplanıp, tarlaların bereketli olması dileği ile tarlaların kenarında şölen (toy) düzenlerlerdi. Bu şölende bereket tanrısı *Gollu*'ya dua ederlerdi. Büyük kazanlarda kurbanların etlerini pişirirler, boza, sıra gibi içkiler içerlerdi. Bütün halk toplandığında içlerinden bir lider seçerler ve ona «*töreçi*» adını verirlerdi. *Töreçi* kaval (sıbzıgı) çal-

mada usta bir kişi olurdu. *Töreçi* kavalıyla melodiler çalmaya başladığında bütün halk kol kola girerek bir daire oluşturur ve dans ederlerdi. Yoruluncaya kadar dans ettikten sonra pişen kurbanlıkların etlerini yerlerdi. Bu şölen sırasında güreş, at yarışı, taş atma gibi yarışmalar da düzenlenirdi [7, s. 402].

Gollu Toy adı verilen Nevruz şöleninde Karaçay-Malkarlılar şöyle bir dua ederlerdi:

*Golluga katışhanla
Arıvlukga tartışhanla
Kişilikde sınaşhanla
Entda bir ogurlu cıl keldi
Kartha caşha da hurmet berdi
Mamırlıknı küünün kördü
Golluga ulla seyirsindi
Gollubuz keldi soluy-soluy
Oyunubuz boldu tolu-tolu
Caşımız, kızımız onglu boldu
Cüreklere kuvançdan toldu
Aman kılıknı kerı koydu
İğilikni beri burdu
Karaçığız tögerekge
Kurt, kumursha da uyangandı
Golluga bek kuvangandı
Bizni bla oyunubuzda cubangandı
Sözü bla söyleşme da
Közü bla körgendi
Arıvlukga akıl bergendi
Endi beri kelgenle
Mında halnı körgenle
Meni sözümü eşitgenle
Aytırığım ma budu:
Kişilikge es buruguz
Elde oyun-külkü kuruguz
Bilmesegiz, bilgenden soruguz
Duniyanı ne sunasız?
Ol közüvdü har kimge
Caşav ülüşün berüvdü*

Gollu'ya katılanlar
Güzellikte yarışanlar
Yiğitlikte çekişenler
Yine bir kutlu yıl geldi
Yaşlıya gence de hürmet etti
Rahatlığın gününü gördü
Gollu'ya çok hayran kaldı
Gollumuz geldi dinlene-dinlene
Oyunumuz oldu dolu-dolu
Delikanlımız, kızımız kudretli oldu
Kalpleri sevinçle doldu
Kötü huyları geri bıraktı
İyiliği bu tarafa çevirdi
Baksanıza etrafa
Böcek, karınca da uyanmış
Gollu'ya çok sevinmiş
Bizimle oyunumuzda eğlenmiş
Sözüyle konuşmasa da
Gözüyle görmüş
Güzelliğe akıl vermiş
Şimdi buraya gelenler
Burada vaziyeti görenler
Benim sözümü duyanlar
Söyleyeceğim işte budur:
İnsanlığa önem verin
Köyde eğlence düzenleyin
Bilmiyorsanız, bilenden sorun
Dünyayı ne zannediyorsunuz?
O sırayladır herkese
Hayat payını vermektir

*Birbirin teng etib körüvdü
Colovçunu colda
Onovçunu onovda tanıtadı
Har ne aşlıknı
Amanlıknı da köziiv-köziiv sınıatadı
Cılathan, kuvandırğan da etedi
Caratadı, öltüredi
Sabiylıkge kartlık keledi
Duniya ma alay keledi
Har zatnı davlaşsız etedi
Ma körügüz Gollunu-
Sav ming adam kelgendi
Oyunga kuvat bergendi
Biz Golluga cıyılısak
Kün da tohtab karaydı*

Birbirini eşit görmektir
Yolcuyu yolda
Yöneticiyi verdiği kararda tanıtır
Bütün iyilikleri
Kötülüğü de sırayla yaşatır
Ağlatır da güldürür de
Yaratır, öldürür
Çocuğa da yaşlılık gelir
Dünya işte böyle gelir
Her şeyi münakaşasız yapar
İşte görün Gollu'yu-
Tam bin kişi gelmiş
Oyuna sevimlilik vermiş
Biz Gollu şöleninde toplansak
Güneş de durup seyrediyor

[4, s. 185-186]

Cer İyesi adı verilen kutsal ruh ya da tanrının toprağın sahibi-hâkimi olduğuna inanan Karaçay-Malkarlılar kesilen kurbanın kanını «cer iyesi» için toprağa dökerlerdi. Cer iyesi'nin yiyip doyması için, kesilen kurbanın etinden bir parça ile çorbası da yere dökülürdü [8, s. 274]. Karaçay-Malkar kültüründe toprakların koruyucu ruhu *Ölgenbay* ya da *Ölgenmay* adlarını da taşırdı [9, s. 8]. *Cer Anası* adı verilen, toprakların koruyucu tanrıçası ise *Elleysan* veya *Elleyhan* adlarını taşırdı [9, s. 130].

Altaylılar da yer-su diye saygı gösterdikleri yer'i bir ruhlar topluluğu olarak tasarlar ve bu ad altında on yedi ulu tanrının toplandığına inanırlar. Bunların dağ zirveleri ve ırmakların kaynak havzalarında yaşadıklarına inanılır. Altaylılara göre insanları yaratan ve kötü varlıklardan koruyan bu yer-su tanrılarıdır. İnsana benzetilen yer-su ruhlarının genel adı sahip anlamına gelen «iye» dir. Çünkü bunlar belirli bir dağın, yerin, ırmağın sahibi sayılırlar [10, s. 494].

Üy İyesi adında bir ruhun yaşadığına inanan Karaçay-Malkarlılar ona ayrıca *Tükbaş*, *Amma*,

*Ölgen haribni cokdu başka karuvu
Kıtay da çakıradı anı canın
Suv Anası, endi anı kalmagandı kanı
Ber-ber keteyik*

Ölen zavallının yok başka kuvveti
Horoz da çağırıyor onun canını
Suv Anası, artık onun kalmadı kanı
Ver-ver gidelim

Suv Anası adlı tanrıçanın adı *Mammettir* ya da *Danmettir* idi. Sudaki cesedi bulmak için ona şöyle seslenirlerdi:

*Suv Anası Mammettir
Aythanıngı kerti etdir
Adam batdı suvunga
Kışha tabdır ızına*

Suv Anası Mammettir
Söylediğini gerçekleştir
Adam battı suyuna
Hemen buldur geriye

Karaçaylılar Suv Anası'na *Sülemen* veya *Suylaman* adını da verirlerdi. 1926 yılında bile Karaçaylılar suda boğulan bir kimsenin cesedini eski gelenek ve inançlarına göre kaval çalarak ve Suv Anası'ndan yardım dileyerek aradıkları kaydedilmiştir [11, s. 26].

Karaçay-Malkar kültüründe «Suv Anası' veya «Köl Anası' denilen, ırmakların ve göllerin koruyucu tanrıçasına *Kemishan* adı da verilirdi [9, s. 253].

Şıbıla ve *Eliya* adı verilen tanrılar Karaçay-Malkarlıların yıldırım, şimşek ve gök gürültüsü tanrılarıydı. Halk inanışlarına göre *Eliya* Kafkas Dağları'nın en yüksek zirvelerinde yaşardı.

Karaçay-Malkarlılar yıldırım tanrısına *Şakkay* veya *Şakka-Eliya* adını da verirlerdi (Karaketov 1995: 83). Gök gürültüsü, fırtına ve rüzgârların hâkimi olan bir başka tanrı da *Küvürhan* veya *Kavarhan* adını taşırdı. Bu tanrının Hazar Türklerinin kültür çevresi ile ilgili olduğu sanılmaktadır. Çünkü Hazar Türklerinde de gök gürültüsü tanrısı *Kavar* adını taşımaktaydı [9, s. 8].

Yıldırım ve gök gürültüsü tanrılarının varlığına Orta Asyalı Türk boylarında da rastlanmaktadır. Altaylılar yıldırım tanrısının varlığına inanırlar. Bu tanrı yerdeki kötü ruhları takip eder, kötü ruhların saklandıkları ağaçlara ateşini gönderir, yıldırım düşer. Yıldırım düşen ağaçtan bir parça alınıp, saklanırsa o yere «yek' adı verilen kötü ruh giremez.

Uranhay, Kırgız ve Kazak kadınları ilkbaharda ilk şimşek çakıp gök gürlediği gün çadır çevresinde süt, ayran, kıymız dolu kapları dolaştırıp saçı töreni yaparlar. Başkurt kadınları ise şimşek çakarken süt, ayran gibi beyaz içkileri örtterek saklarlar. Süt ve ayrana yıldırım düşeceğine inanırlar. Ancak Başkurtların eski devirlerde şimşek çakarken süt ve ayranı göğe doğru serptikleri, Müslüman olduktan sonra bu âdeti terk ettikleri bilinmektedir [12, s. 30].

Eski Çin kaynaklarına göre Uygurlar yıldırımın yere düşmesinden hoşlanırlar, gök gürledikçe bağırıp-çağırırlar, göğe doğru ok atarlardı. Bir yıl sonra güz mevsiminde, atların iyi beslendiği sırada yıldırım düşen yere toplanır, bir koyun kesip oraya

Goriy, Goriy, Goriyim
Kavarhannı tamırısı

[4, s. 209].
gömerlerdi. Bu sırada kadın şaman ilahiler okur, atlı erkekler de bu yerin çevresinde birkaç defa dönerlerdi [12, s. 30].

Eski Türk boylarındaki âdetlere benzer uygulamalara Karaçay-Malkarlılar arasında da rastlanırdı. Karaçay-Malkarlılar bahar başında ilk gök gürlediğinde çeşitli şöenler düzenler, bereket tanrılarından dilekler dilerlerdi. Kurban etleri kazanlarda kaynarken, halk kazanların etrafında dönerek bereket tanrısı Çoppa ve yıldırım-şimşek tanrıları Eliya ile Şıbıla'nın şerefine şarkılar söylerlerdi. Onların inançlarına göre bereket de, bolluk da o tanrıların elindeydi.

Baharda gökyüzü kararıp ilk defa gök gürleyip şimşekler çaktığında köydeki kadınlar toplanıp yeni gelinleri ziyaret ederlerdi. Yeni yeşeren otları bir kabin içindeki suya atarlar ve bu suyu gelinlerin üzerine serperlerdi. Gelin de, çocukları da bu yeni yetişen otlar gibi gelişinler diye dilek dilerlerdi. Gelinler de kadınlara çeşitli hediyeler verirlerdi. Kadınlar bu hediyeleri bir uzun sopaya takıp, iki ucundan iki kadın tutarak diğer evleri dolaşırlardı. İlk şimşek çakıp yağmur yağdığı evlerin avlularında büyük ateşler yakıp çocukları üzerinden atlatırlardı. İlkbaharda gökyüzünde ilk gök kuşağı belirlediğinde «*Teyribiz bersin aş tatuv. Adam da mal da bolmasın bizge açuv*' (Teyrimiz versin aş-lezzet. İnsan da, hayvan da bize acı vermesin) derlerdi [13, s. 87].

Karaçaylılar yıldırım çarpmasıyla ölenlerin mezarında ateş yakarlardı [4, s. 196]. Yıldırım ve şimşegin Gök Tanrının gücü olduğuna inanan Karaçay-Malkarlılar «*Teyrini kolu – Şıbıla ot*' (Gök Tanrının eli – Yıldırım ateşi) derlerdi. Yıldırım çarpmasıyla ölenlerin öbür dünyada sorgulanmayacaklarına inanırlardı [9, s. 107].

Gori veya *Goriy* Karaçay-Malkar inanışlarına göre rüzgâr tanrısıdır. Harman zamanında taneyi kabuğundan ayırmak için rüzgâra karşı harman savuran Karaçaylılar *Gori*, *Gori* diye bağırarak ondan rüzgâr göndermesini dilerlerdi².

Karaçay-Malkarlılar harman yerinde tahılın kabuğunu ayırmak için rüzgâra karşı harman savururlarken şu duayı da okurlardı:

Goriy, Goriy, Goriyim
Fırtına Tanrısının köküsün

²Rüzgâr Tanrısı *Gori* inancının Türkiye'ye göç eden Karaçaylılar arasında yakın zamana kadar korunduğu anlaşılmaktadır. 1980 yılında Konya ilinin Sarayönü ilçesine bağlı Başhüyük adlı Karaçay köyünde Üsüp Tavkul'dan derlediğimiz bilgiler arasında, tarımda makineleşme dönemi başlamadan önceki yıllarda, köy yakınında harman savururlarken 'Gori, Gori, tıyma celni, iy beri' (Gori, Gori, engelleme rüzgârı, gönder bu tarafa) diye bağırdukları kaydedilmiştir.

*Kepekleni aygırısı
Cav cangurnu karasısa
Kanatlarını kayır
Munu kebeginden ayır*

Tahıl kabuklarının hâkimisin
Düşman yağmurun rakibisin
Kanatlarını bük
Bunu kabuğundan ayır

[9, s. 96]

Rüzgâr Tanrısı *Gori* (veya *Goriy*) adının kökeni, Karaçay-Malkarlıların güney komşuları olan Gürcülerin dilinden kaynaklanmış görünmektedir. Gürcücede rüzgâr anlamına gelen «*karri*» sözünün, kültürel etkileşim vasıtasıyla Karaçay-Malkar dili ve kültürüne yerleşirken *Gori* biçimini aldığı anlaşılmaktadır.

Karaçay-Malkarlılar *Cel Anası* dedikleri rüzgâr tanrıçasına *Himikki*, onun oğluna da *Gılan* veya *Hillen* adını verirlerdi. Kışın rüzgâr ve fırtınanın çok olduğu günlerde halk toplanıp bir öküz kurban eder ve «*Cel Anası*» ile oğlu *Gılan*'dan fırtınayı durdurmasını isterlerdi. Karaçay-Malkarlılar *Gılan*'a şöyle dua ederlerdi:

*Cel caşı Gılan!
Boranıngı burma
Malıbızni kırma
Kurmanlıkla soyarbız
Ülüşüingü koyarbız*

Rüzgârın oğlu *Gılan*!
Fırtınanı bize çevirme
Hayvanlarımızı mahvetme
Kurbanlar keseriz
Payını bırakırız

[14, s. 226]

Karaçay-Malkar inançlarında *Cel İyesi* denilen rüzgârların hâkimine de *Diyev* adı verilmekteydi [14, s. 227].

Karaçay-Malkarlılar çobanların ve koyunların tanrısına *Aymuş* adını verirlerdi. İnanışa göre *Aymuş* Karaçay'da «*Hurla Köl*» adlı gölün altında yaşamakta ve sürüsünde altın boynuzlu bir koçu bulunmaktadır. Karaçay-Malkarlılar keçilerin tanrısına da *Makkuruş* adını verirlerdi.

Karaçay-Malkar inançlarında koyun çobanlarının tanrısı olduğuna inanılan bir başka tanrı da *Baycı* veya *Bayça* adını taşımaktaydı.

Erirey eski inanışlara göre Karaçay-Malkarlıların tahıl ve tarlada yetişen mahsullerin tanrısıydı. Bereketi temsil eden *Erirey* ile birlikte, yer tanrısı *Davle* şerefine Karaçay-Malkarlılar bahar başlangıcında *Çoppa*'nın Taşı denilen kutsal taşın yanında *Saban toy* dedikleri bir şölen düzenlerlerdi. Tarla işlerine başlamadan önce *Erirey* ve *Davle* adlı tanrılara kurbanlar keser, dualar eder, tarla ve mahsullerine bereket vermelerini dilerlerdi. «*Saban toy*» adlı şölen sırasında *Çoppa*'nın kutsal taşının etrafında dönerek danseder, şarkılar söylerlerdi.

Baharda, tarlalarda ilk toprak sürüldüğünde, toprağın bereketi artsın diye toprağa genç bir kızı yatırıp üzerini de toprakla örterlerdi [8, s. 275].

5. Av Hayvanlarının ve Avcıların Tanrıları

Apsati Karaçay-Malkar eski inançlarına göre avcılarının ve av hayvanlarının tanrısıydı. Avcılıkla ilgili âdetlerde dağların, ormanların, vahşi

hayvanların ve avcılarının tanrısı *Apsati*'nin özel bir yeri vardı. Önceleri eski halk inanışlarında beyaz bir dağ keçisi olarak tasvir edilen *Apsati*, sonraki yüzyıllarda Karaçay-Malkarlıların zihninde uzun beyaz sakallı, heybetli ve gösterişli bir yaşlı olarak tasvir edilmeye başlanmıştı. Avcılar *Apsati*'nin kızı olduğuna inandıkları *Baydımat*'a da *Apsati* kadar değer verirler ve tapınırlardı. Onun bedduasından korkarlardı. *Apsati* için kurbanlar kesip, dualar ederek avcılar onun cömertliğini kazanmayı umut ederlerdi. Malkar bölgesinin Yukarı Çegem köyünde *Apsati*'nin taşı denilen kutsal bir taşın yanında avcılar sonbaharda dağ keçisi avına çıkmadan önce kurbanlar kesip, *Apsati*'nin şerefine şarkılar söyleyip, taşın etrafında dönerek dans ederlerdi. Avcılar av sırasında ne sevindiklerini belli eder, ne de ağızlarından kötü bir söz çıkardı. Av hayvanlarını parmakları ile göstermek *Apsati*'ya saygısızlık sayılırdı. O yüzden avcılar av sırasında herhangi bir şey gösterecekleri zaman avuçlarını ileri uzatarak gösterirlerdi. Avcılar *Apsati*'nin kismetlerini kesmemesi için avın yemedikleri parçalarını ve kemiklerini toprağa gömerlerdi. *Apsati*'nin vurulan av hayvanlarını tekrar dirilttiğine inandıkları için av hayvanının etlerini yedikten sonra kemiklerini kırmazlardı. Avcıların inançlarına göre *Apsati* birçok kereler insan kılığına girip avcılarının önüne çıkardı. O yüzden avcılar onun gönlünü kazanmak için önlerine çıkan yolculara avlarından pay dağıtırlardı [15, s. 158].

Avcılar Apsatı için şu şarkıyı söylerlerdi:

*Maravçudan cazık can bolmaz
Temir boyunshası boynunda
Küygen gircını koynunda
Apsatını bardı sansız sanavsuz malları
Köb malıngdan bizge ülüş saylathın
Koşubuzda may kazanla kaynathın
Berir küning savub algan süt kibik
Bermez küningde aylandırasa it kibik
Maravçunu kaya ranlada bolur ölümi
Kara camçısı bolur anı kebini*

Avcıdan daha zavallı kimse olmaz
Demir boyunduruğu boynunda
Yanmış ekmeği koynunda
Apsatı'nın vardır sayısız malları
Çok malından bize pay seçtir
Kampımızda yağ kazanları kaynattır
Vereceğin gün sağıp alınan süt gibi
Vermediğin gün gezdiriyorsun kopek gibi
Avcının kayalık uçurumlarda olur ölümü
Kara yamçısı olur onun kefeni

[16, s. 256]

Karaçay-Malkarlıların av tanrısı Apsatı komşu Kafkas halklarının kültürlerinde de benzer ya da farklı isimlerle bulunmaktadır. Av tanrısı Apsatı'ya Osetler *Afsatı*, Gürcü-Svanlar *Absastı*, Abhazlar *Ajvepşe*, Adigeler *Pşimezıtha* adını verirlerdi [17, s. 49]. Apsatı adı verilen av tanrısının kökeni henüz karanlıktır. Eski Uygur Türkçesi döneminde «av» anlamına gelen «ab» isim kökünün bulunması, Apsatı adının eski Türkçe'deki «av» anlamına gelen «ab» sözüyle bir ilişkisi olduğunu akla getirmektedir. Öte yandan, Herodot MÖ VII. yüzyılda İskitlerin *Api* adlı orman hayvanlarının ve avcılarının

tanrıçasına inandıklarından bahseder [18, s. 171]. Dolayısıyla Karaçay-Malkarlıların *Apsatı*, Osetlerin *Afsatı*, Svanların *Absastı* adını verdikleri av tanrısının kökeni İskit kültür ve inançlarına kadar uzanabilir.

Totur ya da *Aştotur* adı verilen tanrı da Karaçay-Malkar inanışlarına göre kurtların, avcılarının ve çobanların tanrısıydı. Çegem vadisinde Totur'un taşı ya da Aştotur'un taşı denilen yere gelen avcılar ava çıkmadan önce taşın üzerine kurşunlarından birini ve yol azıklarının bir parçasını bırakır ve şöyle dilek dilerlerdi:

*Sen Apsatını sakçısısa
Kiyikleni tillerin bilese
Toklugubuznu, açlıgıbizni bilese
Gabululanı köbün ber
Apsatıga hapar ber
Tilegibizni kabul et*

Sen Apsatı'nın bekçisisin
Geyiklerin dillerini biliyorsun
Tokluğumuzu, açlıgımızı biliyorsun
Dağ keçilerinin çoğunu ver
Apsatı'ya haber ver
Dileğimizi kabul et

[4, s. 203]

Av dönüşünde avcılar bu taşın yanına gelir ve avladıkları hayvanların etlerinden bir parça bırakırlardı. Aştotur'un taşı halkın nazarında çok kutsaldı. O taşın yanından geçen atlılar attan inip o taşa saygı gösterirlerdi.

Karaçay-Malkarlılar *Totur ay* dedikleri Mart ayının 22'sinde «*Teyrini eşikleri açıldı*» (Teyri'nin

kapıları açıldı) diyerek bayram yaparlar, baharın gelişini kutlarlardı. Bu âdete komşu Kafkas halklarında rastlanmazdı [8, s. 273]. Totur'un taşı denilen yerde kurbanlar kesip, Totur'un şerefine dans edip, şarkılar söylerlerdi. Daha sonra da *tukum tamada* denilen «soy başkanı» taşa dönüp şöyle dilek dilerdi:

*Başımızda-Kök Teyrisi,
Tübübüzde-Cer Teyrisi,
Ala bizge boluşa
Amanlık etsek-ala bizge uruşa
Tilek tiley kelgenbiz
Kabil etseng süyebiz
Baş urabız Toturğa
Totur boluş halkınga*

Üzerimizde-Gök Tanrısı,
Altımızda-Yer Tanrısı,
Onlar bize yardım eder,
Kötülük yapsak-onlar bizi azarlar
Dilek dilemeye geldik
Kabul etmeni istiyoruz
Baş eğiyoruz Totur'a
Totur yardım et halkına

Karaçay-Malkarlılar «koç katımı» bayramlarında şu duayı söyleyerek Totur'un yeni doğacak kuzuları kurtlardan korumasını dilerlerdi:

*Egiz-egiz tölü tuvsun
İkiz-ikiz nesil doğsun
Kozlamagan tişi kalmasın
Callı kaganak almasın
Malla tölü bersinle
Börüle keri ketsinle
Toturubuz saklasın
Teyri bizni coklasın*

*Segiz-segiz nasib cavsun
Sekiz-sekiz kısmet yağsın
Yavrulamayan dişi hayvan kalmasın
Kurt yeni doğmuş kuzu kapmasın
Hayvanlar nesil versin
Kurtlar geri gitsin
Toturumuz korusun
Teyri bizi yoklasın*

[4, s. 187]

Kurt ağızı bağlama duasında da Karaçay-Malkarlılar Totur'dan yardım dilerlerdi. Gece ağıldaki koyunlara kurtların saldırmaması için, Karaçay-Malkarlılar önce ellerine bir balta

olarak üç kere «*börü avzu baylayık*» (kurt ağızı bağlayalım) derler, sonra baltaya üç kere tükürüp, şu duayı okuduktan sonra baltayı bir ağaç kütüğüne saplarlardı:

*Callısa, kanlısa
Avzung kuruşsun
Tişlerin birbirine kirişsin
Aştotur amin desin
Apsatı kabil etsin*

*Kurtsun, düşmansın
Ağzın felç olsun
Dişlerin birbirine kenetlensin
Aştotur amin desin
Apsatı kabul etsin*

[4, s. 193]

Karaçay-Malkarlılar, çocukluktan çıkıp delikanlılığa adım atan bir genç ilk defa eline silâh alarak ava çıkacağı zaman onu Totur ile birlikte

Umay Biyçe adını verdikleri tanrıçaya emanet ederler ve şu dua ile ava gönderirlerdi:

*Umay Biyçe, Totur
Bashan ayagingı taydırmasınla
Athan ogungu cazdırmasınla
Uvçu colungda saklasınla
Bir atıb, eki öltürgün
Bir colga eki kiyik keltirgin
Kölsüz tengleringi köl etgin
Buvlamı terilerinden koş etgin
Tıbıringı Temirkazak culduzça begisin
Teyring bersin Apsatını malından
İgisin, köbüsün*

*Umay Biyçe, Totur
Bastığın ayağını kaydırmasınlar
Attığın kurşunu şaşirtmasınlar
Avcı yolunda korusunlar
Bir atıp, iki kere öldür
Bir defada iki geyik getir
Cesaretsiz arkadaşlarına cesaret ver
Erkek geyik derilerinden kamp kur
Ocağını Demirkazık yıldızı gibi sağlamlaştırın
Teyrin versin Apsatı'nın malından
İyisini, çoğunu*

[4, s. 189]

Avcıları ava uğurlarken söylenen bir duada Totur ile birlikte Bayrım adı verilen bir başka tanrıça adı dikkati çekmektedir:

*Bayrım senden tileyme,
Sav cürütgün balamı
Totur, Totur kayalada aylanuvçu kalamı
Börü tişden, sülevsün tırnakdan bir sakla
Uvçu coluna iyi közden bir kara*

*Bayrım senden diliyorum
Sağ yürüt yavrumu
Totur, Totur kayalarda dolaşan kalemi
Kurt dişinden, vaşak tırnağından koru
Avcı yoluna iyi gözle bir bak*

[4, s. 227]

6. Aile ve Çocukları Koruyan Tanrıçalar

Umay adlı tanrıça Karaçay-Malkar eski inançlarında çocukları koruyan tanrıçaydı. *Umay* eski Türk mitolojisinde yer alan bir tanrıça adıdır ve Kafkasya'ya Karaçay-Malkarlıların ataları olan eski Türk kavimleri tarafından getirilmiştir. Komşu Kafkas halklarında *Umay* adlı bir tanrıçaya rastlanmaması da onun Orta Asya kökenli olduğunu göstermektedir.

Umay adına ilk defa Göktürk yazıtlarında rastlanır. Kültigin yazıtında Bilge Kağan annesini çocukları koruyan dişi tanrı *Umay*'a benzetmektedir. Tonyukuk yazıtında da *Umay*'ın Türklere yardım ettiğinden bahsedilmektedir [12, s. 36]. Eski Türk mitolojisinde *Umay* yeryüzünde boyut kazanan bir tanrıça idi. Çocukların koruyucu tanrıçası olan *Umay* ayrıca evcil hayvanları çoğaltır, insanlara bol ürün verirdi [19, s. 130].

Altay Türkleri de *Umay*'ın çocukları ve hayvan yavrularını koruyan dişi bir tanrı olduğuna inanırlardı [20, s. 31]. *Umay* adlı tanrıçaya Yakut Türklerinde de rastlanmaktadır. Sagay Türkleri ona *Imay* adını verirler. Altaylarda yaşayan Şor Türklerinin *Umai* dedikleri bu tanrıça Teleütlerde *Mai-anası* adını alır [21, s. 759]. Kırgızlar da *Umay* adlı tanrıçayı *Umay ene* adıyla kültürlerinde yaşatmaktadır.

Bayrım sanga kelgenme
Baş urama, tileyme
Bu tük kibik kuv etme
Har tügü sayın manga
Bir sabiy ber, cazıksın
Teyri da tilegimi kabul etsin

Gökteki ayın parlak olduğu gecelerde Karaçay-Malkarlılar *Bayrım* taşına giderek ondan çocuk vermesini dilerlerdi. Kızı olmayanlar yanlarına bir kız çocuğu, oğlu olmayanlar ise bir erkek çocuğu alarak *Bayrım* taşının yanına gelir ve dua ederlerdi. Yanlarında et, yumurta, yağ gibi yiyecekler de götürürlerdi. Yolda «Nart Mezarları»

Sıylı Bayrım Biyçeden tileybiz
Bayrım teyriden Nartla bla tileybiz

Daha sonra *Bayrım* taşının yanında şu duayı okurlardı:

Bayrım Biyçe, bay biyçe
Men tileyme senden sabiy
Calnama, calbarama
Kozu kurmanlıkla eteme
Bayrım Biyçe-savgala üleşüvçü
Cerge-cavum, erge küç berüvçü

Çocuklarını bir yere gönderen Kırgız kadınları onları «*Umay enege tapşırđım*» (*Umay anaya havale ettim*) sözleriyle uğurlarlar [21, s. 759].

Tabu veya *Tabıt* Karaçay-Malkar'da evi, aile ocağını koruyan tanrının adıydı. Herodot tarihinde İskitlerin *Tabiti* adını verdikleri «Ocak Tanrısına» taptikları yazılıdır [22, s. 53]. Karaçay-Malkarlıların günümüzde bile adını yaşattıkları *Tabu-Tabıt* adlı ocak tanrıları İskitlerin *Tabiti* adlı ocak tanrısı ile aynıdır.

Bayrım, *Bayram* ya da *Bayrım Biyçe* adlarını taşıyan tanrıçanın da *Umay Biyçe* gibi çocukları koruyan bir tanrıça olduğu anlaşılmaktadır. Karaçay-Malkar'da *Bayrım* adı verilen tanrıçaya ait pek çok kutsal taş vardı. Komşu Kafkas halklarında da *Bayrım* adlı tanrıçaya inanılırdı. *Bayrım* evlilik, anelik ve kadınların da tanrıçasıydı. Evin ocağındaki sıcaklığı koruyan, eve kısmet getiren, bereket veren *Bayrım*'dı. Ona bir saygı ifadesi olarak *Bayrım Biyçe* adı verilirdi. Evlerine kısmet, bereket, mutluluk, bolluk getirmesi için Karaçay-Malkarlılar *Bayrım Biyçe*'ye dua eder, kurban keserlerdi. *Bayrım Taş* adı verilen kutsal taşlara çocuğu olmayan kadınlar yanlarında güzel yiyeceklerle birlikte bir kuş tüyü alıp gelerek *Bayrım Biyçe*'ye şöyle dua ederlerdi:

Bayrım sana geldim
Baş eđiyorum, diliyorum
Bu tüy gibi kurutma
Her tüyü için bana
Bir çocuk ver, merhamet et
Teyri de dileđimi kabul etsin

denen mezarların çevresinde bir kere döner, sonra bir mezarı kazıp içine pişmiş yumurta, bir kepçe süt, üç adet etli börek (hıçın), darıdan yapılmış «kak» adlı yemekten koyarlardı. Ayrıca gümüş ya da altından yapılmış bir eşya da bırakırlardı. Sonra şu sözleri söylerlerdi:

Kutsal Bayrım Biyçe'den diliyoruz
Bayrım tanrıdan Nartlar ile diliyoruz

Bayrım Biyçe, güçlü prenses
Ben diliyorum senden çocuk
Yalvarıyorum, yakarıyorum
Kuzular kurban ediyorum
Bayrım Biyçe-hediyeler paylaştıran
Toprađa yağmur-erkeđe güç veren

*Seni teyriliginde iynanıbma
Carıt, men iynanganlay turayım
Okla keltirdim tizgin tizgin
Ak taşa saldım alanı
Okla seni-caş meni
Okla seni-caş meni
Çille keltirdim kanat-kanat
Çille seni-kız meni
Çille seni-kız meni*

Senin tanrılığına inanmışım
Sevindir, ben hep inanayım
Kurşunlar getirdim sıra sıra
Ak taşa koydum onları
Oklar senin-oğlan benim
Oklar senin-oğlan benim
İpek getirdim çile-çile
İpek senin-kız benim
İpek senin-kız benim

[4, s. 202].

7. Kutsal Ağaçlar – Ağaç Kültü

Eski Karaçay-Malkar inançlarında kutsal ağaç motifine de rastlanmaktadır. Ağaç kültü eski Türk boylarının yanı sıra, Kafkas kavimlerinde de oldukça yaygın biçimde görülmektedir.

Altay, Sagay, Şor, Teleüt gibi Orta Asyalı Türk boyları kayın ağacını kutsal sayarlar ve ona taparlardı. Onların inançlarına göre kayın ağacını yeryüzüne büyük tanrı Ülgen ile tanrıça Umay beraber indirmişlerdi. Altaylıların dualarında daima «bay kayın' zikrolunurdu. Beltir ve Sagay Türkleri de gök veya dağ kurbanı ayinini kayın ağaçları altında yaparlardı. Yakutlar karaçam ağacını da kutsal sayarlardı. Çocuğu olmayan Yakut kadını karaçam ağacına gelir, beyaz at derisini ağacın altına serer ve karşısında dua ederdi. Uygur efsanelerinde Uygur hakanlarının ağaçtan türedikleri söylenir. Kıpçakların da ağaçtan türedikleri rivayeti anlatılmaktadır [12, s. 65].

Karaçay-Malkarlılar da kutsal olduğuna inandıkları bazı ağaçlara taparlar, onlara adaklar adar, kurbanlar keser, onlardan yardım dilerlerdi.

Karaçaylılar Ullu Karaçay bölgesinde *Cangız Terek* (Yalnız ağaç) adını verdikleri bir çam ağacının kutsal olduğuna inanıyorlar, ona tapıyorlardı. Malkarlılar ise «Malkar-Çerek' vadisinde *Ravbazı* adını verdikleri bir kutsal ağaca inanıyorlardı. Pek çok araştırmacı bu ağacın da bir çam

ağacı olduğunu zannetmektedir. Ancak yaşlılar Ravbazı adlı kutsal ağacın armut ağacı olduğunu belirtmektedirler. Yaşlı Malkarlılar 19. yüzyıl sonlarında bile bu ağacın gücüne inanıyorlar ve bunu «Allah bile senin yanında olsun, Ravbazı benim yanımda olsun yeter ki' sözleriyle ifade ediyorlardı. Karaçaylılar da Cangız Terek adlı kutsal ağaca zarar verenin öleceğine inanırlardı. Hurzuk Irmağı'nın sol kıyısında yer alan Cangız Terek'in kutsallığı halkın nazarında o derece yüksekti ki, 1920'li yıllarda bile bu ağaca dokunmanın ya da zarar vermenin çok büyük felâketlere sebep olacağı inancı yaygındı [15, s. 24].

Ravbazı ve Cangız Terek adlı kutsal ağaçların yanında Karaçay-Malkarlılar çok çeşitli şöenler düzenlerlerdi. Bazen bütün halk, bazen bir soya mensup kişiler, bazen bir aile, ya da insanlar tek başlarına gelip Ravbazı ve Cangız Terek'e içlerindeki sıkıntılarını anlatıp, yalvarıp onlardan yardım dilerlerdi. Yağmur yağmasını isteyenler, güneşin çıkmasını isteyenler, sevdiğine kavuşmak isteyenler, çocuk sahibi olmak isteyenler bu ağaçların gücüne sığınır onlardan yardım beklerlerdi.

Baharda tarla işlerine başlamadan önce Karaçaylılar Cangız Terek için kurban keser, etrafında dans eder, şarkı söylerlerdi. Sonra «tamada' adı verilen başkan şu sözlerle Cangız Terek'ten yardım dilerdi:

*Biz saban ızga çıgabız
Kalacükünü sındırmayın
Sabanıbnı sen sürdür
Urlugubuznu sen bitdir*

Biz tarla sürmeye çıkıyoruz
Karasabanı kırmadan
Tarlamızı sen sürdür
Tohumumuzu sen yeşert

[4, s. 13].

Karaçaylılar Cangız Terek etrafında güneşe tapınarak onun şerefine de dans ederlerdi. Bu sırada *sandırak* adlı bir şarkıyı söyleyerek dünyaya hayat veren, ısıtan, bitkileri büyüten

güneşe şükrederek ona övgüler dizerlerdi [23, s. 4]. Yılın kurak günlerinde Karaçaylılar şu sözlerle Cangız Terek'ten yağmur yağdırmasını dilerlerdi:

Sabanlanı ordurgan Terek

Tarlaları biçtiren Terek (ağaç)

*Cavumlanı cavdurgan Terek
Bütev duniya bolgandı aç
Cangur eşikni keng aç
Kök çaşnasın, çaşnasın
Erlay cavub başlasın*

Yağmurları yağdıran Terek
Bütün dünya oldu aç
Yağmur kapısını geniş aç
Şimşekler çaksın
Hemen yağmaya başlasın

[13, s. 11]

Gökteki en büyük tanrı olan Teyri'den de Karaçay-Malkarlılar şu sözlerle yağmur yağdırmasını dilerlerdi:

*Ullu Teyri, Han Teyri
Bulutları iy Teyri
Cavumlanı cavdur Teyri*

Büyük Teyri, Han Teyri
Bulutları gönder Teyri
Yağmurları yağdır Teyri

[13, s. 11]

8. Yağmur Yağdırma Ritüelleri

Karaçay-Malkarlıların yağmur yağdırma törenlerinde komşu Abaza ve Adige halklarıyla benzerlik gösteren bir gelenekleri vardır. Yılın kurak gittiği günlerde yaşlı kadınlar ve çocuklar bir küreğe kadın elbisesi giydirip onu güzelce süslerler. Buna Karaçay-Malkar dilinde *Kürek Biyçe* (Kürek Prenses-Hanım) adı verilir. Aynı gelenek Abaza ve

Adigelerde de vardır. Kadın biçiminde süslenen küreğe Abazalar *Dzivara*, Adigeler *Hantsa Guaşe* adını verirler. Bunların da kelime anlamı «Kürek Prenses'tir.

Kürek Biyçe çocuklar tarafından köyün içinde dolaştırılırdı. Çocuklar evlerin avlularına girip küreği yere vururlar ve şu sözleri söylerlerdi:

*Biz küyebiz, ölebiz
Cavum cavsa süyebiz
Kürek Biyçe'den cavum tileybiz*

Biz yanıyoruz, ölüyoruz
Yağmur yağmasını istiyoruz
Kürek Biyçe'den yağmur diliyoruz

[13, s. 10]

Her evden, et, ekmek, yumurta gibi yiyecekler toplarlar, sonra oynaya-güle ırmak kıyısına gelirler ve kürek *Biyçe*'yi ırmağa atıp, birbirlerinin üzerine su serperlerdi. Buna *suv alışuv* (su değiştirme) derlerdi. Daha sonra bir eşeğe kadın elbisesi giydirip ırmağa sokup üzerine su döküp yıkarlar, eşeği aynaya baktırırlardı. Bu eğlenceli şölen, ziyafet ve oyunlarla sona ererdi.

ve inancın kökenini Hunlara-Bulgarlara kadar götürmek mümkündür.

At kafası Çuvaşlarda kötü gözlerden koruyan bir tılsım olarak kullanılmıştır. İdil Bulgarları'nın kasaba harabelerinde yapılan kazılarda meskenlerin temelinde at kafaları bulunmuştur. Çuvaşlar at kafasını nazardan ve kötü ruhlardan korunmak için bağ ve bostanlarına asarlar [24, s. 28].

Uzun süre yağmur yağmayıp, kuraklık olduğunda evlerde yalnızca yetişkin genç kızları bırakıp, bütün halk yüksek bir tepe ya da yamaca çıkardı. Bu sırada hepsi de elbiselerini ters giyerlerdi. Yaşlılar yanlarında yedi adet at kurukafası götürürlerdi. Kadınlar kurbağalara yedi türlü kumaştan elbise dikip giydirelerdi. Erkekler de at kafalarını sopaların ucuna takıp Han Teyri'den yağmur yağdırmasını dilerlerdi. Kadınlar elbise giydirdikleri kurbağaları ellerine alıp, dualar ettikten sonra onları suya atarlardı [13, s. 10-11].

Başkurt inanışlarına göre atlar kötü ruhların büyülerinden etkilenmezler. Bir atın gözü, hiçbir insanın gözünün görmediğini görür. Bundan dolayı at, ev içinde yerleştiği sanılan kötü ruhları kovmak için evin içine getirilirdi. Başkurt Türklerinde at kafasının, efendisini ve onun malını kötü gözden, bilhassa kötülüklerden koruyacağına inanılırdı. At kafasını arı kovanları üzerine, avluya, bahçe çitlerine, kapı üstüne koruyucu olarak asmak âdeti yaygındı [19, s. 127].

9. Totemizm

Karaçay-Malkarlıların yağmur duasında yedi adet at kafası taşımaları geleneği eski Türk totemizmi ile yakından ilgilidir. Karaçay-Malkarlılar nazar değmesin diye evin kapısına ya da çatısının kenarına at kafası takarlar [8, s. 277]. Bu geleneğin

Çeşitli Türk boyları ile birlikte Karaçay-Malkarda'da görülen at kafası ile ilgili inanç eski Türklerin *töz* adını verdikleri totemler ve totemizm ile bağlantılı görülmektedir. Bozkır göçebe kültüründe atın önemi göz önünde tutulursa, at kafasına verilen kutsal anlam ve değer de onunla paralel olduğu anlaşılır.

Eski Türklerin *töz* adını verdikleri şey, hayvan veya insan şeklinde yapılmış putlar ve tapılan heykelciklerdi. Bunlar ağaçtan, taştan, kemikten, madenden hatta çamurdan yapılırdı. Bu heykelcikler o kabilenin, o soyun ya da ailenin, aile ocağının koruyucuları olurlardı [25, s. 32].

Çin kaynaklarının bildirdiğine göre M.Ö. 2. yüzyılda Hunların putları vardı ve bunların önünde Gök Tanrı'ya kurban sunarlardı (İnan 1986:2). Daha sonraki Çin kaynakları da Göktürklerin geçeden yaptıkları tanrı tasvirlerinden bahsetmektedir [12, s. 42].

Orta Asya Türk boyları arasında yapılan araştırmalar Altaylıların *tös* ya da *töz*, Yakutların *tangara*, Uranhayların *eren* adını verdikleri put-fetişleri ortaya çıkarmıştır. Bunlar geçeden, paçavradan, kayın ağacı kabuğundan yapılırdı. Bir kısmı çocukların oynadıkları bebeklere benzerdi. Bazıları da tilki, tavşan gibi hayvan derilerinden ibaretti. Bunlar duvarlara ya da sırlıklara asılırdı. Ava ya da önemli bir sefere çıkarken bu putlara saçı saçılır ve ağızlarına yağ sürülürdü. Araştırmalar bu putların «atalar kültü» ile ilgili olduğunu göstermektedir [12, s. 42].

Eski Karaçay-Malkarlılar da at, köpek, koyun, keçi, şeklinde küçük putlar hazırlar ve onlara *kaç* adını verirlerdi. Bunları evde ocak başına ya da evin ortasında bir yere koyarlardı. Yemekten önce ve yemekten sonra onun önünde eğilip dua eder, dilek dilerlerdi. Bu putlardan en önemlisinin adı *Dever* idi. Eski Karaçay-Malkar evlerinin tam ortasında yer alan *bagana* adı verilen direğe 4 ya

da 8 adet yabandomuzu ayağı takılırdı. Domuzun başı evin giriş kapısının üzerine asılırdı. Domuzun dişi değerli ve saygı gösterilmesi gereken bir nesne olarak görülürdü ve uğur getirmesi için evlerde sandıklarda saklanırdı. Evinde domuz başı bulunduranın evine fakirlik gelmeyeceğine, hayvanlarının zayıf düşmeyeceğine inanılırdı. Yılın kutsal aylarında, tarlalara çıkıldığında domuz derisinin küçük bir parçası ateşe atılır ve onun kokusu kutlu sayılırdı. Eski Karaçay köylerinden Ogarı Teberdi ve Hurzuk'ta kapısının üzerine domuz başı ve ayakları asılmış evlere çok rastlanırdı [4, s. 207].

İdil Bulgarlarında yeni doğan çocuğa *küçük kölmeği* adı verilen bir gömlek giydirilirdi [26, c. 7]. Küçük kelimesinin anlamı «köpek yavrusu»dur. Bu gelenek *itlik kölek* adıyla Karaçay-Malkar'da günümüzde de yaşayan bir Proto-Türk geleneğidir.

Karaçay-Malkar kültüründe doğa üstü güçlerle ve tanrılarla irtibat kurduklarına inanılan *şamanlar* veya *kâhinler* çeşitli adlarla tanınırlardı. Şaman veya kâhin anlamına gelen en yaygın isimlerden ikisi *Kımsa* ve *Hamcav* adlarıydı. 9. yüzyılda Avar Türkleri arasında da şaman anlamında *Kamzav* ve *Kamzavçi* adlarının kullanıldığı kaydedilmektedir [9, s. 8].

Karaçay-Malkar inançlarında *Er-Gizav* veya *Gizav* adıyla tanınan bir doğa üstü güç ya da ruhun fal bakılan taşlara hükmettiğine inanılır. Taş falına bakacak olan kâhin veya falcı taşları yere sermeden önce şu duayı okur:

*Töben canım Er-Gizav,
Kuyruk canım da Er-Gizav,
Gizav başı ak taş,
Gizav kaşı kök taş,
Duv-Gizav, Kuv-Gizav,
Saram kaçını sakla Gizav,
Ayrımkanga atla Gizav,
Duv-Gizav, Kuv-Gizav,
Etlı Gizav, betli Gizav,
Taşını başını oynat Gizav,
Taşını kaçını bildir Gizav,
İgilikge tübet Gizav.*

*Aşağı tarafım Er-Gizav,
Kuyruk tarafımda da Er-Gizav,
Gizav'ın başı ak taş,
Gizav'ın kaşı mavi taş,
Duv-Gizav, Kuv-Gizav,
Saram'ın ruhunu koru Gizav,
Adaya atla Gizav,
Duv-Gizav, Kuv-Gizav,
Ağır Gizav, insafı Gizav,
Taşın başını oynat Gizav,
Taşın ruhunu bildir Gizav,
İyiliğe uğrat Gizav.*

[14, s. 163]

10. Kötü Ruhlar

Karaçay-Malkar eski inançlarında kötü karakterli bazı ruh ve şeytanların da varlığına inanılırdı. Bunların kökenini de eski Türk inançlarında bulmak mümkündür.

Cek eski Karaçay-Malkar inançlarında yer altında yaşadığına inanılan kötü ruh veya şeytanın adıdır. Eski Uygur Türkçesinde ve *Divânü Lûgat'it-Türk'te yek* şeklinde görülen bu kelime *cek* adlı şeytan kavramının eski Türk kültüründe de bulunduğunu göstermektedir. Orta Asya şamaniz-

minde kötü ruhlara *yek* adı verilir. «*Yek* Uygurca dinî metinlerde de şeytan anlamına gelir [12, s. 41].

Celmavuz Karaçay-Malkar inanışlarında kötü karakterli tabiatüstü varlıklardan biridir. Bir tür ejderha olan «*Celmavuz*’ eski Uygur metinlerinde *yelimagız*, Kırgızcada ise *celmooz* biçiminde görülmektedir.

Obur Karaçay-Malkar inanışlarında bir tür kötü ruh, hortlak ya da cadının adıdır. İnanışa göre bir evde doğum olduğunda, yeni doğan bebeği *Obur* alıp kaçırabilir. Bu yüzden yeni doğan çocuğu *Obur* alıp gitmesin diye genç kızlar bir hafta boyunca bebekle genç annenin yanında sabaha kadar beklerler. *Obur* adlı kötü ruh Kazan Tatarlarında da *Ubir* adıyla bulunmaktadır [27, s. 165].

Sarubek inanışa göre insan kılığına girebilen bir tür cindir. Kırmızı gözleri ve uzun bir kuyruğu vardır. Efsanelere göre Karaçay’da Morh köyü güzel bir kız şekline giren bir *Sarubek* yüzünden mahvolmuş ve uzun yıllar sonra Morh yeniden kurulabilmiştir. *Sarubek*ler insan kılığında iken göbeklerinin olmamasıyla tanınırlar. Buna benzer bir inanış Başkurtlar arasında da vardır. Başkurtlar da *bisura* adı verilen cinlerin insanlarla evlendiğine inanırlar. Bunların göbekleri olmadığı için kolayca tanınabilirler [27, s. 164].

11. Dağ Kültü

Kafkasların en yüksek ve dağlık bölgesinde yaşamakta olan Karaçay-Malkarluların inançlarında dağlar ve «dağ kültü’ de önemli bir yer işgal etmekteydi. Kendilerine *Tavlu* (Dağlı), dillerine de *Tav Til* (Dağ Dili) adını veren Karaçay-Malkarlular için dağlar kutsal mekânlardı. Kafkas Dağları içinde onlar açısından en kutsal sayılan dağ, Kafkasların en yüksek zirvesi Elbruz Dağı idi. Karaçay-Malkarlular Elbruz Dağı’na kendi dillerinde «Ebedî Dağ – Sonsuz Dağ’ anlamına gelen *Mingi Tav* adını verirlerdi³. «*Mingi*’ kelimesi eski Türkçedeki «*Bengü~Mengü*’ kelimesinden gelmektedir. Karaçaylılar *Mingi Tav* dedikleri dağ tanrısının hâkimiyetinde yaşadıklarına inandıkları

³Eski Türkçede ebedî~sonsuz anlamına gelen *bengü~mengü* kelimelerinden hareketle, Karaçay-Malkar dilinde Elbruz Dağı’nın adı olan *Mingi Tav* sözünü Ebedî Dağ~Sonsuz Dağ olarak açıklayabileceğimiz gibi, *bengü~mengü*kelimelerinin Kırgızcada aldığı *möngü* (мөңгү) biçiminin anlamından yola çıkarak Karaçay-Malkar dilindeki *Mingi Tav* sözüne değişik bir anlam verebiliriz. Kırgızcada *möngü* kelimesi ‘dağ buzulu’, ‘dağların üzerinde hiç erimeyen ebedî kar’ anlamlarını taşımaktadır (Yudahin 1965). Bu durumda Karaçay-Malkar dilindeki *Mingi Tav* adı da ‘Ebedî buzlarla kaplı dağ’ anlamını kazanmaktadır.

için, kendilerine de «*Mingi Tavnu* Kulları’ (Elbruz Dağı’nın kulları) adını verirlerdi⁴.

Yıl boyunca karlar ve buzlarla kaplı Kafkas Dağları’nda yaşadığına inanılan Kar Tanrıçası’na Karaçaylılar *Sarasan* adını verirlerdi [9, s. 103].

Karaçay-Malkarluların ayrıca *Dolay*, *İnay*, *Ozay* adlarını verdikleri çeşitli bereket tanrıları da onların kültür ve inançlarında önemli bir yere sahipti.

Karaçay-Malkarlular dünyayı ve evreni üç kısma ayırırlardı. Bunlardan gökyüzü âlemine «*Şır Kati*’, yeryüzüne «*Cer-Suv-Kati*’, yer altı âlemine «*Aşhara*’ adlarını verirlerdi [9, s. 14].

12. Sonuç

Karaçay-Malkar eski inançlarını bir bütün olarak ele aldığımızda, bu inanç sisteminde eski Türk kültürüne özgü şamanist unsurlar, pagan (çok tanrılı din) âdetleri ve inançları ile birlikte Kafkasya’da bir dönem oldukça etkili olmuş Hıristiyanlığın zayıf izlerine rastlamak mümkündür. Karaçay-Malkarluların etnik oluşumlarının bir döneminde Hıristiyanlığın etkisi altında kaldıkları anlaşılmaktadır. Ancak Hıristiyanlık bütün dinî kurumlarıyla halkarasındayayıp benimsenememiş, aksine halkın eski şamanist ve pagan inançları ile karışarak semavî bir din olma özelliğini kaybetmiş ve şamanist unsurlarla bezenerek çok tanrılı bir din görünümünü kazanmıştır.

EK 1: Karaçay-Malkar Panteonu

Albotay yolların ve gezginlerin tanrısı.

Amma Çokku eski Karaçay’da dilek tanrısı.

Amma eski Karaçay’da evi koruyan tanrıça.

Apsati av hayvanlarının ve avcılarının tanrısı.

Aşhara Karaçay mitolojisinde yeraltı dünyası, karanlıklar dünyası.

Aştotur kurtların, avcılarının ve çobanların tanrısı.

Avzay bereket tanrısı.

Aycam- Katın Karaçay mitolojisine göre yeryüzünde yaratılan ilk kadın.

aymuş ayı 13-23 Ağustos arasındaki günler.

Aymuş çobanların tanrısı.

Bayça koyun çobanlarının tanrısı.

Bayçomart Karaçay-Malkar mitolojisinde av tanrısı *Apsati*’nin gizli adı.

Bayrım Biyçe kadınları ve çocukları koruyan tanrıça.

Bayrım üy islamiyetten önce Karaçay-Malkar’da dilek dilenen yer.

⁴Yaşlı Karaçaylılardan derlenen bilgiler arasında, Karaçaylıların bir zamanlar Elbruz Dağı’nı kutsal kabul ederek, ona dönerek ibadet ettikleri kaydedilmektedir (Karaketov 1999: 57).

Bokay yaratıcı tanrı.

Cangız Terek Karaçaylılar'ın kutsal olduğuna inandıkları ve şamanizm döneminde taptıkları çam ağacı.

Cek yer altında yaşadığına inanılan kötü ruh, şeytan.

Cel İyesi rüzgârların hâkimi.

Celmavuz kötü karakterli tabiatüstü varlık, ejderha.

Cer Anası toprakların koruyucu tanrıçası.

Cer İyesi toprakların hakimi kutsal ruh.

Cer Teyri yer tanrısı.

Cocu-Şatay eski Karaçay'da bir tabiat tanrısı.

Çaçlı eski Karaçay'da evi koruyan tanrıça.

Çamparas eski inançlarda rüyalara hükmeden tanrıça.

Çoppa ziraatçılığın tanrısı.

Çoppayır Karaçay mitolojisinde dünyanın bulunduğu orta âlem.

Çuppahan göklerin tanrıçası, gök anası.

Danmettir ırmakların ve göllerin koruyucu tanrıçası.

Davle eski Karaçay-Malkar inanışlarında toprakların tanrısı.

Dever şamanizm döneminde Karaçaylıların taptığı bir put.

Dıday Karaçay-Malkar mitolojisinde bir tanrı adı.

Dımmıl tahıl tanrısının adı.

Dırpıl tahıl tanrısının adı.

Diyev rüzgar tanrısının adı.

Dolay bereket tanrısı.

Dolvan-tengiz Karaçay mitolojisinde bütün okyanuslar.

Eliya yıldırım tanrısı.

Elleyhan toprakların tanrıçası.

Elleysan toprakların koruyucu tanrıçası.

Erirey tarlada yetişen mahsullerin tanrısı, bereket tanrısı.

Gamalar av hayvanlarının ve avcılarının tanrısı Apsatı'nın kızı.

Gılan rüzgâr tanrıçasının oğlu.

Gizav fal taşlarına hükmeden ruh.

Gori rüzgâr tanrısı.

Goriy rüzgâr tanrısı.

Goylusan Karaçay mitolojisinde gök tanrıçası.

Han Teyri göklerin tanrısı, en büyük tanrı.

Himikki rüzgâr tanrıçası.

Hudiy eski inançlarda kuyruklu cin.

Hurray bir tanrı adı.

Indirbay av hayvanlarının tanrısı Apsatı'nın oğlu.

İnay bereket tanrısı.

Kavarhan gök gürültüsü, fırtına ve rüzgârların tanrısı.

Kaynar güneş tanrısı.

Kemishan ırmak ve göllerin tanrıçası.

Köl anası Kemishan ~ Suv anası Kemishan tanrıçanın diğer adları.

Kök anası Goylusan Karaçay mitolojisinde gök tanrıçası.

Kök Teyri göklerin tanrısı, en büyük tanrı.

Külsan güneş tanrıçası.

Küvürhan gök gürültüsü, fırtına ve rüzgârların tanrısı.

Makkuruş eski inançlarda keçilerin tanrısı.

Mammettir ırmakların ve göllerin koruyucu tanrıçası.

Mıçipay eski Karaçay'da süt sağılmasını sağlayan tanrı.

Obur kötü ruh, hortlak.

Ovcay bereket tanrısı.

Ozay bereket tanrısı.

Ölgenbay toprakların koruyucu ruhu.

Ravbazı Malkar'da şamanizm döneminde kutsal olduğuna inanılan bir armut ağacı.

Sarasan kış tanrısı, kar tanrıçası.

Saruvbek insan kılığına girebilen bir tür cin.

Suv Anası ırmakların ve göllerin koruyucu tanrıçası.

Suv Teyri suların tanrısı.

Suylanan suların, ırmakların, göllerin tanrıçası.

Süyerdin eski inançlara göre suyun dibinde yaşayan varlıklar, su tanrıları.

Süymasan deniz tanrısı.

Şakkay yıldırım ~ şimşek tanrısı.

Şatay tabiat tanrılarının biri.

Şıbila yıldırım tanrısı.

Şır katı Karaçay mitolojisinde gökyüzü âlemi.

Şırray Karaçay mitolojisinde cennet.

Tabaltay Karaçay mitolojisinde ebedi dünya, sonsuzluk âlemi.

Tabıt eski Karaçay'da evi koruyan tanrı.

Tabu Karaçay-Malkar eski inanışlarında evi koruyan tanrı.

Tamay Karaçay mitolojisinde cehennem.

Tammızıçı kaynak sularının tanrısı.

Teyri tanrı, Karaçay-Malkar eski inanışlarına göre gök tanrısı,

Toray-Kaçı şamanizm döneminde Karaçaylıların nazardan koruduğuna inandıkları bir put.

Totur kurtların, avcılarının ve çobanların tanrısı.

Tugulbay av hayvanları ve avcılarının tanrısı Apsatı'nın oğlu.

Tükbaş evi koruyan tanrıça.

Tüş anası rüyalara hükmeden tanrıça.
Umay Biyçe kadın ve çocukları koruyan tanrıça.
Üy iyesi evi koruyan ruh.

KAYNAKÇA

1. Bicilani Hanafiy. «Karaçaylıları Orta Ömürlede Dinlerini Üsünden.» *Kanatla*: Çerkessk: Stavropol Kitab Basmanı Karaçay-Çerkes Bölümü, 1971. S. 169-174.

2. Baştav Şerif. Atilla ve Hunları.' *Tarihte Türk Devletleri*, I. Ankara: Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları, 1987. S. 37-53.

3. Klaproth J. Travels in The Caucasus and Georgia. London, 1814.

4. Hacıyeva T.M. Malkarlıları Bla Karaçaylıları Halk Poeziya Çıgarmaçılıkları. Nalçik: Elbrus, 1988.

5. Golden P.B. Türk Halkları Tarihine Giriş (Çev:Osman Karatay). Ankara: KaraM Yayınları, 2002.

6. Şamanov İ.M. «Zemledelie i Zemledelçeskiy Bit Karaçayevtsev.» *İz İstorii Selskogo Hozyaystva Karaçayevno-Çerkesii*. Çerkessk, 1971.

7. Curtubayev M. Karaçay-Malkar Mifleri. Nalçik: Elbrus, 2007.

8. Karaçayevtsi L.I. Lavrov (Ed.). Çerkessk, 1978.

9. Karaketov M.D. İz Traditsionnoy Obryadovo-Kultovoy Jizni Karaçayevtsev. M., 1995. 344 s.

10. Aydın Mehmet «Şamanizmin Eski Türk Dinî Hayatı İle İlişkisi.» *XI. Türk Tarih Kongresi*: Ankara, 1994. S. 5-9.

11. Hubiyani Magomet. Karaçay-Malkar Sovyet Halk Cırları. Çerkessk, 1968.

12. İnan Abdülkadir. Tarihte ve Bugün Şamanizm. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1986.

13. Hacıyeva T.M. Karaçay-Malkar Folklor. Nalçik: Elbrus, 1996.

14. Karaketov M. D. Mif i Funktsionirovanie Religiozno-go Kul'ta v Zagavorno-Zaklinatel'nom Rituale Karaçayevtsev i Balkartsev. M. Stary Sad. 1999. 288 s.

15. Şamanları İbrahim. Koban Başında. Tarih Haparla. Çerkessk, 1987.

16. Tavkul Ufuk. Kafkasya Dağlılarında Hayat ve Kültür. Karaçay-Malkar Türklerinde Sosyo-Ekonomik Yapı ve Değişme Üzerine Bir İnceleme. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 1993.

17. Dzidzoev Valeriy. «Kuzey Kafkasya Halkları Arasındaki Tarihi İlişkilere Bir Bakış.» *Kafkasya Gerçeği* (Samsun), 1992.

18. Grakov B. N. İskitler (Çev. D. Ahsen Batur). İstanbul: Selenge Yayınları, 2008.

19. Sagitov M. Muhtar. «Başkurt Folklorunda Hayvanlara Tapınma.» *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1982-1983*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1986.

20. Czaplicka M.A. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day. Oxford, 1918.

21. Yildirim Hüsametdin. «Kırgız Türklerinde Umay Ana İnanışı.» *Türk Kültürü* (Ankara), XXX (356), 1992.

22. Laypanov K.T. ve I.M. Miziyev. O Proishojdenii Türkskih Narodov. Çerkessk: İzdatelstvo PAO, 1993.

23. Kağıyılanı Nazifa. «Sandırakını Üsünden.» *Leninni Bayragı* (Çerkessk), 1973.

24. Denisov P.V. Religiozniye Verovoniya Çuvaş. Çeboksarı, 1959. 408 s.

25. Ögel Bahaeddin Türk Mitolojisi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1989.

26. Mirşan Kazım. Proto-Türkçe Yazıtlar. Ankara: MMB Yayınları, 1970.

27. Torma J. ve F.G. Hisametdinova. «Doğu Başkurtlarında (SSCB) Cinlerle İlgili İnanmalar.» *Türk Halk Kültürü Araştırmaları*, 1991.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

С. А. Боргояков

УДК 37.017 + 316.3/4

В статье показано, что важным условием гармонизации межэтнических отношений и становления гражданского общества в Российской Федерации является сопряженное формирование общероссийской и этнической идентичности личности. Анализ состояния этнической идентичности хакасов свидетельствует о происходящем процессе размывания ее традиционных показателей. Деятельность социальных институтов по воспроизводству культурных параметров и идентичности хакасского этноса характеризуется как суженный тип этнокультурного воспроизводства.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, этнокультурное воспроизводство.

ETHNIC IDENTITY UNDER CONDITIONS OF FORMATION OF THE CIVIL SOCIETY

S. A. Borgoyakov

In the article it is shown that an important condition of harmonization interethnic relations and formation of the civil society in the Russian Federation is conjugate establishment of all-Russian and ethnic identity of a personality. An analysis of a state of the Khakass' ethnic identity testifies to the current process of blurring its traditional descriptors. Activity of social institutes of reproduction of cultural specifications and identity of the Khakass ethnos is characterized as a narrowed type of ethno-cultural reproduction.

Key words: ethnic identity, civil identity, ethno-cultural reproduction.

Отмечаемый в последние десятилетия так называемый этнический парадокс – рост значимости этнической принадлежности привел к резкой «реактивизации субъектности этносов». Показателен в этом смысле такой пример, как получение при переписи населения Республики Хакасия 2002 года 12 вариантов ответов на вопрос о национальной принадлежности хакасов, были зафиксированы такие этнонимы, как «качинцы», «койбалы», «кызыльцы», «сагайцы», «тадар» и др.

Смена этнонима при переписи населения стала возможной из-за отсутствия объективных оснований для фиксации идентичности помимо «этнического самосознания». «Нетрадиционная» самоидентификация представителей хакасского народа не является удивительной и свидетельствует о сохранении ими субэтнического самосознания (хакасский этнос в начале XX века был образован из пяти этнографических групп:

качинцев, кызыльцев, сагайцев, койбалов и шорцев).

Перемены этнической самоидентификации наблюдаются в первую очередь среди представителей субкультурных этногрупп. Так, в результате отнесения в 90-е годы прошлого века районов Южной Сибири к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, в качестве коренных малочисленных народов Севера из состава алтайцев выделились кумандинцы, теленгиты, тубалары и челканцы, тувинцев – тувинцы-тоджинцы, а из состава хакасов – шорцы.

Процессы «восстановления национальности» и возврат отдельных субэтносов к традиционным этнонимам приводят к определенным коллизиям, обусловленным этнической дифференциацией некогда единых народов. Так, по мнению алтайцев, сокращение численности титульного этноса может привести к потере Республикой Алтай статуса субъекта федерации,

что, безусловно, является ценностью для них, источником этнического престижа и самоуважения. Большинство населения республики, в том числе и русские, не хотят этого, так как полагают, что в таком случае власть будет еще более отчуждена от простого населения [1].

Подъем национального самосознания, отстаивание своей идентичности, стремление подчеркнуть самобытность и уникальность своей культуры, когда эти законные интересы одних этносов сталкиваются с интересами других народов, нередко приводят к усилению межэтнической напряженности. Межэтническая напряженность представляет собой социально-психологическую характеристику массового негативного этнического самочувствия, источник которого представители того или иного этноса усматривают в действиях представителей других этносов [2, с. 49].

Данные социологических опросов свидетельствуют, что межэтнические проблемы в стране обусловлены в первую очередь ущемлением этнических чувств, комплексом социальных обид и неудовлетворенности, а также значительным и быстрым притоком инокультурного населения [3]. Поэтому важную роль в межэтнических отношениях играет этническое самосознание – его полнота, характер, в частности степень этничности.

В разных регионах страны межэтническая напряженность имеет свою специфику, поскольку вызывается действием своеобразного комплекса факторов. В связи с этим этносоциальные и этнокультурные процессы в регионах страны как основные сферы развития межэтнических взаимодействий между различными этническими группами заслуживают самого пристального внимания, так как региональные процессы оказывают влияние на интегративные процессы всего российского общества.

В национальных субъектах РФ интерес вызывают процессы социокультурного развития титульного населения, самочувствие которого во многом определяет «градус» межэтнической напряженности в регионе.

Исследований, посвященных систематическому анализу и оценке эффективности реализующихся на территории Республики Хакасия социальных практик, направленных на формирование этнокультурной идентичности хакасов, нами не обнаружено. Данная статья посвящена анализу особенностей состояния этнической идентич-

ности хакасов и ее воспроизводства как важного условия создания в регионе благоприятного психологического климата, позитивной культуры межэтнических отношений, а также повышения эффективности национальной политики в республике.

Национальная политика полиэтнического государства призвана учитывать единство национальных и общечеловеческих, региональных и федеральных интересов, а также принимать во внимание геополитическое своеобразие того или иного региона с его этнокультурной и социально-экономической спецификой.

Республика Хакасия – полиэтнический субъект РФ, испытавший процессы суверенизации на рубеже 1990-х годов. Процесс повышения статуса Хакасии путем выделения Хакасской автономной области из состава Красноярского края и преобразования ее в самостоятельный субъект РФ произошел относительно безболезненно.

В настоящее время в Хакасии проживают 580 тысяч человек 108 национальностей. Наиболее многочисленные этнические общности – русские – 81,7 % и хакасы – 12,1 %, являющиеся основой многонационального народа республики.

Динамику межэтнических отношений в Хакасии исследователи оценивают как «стабильные» («хорошие» – 43 % респондентов, «нормальные» – 39 %; процент негативной оценки ситуации в сфере межнациональных отношений составляет около 11 %) [4; 5; 6]. В то же время опросы показывают наличие скрытой напряженности в межнациональных отношениях (имеется скрытая напряженность – 39 %, сильная напряженность – 11,2 %), которая обусловлена в первую очередь бытовым национализмом (29,1 %) и миграцией из других регионов страны и из-за рубежа (26,6 %); 11,7 % опрошенных испытывают неприязнь к представителям других национальностей [5]. «Раздражающим» фактором для коренного населения является снижение процента представительства хакасов в органах государственной власти. Особенность республики заключается в том, что в 1990-е годы в Хакасии не произошло этнополитической мобилизации – внедрения «своих», подобно другим регионам (Татарстан, Саха (Якутия) и др.) [4].

В целом для Хакасии характерны латентный характер межэтнической напряженности и предпосылки усиления и развития межнаци-

ональных конфликтов [6, с. 60]. Вообще выделяют четыре фазы межэтнической напряженности – латентную, фрустрационную, конфликтную и кризисную [7, с. 350]. Можно надеяться, что, несмотря на рост социальной напряженности в обществе, которая может трансформироваться в напряженность межэтническую, в регионе не произойдет ее переход в более острую форму.

Одним из основных компонентов этноса, важнейшим фактором этнической идентичности, как «первое проявление» народного духа, является родной язык. В настоящее время среди группы коренных народов Российской Федерации, в том числе и среди хакасов, он утрачивает значение признака, определяющего национальные стандарты, что связано со снижением уровня владения родным языком. Уменьшение функциональности хакасского языка связано с процессами урбанизации и глобализации и численным доминированием русскоязычного населения в регионе. Уровень владения хакасами русским языком относительно высок, выше, чем родным хакасским, и постоянно растет число хакасов, признающих родным русский язык. Так, по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 года 90,2 % хакасов считали родным язык своего народа, в 1970 году – 88,8 %, в 1979 году – 86,6 %, а в 1989 году – 76,1 %. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года этот показатель снизился до 53,4 %, и при этом только 38,9 % хакасов ответили, что владеют родным языком.

Следовательно, у хакасов материнский язык постепенно утрачивает функцию показателя этнической идентичности и все больше играет роль символической ценности. Смена родного языка, вызванная, главным образом, незнанием или недостаточной степенью владения хакасским языком, не приводит, однако, к утрате этнического самосознания.

Ценностные ориентации человека неотделимы от языка, фольклора, национальной культуры, поэтому важно отметить, что незнание родного языка и нежелание молодежи овладеть им в связи с отсутствием практического применения языка являются наиболее острыми проблемами современного хакасского общества.

В ранжированном ряду этнодифференцирующих признаков у хакасов лидируют культура, традиции, обычаи (47,5 %) и внешний облик (46,5 %), а родной язык (43,9 %) находится на

третьем месте. Далее следуют черты характера, психология (15,2 %) и образ жизни (13 %) [4]. Тогда как, например, у якутов, у которых, по данным переписи населения 2010 года, удельный вес лиц, владеющих родным языком, составляет 94,1 %, распределение первых трех этномаркеров следующее: «язык», «культура» и «родная земля, природа» [8, с. 99].

Анализ взаимосвязи значимости различных видов самоидентификации индивидов (этнической, республиканской, российской) со степенью владения языком своей национальности показывает, что чем выше степень владения языком своей группы, тем ярче проявляется этническая самоидентификация. Так, среди учащейся молодежи народа саха якутским языком владеют 89 % и считают его родным 85 %; при этом 90 % опрошенных отметили значимость осознания представителем своего этноса [9, с. 65–67].

У хакасов этническая идентичность в общей структуре идентичности находится на третьем месте – только 27,8 % опрошенных ощущают себя представителем своего народа, 54,2 % – жителем своей страны, 57,8 % – жителем Республики Хакасия [6, с. 6].

Знание языка своей национальности является фактором, обуславливающим формирование степени этничности, полярными проявлениями которой являются этноцентризм и этноиндифферентность. Среди хакасов «этноцентристы» (считающие, что очень важно жить среди людей своей национальности и очень важно разговаривать на своем языке) составляют 50 %, а «этноиндифферентные» (считающие, что для них не очень важно или совсем неважно как жить среди людей своей национальности, так и разговаривать на языке своей национальности) – 28 %, среди саха эти показатели составляют 20 % и 58 %, алтайцев – 39 % и 35 % и тувинцев – 41 % и 38 % соответственно [10, с. 43].

Более высокая доля «этноцентристов» среди хакасов по сравнению с другими тюркскими народами Сибири, вероятно, обусловлена ощущаемым ими дискомфортом из-за ограниченного функционирования хакасского языка как государственного и его использования преимущественно в бытовой сфере, а также происходящим процессом утраты материнского языка, что связано с низким удельным весом коренного этноса в структуре населения и недостаточной эффективностью языковой политики в республике.

Утрата языка (частичная или полная) сужает или полностью перекрывает возможность развития и трансляции этнической идентичности, «отрезая» человека от этнической культуры или ограничивая возможность ее восприятия. Существенным моментом здесь является именно субъективное переживание индивидом своей оторванности (информационной, культурной и даже духовной) от этнических ценностей и «корней». Неполная утрата родного языка иногда вызывает особенный дискомфорт, поскольку этнофор оказывается (или субъективно ощущает себя) в положении маргинала – уже вне «своей» культуры, но еще не интегрирован в «чужую» [11].

Степень владения родным этническим языком влияет также на выбор аккультурационной стратегии, который делает индивид. Владение языком своей этнической группы, как показал опрос молодежи Республики Саха (Якутия), усиливает стремление к интеграции, в то же время невладение или частичное владение усиливает тяготение к ассимиляционным стратегиям [9, с. 69].

Ассимиляция представляет собой такой вид взаимодействия национальных общностей, когда активность сторон является настолько асимметричной, что одна из них превращается в объект для другой. При этом «ассимиляция представляет собой процесс не только принятия членами той или иной национальной общности иной культуры, но и изменение национальной идентичности, самосознания людей» [12].

Интеграция является другим уровнем взаимосвязи национальных общностей и характеризует их слияние в единую общность, образование из двух (или большего числа) общностей новой общности.

Идеальным уровнем взаимодействия, всеобщим законом развития национальных общностей, является *интернационализация*, которая характеризует взаимопроникновение относительно обособленных национальных общностей. Продуктом интернационализации применительно к отдельной общности выступает ее развитие, а мерой – сохранение национальной общности как целостности, в основе которой лежит оптимальное соотношение национально-особенного и интернационального [13, с. 43–48].

Ассимиляционная национальная политика, активно реализовывавшаяся в 60-е–80-е годы

XX века в СССР при формировании новой общности – «советский народ», не способствовала развитию и укреплению ядра этнической культуры хакасов и их консолидации в этнонацию. Достаточно распространенное использование хакасами в бытовой сфере субэтнических этнонимов, невысокий уровень этнической самоидентификации и значительная языковая ассимиляция свидетельствуют о размывании традиционных показателей этнического самосознания хакасского этноса и его нецелостности. В этих условиях рассчитывать только на «стихийное формирование и воспроизводство» этнической идентичности довольно рискованно. С достаточной долей уверенности можно предположить, что в больших масштабах времени (30–50 лет) кризисные процессы размывания этничности будут нарастать и углубляться и процесс ассимиляции этноса может стать необратимым. В этой связи здесь уместно вспомнить высказывание У. Черчилля: «Это не конец и даже не начало конца, но, возможно, это конец начала».

Включение в число базовых целей национальной политики республики проблем поддержки и воспроизводства этнической идентичности хакасов (и не только хакасов) станет возможным, если этнические особенности людей будут рассматриваться в залоге «ресурсности» и «потенциальных возможностей» в рамках социально-экономического и социокультурного развития Хакасии. Реализация данной цели будет способствовать повышению социокультурного статуса коренного населения и росту его субъектной позиции в процессе интернационализации российского общества в контексте решения стратегической цели по становлению и развитию единой российской нации.

По мнению некоторых экспертов, этническая идентичность является препятствием к формированию гражданской интеграции на фундаменте политической нации, потому что с обострением этноцентризма нарастают ксенофобные установки. Поэтому актуализация этничности и связанные с ней процессы оказывают существенное влияние на формирование в общественном сознании стереотипов, в которых этничность предстает как фактор, разделяющий людей и создающий угрозы культурной и политической дезинтеграции страны.

С одной стороны, действительно, актуализированная этническая идентичность может быть опасна, так как в своей крайней форме она пред-

ставляет собой этническую *гиперидентичность*, которая сопровождается враждебными стереотипами, предубеждениями к представителям других этнических групп и нетерпимостью в межэтническом взаимодействии, и служит формированию этнического национализма.

С другой стороны, актуализированная этническая идентичность может служить ресурсом интеграции и быть мобилизующей силой, которая может быть использована для национально-гражданской консолидации, формирования идентичности, объединяющей всех граждан страны. В этом случае необходимым становится наличие *позитивной этнической идентичности*, которая может быть сформирована лишь на основе принятия собственной этнической принадлежности и формирования позитивно-ценностного отношения к этническим особенностям окружающих. «Препятствием для формирования гражданской политической нации является не актуализированная этническая идентичность как таковая, а ее интолерантное наполнение, ригидность, отсутствие механизмов реагирования на изменяющиеся социальные, культурные, политические условия, подверженность идеологическому манипулированию» [14].

В исследованиях по межэтнической коммуникации Н. М. Лебедевой выявлена «прочная устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, связь, подтверждаемая тесными корреляциями и являющаяся социально-психологическим законом. В неблагоприятных социально-политических условиях данная связь может разрушаться или становиться обратной, активизируя механизмы психологической защиты, что выражается в росте негативных гетеростереотипов, этнической интолерантности, этноцентризма» [15]. То есть этническая толерантность начинается с позитивной этнической самоидентификации и чем более человек этнически идентичен, тем более он толерантен по отношению к чужой этнической идентичности.

Негативная этническая идентификация, которая может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности, неблагоприятна для межгрупповых отношений, так как группа, находящаяся не в ладах сама с собой, не сможет нормально сосуществовать с другими группами. Низкий социальный статус людей по сравнению с другими может создавать напряженность в межэтнических взаимодействиях.

По мнению Э. Эриксона, «вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее важнейших составных частей – этнической идентичности – грозит, с одной стороны, потерей целостности «Я-образа», а с другой – потерей связей с какой бы то ни было культурой. Утрата этнической идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом, что долгое время проявлялось, например, в негритянском ощущении «я никто», невидимости, безымянности, безликости» [16].

Не вызывает сомнений, что условием становления гражданского общества и позитивной культуры межэтнических отношений является сбалансированность гражданской и этнической идентичности, и попытки сформировать гражданскую идентичность, игнорируя или отрицая этническую, в случае своей реализации были бы повторением ошибок прошлого. Это было бы аналогом «плавильного котла» в США или формирования общности «советский народ», где «этническое» подменяется «политическим».

Эту позицию подтверждают исследования этнических и региональных аспектов специфики самоидентификации молодежи Республики Саха (Якутия) и Республики Хакасия, которые выявили, что чем более развито этническое самосознание личности, тем важнее для нее осознание себя гражданином России, общероссийская идентичность [17].

Совмещенные множественные идентичности (а не конкурирующие и выстраиваемые иерархически) – государственно-гражданская, этническая, региональная, конфессиональная – признак гармоничного развития общества. Так, Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении в Сочи в 2014 году отметил, что считать себя гражданином России означает: «сначала россиянин, а потом уже представитель какого-то этноса, без всякого принижения значения вот этой самобытности каждого народа, каждой национальности» [18].

В аутоэтнической среде или традиционном обществе этническая идентичность формируется стихийно в процессе социализации. В многокультурном обществе этническая и гражданская идентичности существуют как две зачастую конкурирующие формы групповой идентичности. При этом этнонациональная и гражданско-национальная идентичности не находятся в антагонистическом противоре-

чи. Их противопоставление (или, наоборот, гармонизация) – вопрос конкретной политической практики, которая может быть реализована, в частности, в практике образовательной, педагогической [19].

Проблемность ситуации состоит в сопряженном формировании этнокультурной и гражданской идентичности, разработке соответствующих программ и научно-методических рекомендаций применительно к разным субъектам этнокультурной политики и организациям системы непрерывного образования и «культурном наполнении» этих идентичностей, определяемом национальной политикой государства, региональными элитами и проводимыми ими стратегиями.

Воспроизводство культурных параметров и идентичности этноса определяется деятельностью институтов социализации – семьи, устойчивых локальных (поселенческих) общностей, а также деятельностью надлокальных структур духовного производства (школы, национальной интеллигенции, искусства, театра и пр.). Локальные элементы воспроизводят глубинные слои этнической ментальности, а надлокальные – позволяют наполнить их современным содержанием, обеспечивают трансляцию новой этнокультурной информации на весь массив этноса. При этом этнокультурное воспроизводство может осуществляться через разные типы: простое, суженное и расширенное воспроизводство [20].

Воспроизводство этноса как социокультурной системы требует синхронного функционирования и тесной устойчивой взаимосвязи как локальных институтов производства и трансляции этнокультурной информации (микроструктуры этноса), воспроизводящих глубинные слои этнической ментальности, так и надлокальных институтов, адаптирующих этническую ментальность к современным условиям (мезоструктуры) и тем самым способствующих интеграции локальных субэтнических групп в целостную систему (макроструктуру). Деятельность надлокальных институтов в полиэтническом государстве должна быть одновременно направлена на формирование как этнической, так и гражданской идентичности.

Анализ деятельности республиканских социальных практик, а также содержания целевых программ, ориентированных на работу с подрастающим поколением, позволяет оценить их роль

в решении вопросов этнокультурного развития хакасского этноса.

В современных условиях практически у большинства коренных народов Севера и Сибири семья утрачивает свою «этносозидательную» функцию. Исследования языковой и этнической политики в сфере образования выявили тенденцию, связанную с нежеланием родителей отдавать детей в школы с этнокультурной направленностью либо изучением дисциплин, связанных с этнической культурой [21, с. 11]. Как правило, большинство представителей коренного населения выказывают позитивное отношение к своим этническим языкам, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. Однако если знание родного языка рассматривается как желательное, то знание русского языка считается обязательным, и именно его знание родители стараются дать детям в первую очередь, чтобы облегчить им учебу в школе.

В республиканской целевой программе «О развитии языков народов Республики Хакасия» на 2011–2013 годы основной задачей является поддержание языков различных этнических групп населения. Русский и хакасский язык обсуждаются как государственные языки [22]. Формирование этничности за счет освоения родного языка – скорее «дополнительный» эффект, нежели целевая установка. Особых действий в отношении развития хакасского языка в программе не представлено. Увеличение доли учащихся общеобразовательных учреждений, изучающих родные языки, на 3 % как показатель результативности программы свидетельствует о формальном подходе к разработке данного документа.

Например, в методологическом обосновании Концепции развития бурятского языка бурятский язык признается стратегическим ресурсом устойчивого этнокультурного развития бурятского этноса и важным фактором обеспечения этнической самоидентификации и национального самосознания бурят [23].

Анализ целевой программы «Популяризация культурного наследия и развития туризма в Республике Хакасия» на 2009–2013 годы показывает, что содержание документа не дает ответа о реальных приоритетах в деятельности учреждений культуры в части решения вопросов этнокультурного развития хакасского этноса [24]. Так как культурное наследие позиционируется как общеевразийское, оно уже не имеет отноше-

ния к вопросам формирования этнокультурной идентичности конкретного этноса. При этом вопрос, кто является потомками этих культурных памятников и насколько потомки смогли обогатить достижения предков, не ставится. Неслучайно в тексте программы культурное наследие обсуждается как «наследие, располагающееся на территории Республики Хакасия». По мнению В. С. Ефимова и Е. И. Михайловой, позиционирование исторической культуры Хакасии как общевразийской, влияющей на общественное самосознание и культуру в целом, говорит о том, что культурное наследие Хакасии выступает материалом формирования в первую очередь евразийской идентичности, а затем – материалом для формирования этнической идентичности в формате суженного типа воспроизводства [8, с. 97].

Обращение к собственной культуре и языку, традициям и ценностям является способом самоопределения и средством сохранения целостности этнических общностей в контексте глобализационных тенденций. Одной из значимых особенностей современного развития является рост интереса людей к наследию прошлого. И когда подспудно предполагается, что хакасский этнос не является наследником «культурных памятников, располагающихся на территории Республики Хакасия», то подтверждается «формула: борьба за прошлое становится составной частью борьбы за настоящее и будущее (А. Б. Гофман)» [13, с. 225].

Из существующих социальных практик, формирующих этнокультурную идентичность личности, важнейшую роль выполняет школа.

Согласно закону РФ «Об образовании» 1992 года, для реализации двух разновекторных целей: защиты и развития национальных культур и одновременно обеспечения единства федерального образовательного и культурного пространства – в качестве основного нормативного документа был введен образовательный стандарт. Он формировался из двух составляющих: федерального и национально-регионального компонентов, а с 2000 года из трех: федерального и национально-регионального и компонента образовательного учреждения. Формирование этнокультурной составляющей содержания образования было отдано на усмотрение субъектам федерации. Вследствие отсутствия на федеральном уровне общих установочных принципов (норм) решения национальных проблем

образования разработка и реализация национально-регионального компонента в регионах происходила неоднозначно. В большинстве случаев при его разработке акцент делался на этнофилологической составляющей.

В Хакасии за постсоветское десятилетие произошло заметное увеличение количества детей хакасской национальности, изучающих родной язык в школах, и к 2000 году оно достигло 70 %. В последующие годы этот показатель варьировался в пределах 68–74 %, что свидетельствует о достижении определенного равновесия между «спросом и предложением» в организации обучения родному языку в школах республики.

Однако для развития личности, гармонично идентифицирующей себя с культурой определенной этнической группы и с культурой государства, необходима организация целостной системы этно/межкультурного образования. При этом содержательной основой этнокультурного образования является *этнокультура*, включающая помимо этнофилологической этнохудожественную, поведенческую и мировоззренческую области. В результате недостаточного учета общих теоретических представлений конструирования содержания образования этнокультурное образование в регионах, в том числе и в Республике Хакасия, характеризуется отсутствием системности в его организации.

В целом необходимо отметить, что в разработанных в Республике Хакасия в последние годы планах по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года главный акцент сделан на межэтнических отношениях и развитии культуры народов, проживающих в республике. При этом не актуализирована задача этнокультурного развития в целом, сохранения этнической идентичности, этнического самознания разных этнических групп.

Таким образом, в настоящее время деятельность локальных и надлокальных институтов в республике, ориентированных на трансляцию этнокультурной информации на весь массив этноса, сохраняется в том числе благодаря поддержке со стороны государства. Однако традиционные институты утрачивают свои социализирующие функции и вытесняются из сферы социализации институтами современного общества (СМИ, сфера массовой культуры и пр.), которые не несут этнокультурной информации. В результате тип воспроизводства идентичности

хакасов, несмотря на наличие основных его элементов, не обеспечивает сохранение и тем более развитие культурных параметров и идентичности этноса и характеризуется как суженный тип этнокультурного воспроизводства.

В этих условиях эффективность национальной политики, ориентированной на соблюдение оптимального баланса этнических (национальных) и общероссийских ценностей и интересов, будет зависеть не только от исполнительных органов власти, но в большей степени от деятельности научно-педагогических, общественных организаций и конкретных представителей народа, которые будут следовать реализации цели российского государства: «единство в разнообразии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // *Философия образования*. 2015. № 1. С. 165–177.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. 1998. 386 с.
3. Дробижина Л. М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // *Вестник Российской нации*. 2012. № 4-5.
4. Карамчакова И. Р. Этносоциальные процессы в Хакасии в постперестроечный период: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2010. 17 с.
5. Кочина Е. А. Надэтническая идентичность в условиях современных социокультурных трансформаций (на примере Республики Хакасия) // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 1 (50). С. 227–231.
6. Тугужекова В. Н., Трошкина И. Н., Данькина Н. А. и др. Состояние и тенденции развития межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Хакасия (по материалам социологического исследования 2014 г.) / Отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан, 2014. 134 с.
7. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение). Учебное пособие. СПб., 2000.
8. Будущее Республики Саха (Якутия). Кн.1. Социально-культурное воспроизводство народа Саха. Политика сохранения и развития коренных народов: научная монография / Научн. ред.: В. С. Ефимов, Е. И. Михайлова. Якутск, 2014. 368 с.
9. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Язык как социокультурный феномен // *Вестник НГУ. Серия: Философия*. 2012. Т. 10. Вып. 4. С. 64–71.
10. Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Степени этничности как основа национальной политики // *Социс*. 2012. № 10. С. 42–54.
11. Хабенская Е. О. «Родной язык» как этнический символ // *Казанский федералист*. 2004. №19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/7> (дата обращения: 28.01.2012 г.).
12. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. *Этносоциология*. М., 1998. 272 с.
13. Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Под ред. Ю. В. Попкова, В. Г. Костоюка. Новосибирск, 2013. 198 с.
14. Рыжова С. В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2008. 18 с.
15. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие для студентов психологических и этнологических специальностей. М., 1998.
16. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
17. Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Самоидентификация и межэтнические установки социокультурных типов молодежи: этническое и региональное // *Вестник НГУ. Серия: Философия*. 2013. Т. 11, вып. 4. С. 85–92.
18. Путин В. В. Встреча с Общественным советом по подготовке Олимпиады-2014. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20203> (дата обращения: 25.07.2015 г.).
19. Набок И. Л. Педагогика межнационального общения: проблемы формирования этнокультурной идентичности // *Вестник Герценовского университета*. 2010. № 3. С. 42–51.
20. Денисова Г. С., Радовель М. Р. *Этносоциология: учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов*. Ростов-на-Дону, 2000. 280 с.
21. *Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы* / Ред. В. В. Степанов. М., 2010. Вып. 1.
22. Республиканская целевая программа «О развитии языков народов Республики Хакасия» на 2011-2013 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.r-19.ru/mainpage> (дата обращения: 05.09.2013 г.).
23. Государственная программа «Сохранение и развитие бурятского языка» на 2011–2014 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://edu03.ru/uchprog> (дата обращения: 05.04.2013 г.).
24. Республиканская целевая программа Популяризация культурного наследия и развития туризма в Республике Хакасия» на 2009-2013 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/culture/documents/programs/11820.html> (дата обращения: 08.09.2010 г.).

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

О ПОПЫТКАХ СТРОИТЕЛЬСТВА ОСТРОГА НА Р. АБАКАН В XVII ВЕКЕ

В. К. Чертыков

УДК 94 (47)

В статье на примере попыток строительства острога на р. Абакан показан процесс присоединения Хакасии к России в XVII – начале XVIII века.

Ключевые слова: р. Абакан, острог, енисейские кыргызы, походы сибирских служилых людей, сражения, Кыргызская земля.

ABOUT ATTEMPTS TO BUILD A STOCKADED TOWN NEAR THE RIVER
ABAKAN IN THE XVIIITH CENTURY

V. K. Chertykov

In the article, through the example of attempts to build a stockaded town near the river Abakan, a joining process of Khakassia to Russia in the XVIIth – the beginning of the XVIIIth century is shown.

Key words: the river Abakan, the Yenisei Kirghiz, a journey on foot of Siberian military men, a battle, Kirghiz land.

В XVII веке за господство над Кыргызской землей (Хакасией) боролись Россия, государство Алтын-ханов и Джунгарское ханство. В первой четверти XVII века енисейские кыргызы стали троеданцами. Степные монгольские государства довольствовались сбором албана (дани) и выражением внешней покорности. В отличие от них царская Россия стремилась присоединить Кыргызскую землю к своим владениям. По окончании Смутного времени сибирские воеводы предпринимали несколько походов вглубь Кыргызской земли. Однако сил для присоединения этой территории было недостаточно. Встретив вооруженное сопротивление, сибирские воеводы начали окружать окраинные владения кыргызских князей цепью острогов.

В 1618 году был построен Кузнецкий острог, в 1622 году – Мелецкий, в 1628 году – Красноярский, в 1636 году – Канский. В результате кыргызские князья лишились части своих данников-кыштымов. Резко сократилось поступление дани, в т. ч. и железа из Кузнецкой и Канской земель. В Кыргызской земле начинает ощущаться экономический кризис. Монгольские правители, чтобы не лишиться поступления дани, вы-

нуждены были оказывать кыргызам дипломатическую, а иногда и вооруженную поддержку в их борьбе против России. Начинается изнурительная борьба за право сбора дани с ясачных людей, принявших подданство России.

С конца 30-х годов XVII века царское правительство начало проводить целенаправленную политику по присоединению Хакасско-Минусинского края. Для выполнения этой задачи требовалось разгромить кыргызов и в центре их владений поставить острог. Наиболее благоприятным местом для строительства острога считалось устье Абакана.

В 1638–1639 годах вопрос о войне с кыргызами обсуждался в Москве. В Сибирском приказе были опрошены находившиеся в Москве томские и красноярские служилые люди. Был подготовлен доклад царю Михаилу Федоровичу, в котором предлагалось поставить острог на р. Абакан («Абакан, а по-киргизски – Амахан»). В случае успеха предполагалось, что «в ясачном зборе будет многая прибыль, против Ленского и больши» [1, с. 187; 2, с. 204].

Поход возглавил Тарского острога «меньшой» воевода Яков Остафьевич Тухачевский.

В 1634 году он ездил с посольством к алтын-хану Омбо Эрдени через владения кыргызских князей и был хорошо знаком с местностью. Летом 1641 года он выступил из Томска с отрядом из 870 человек. Перед ним ставилась задача: пововав кыргызов, поставить на их земле острог. В случае неудачи Тухачевского ждало наказание: «быти в великой опале и в казни». При его приближении кыргызы ушли со своих кочевий и готовились к отражению нападения. Князья Ишей Номчин и Иченей-Мерген расположились на Уйбате; Кочебай, Бехтень и Талай со своими людьми стояли на Аскизе, а тубинцы и моторы – за Абаканом, напротив устья Уйбата. 11 июля служилые люди пришли на устье Белого Июса, в Ишеев и Иченеев улусы. Они побили человек с 70, многих ранили, взяли в плен 130 женщин и детей, захватили 150 верблюдов, около 300 лошадей, имущества и денег было взято «больше 8 тысяч акше»¹.

Из отряда Тухачевского в сражении погибли два сына боярских, 11 казаков и 15 человек были ранены. На Уйбате в сражение с Тухачевским вступил Ишей, с ним было около 700 воинов. Тухачевский понял, что разбить кыргызов и поставить острог на Абакане он не сможет. Привязав пленных к верблюдам и «отаборившись ими», служилые люди стали отступать к Кызыламу, «в их же Киргизской земле». Кыргызы преследовали их два дня, «бьются с жестокими напусками». За два дня боев потери кыргызов составили 15 человек, были ранены «лутчие князцы Бехтень с товарищи» и сын Ишея. Убедившись, что освободить пленных не удастся, Ишей вступил в переговоры. Он просил не крестить и не продавать их жен и детей, пока они «не добьют челом государю», и повернул со всеми людьми в улусы на саянские границы.

Казаки, узнав о том, что им могут запретить продавать захваченный ясырь и имущество, взбунтовались. Тухачевский писал: «...и людишек моих переграбили, что было у них взято на бое ясыри и верблюд, и на верблюде платя и мягкой рухляди отняли ж, побрали с собою и меня, холопа твоево, лаяли и волочясь де ты за нами будешь!» [3, с. 103–105]. Служилые люди, «облаив» воеводу, самовольно ушли в Томск и Кузнецк, чтобы продать пленных, верблюдов и

все захваченное имущество. В Кызыльской волости острог поставить не удалось [4, с. 58–60]. Тухачевский с оставшимися 12 казаками спустился вниз по Чулыму к Мелецкому острогу и, взяв там 28 человек, пришел в Ачинскую волость. Осенью 1641 года на р. Июс, при впадении в него р. Сереж, был построен Ачинский острог².

В 1675 году снова была предпринята попытка строительства острога на Абакане. Место для острога было выбрано на острове Карагас (Сосновый), несколько ниже устья Абакана. В начале сентября 1675 года на этот остров пришли красноярские служилые люди, начали валить лес и строить крепость. Кыргызы проглядели приход красноярских казаков и поздно их обнаружили. Начался переполох. По всем улусам были отправлены гонцы с сообщением о приходе русского войска. Пока кыргызы собрались, острог почти был готов. Были построены стены, бойницы, выкопаны подземные ходы и ров. Князь Иренак Ишеев дважды штурмовал крепость, пытался поджечь его, но безуспешно. После второй атаки казаки попытались уйти из острога, но люди Иренака окружили крепость. Тогда, выйдя из тайного хода, казаки подожгли степь перед острогом. Огонь отогнал кыргызов от острога, и красноярцы на лодках уплыли вниз по Енисею. В бою погибли семь кыргызов, а из красноярцев трое попали в плен, из них двое были убиты [2, с. 211].

В 1680 году было предпринято два крупных похода силами Томска, Кузнецка, Красноярска и Енисейска с той же целью: разгромить кыргызов и поставить острог, на этот раз на правобережье Енисея, на устье Тубы. Оба похода были отражены Иренаком Ишеевым.

Несмотря на неудачи, московское правительство не теряет надежды разгромить кыргызов и поставить острог. С этой целью в 1682 году был организован новый поход, на этот раз силами шести сибирских городов: Тобольска, Тары, Томска, Кузнецка, Красноярска и Енисейска. Из

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Стб. (столбец) 84. Л. 298.

² РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 532. Позже, очевидно по инициативе томских властей, была составлена коллективная челобитная князцов четырех ачинских ясачных волостей (Ачинской, Кызыльской, Басагарской и Камларской), где содержалась просьба о переносе острога ниже по течению Июса. Просьба мотивировалась тем, что острог поставлен на «пустом месте» и не с кого собирать ясак. По этой челобитной в 1658 году Ачинский острог был перенесен томским сыном боярским Юрием Трапезунским в Басагарскую волость, ниже по Июсу, возле впадения в него р. Урюп, «подле Чюльма-реки».

Тобольска в Томск прибыл письменный голова Иван Федорович Суворов с отрядом из 420 тобольских и 210 тарских служилых людей. Перед ним ставилась задача: «Смирить киргиз за многое воровство, за их измену и на их земле, на Абакане, построить острог»³. По инструкции он должен был выступить зимой, а до похода временно быть в товарищах (заместителем) томского воеводы И. М. Кольцова-Мосальского.

В нарушение инструкции Суворов выступил в поход не зимой, а летом. В июне 1682 года с отрядом из 1800 человек он прибыл на устье речки Ербы, где к нему должны были присоединиться енисейцы и красноярцы, но те к условленному месту не подоспели. Иренак, используя численное превосходство, разбил отряд Суворова и 10 дней преследовал его до Черного Июса. Поход закончился большим позором для Суворова. В сражении киргизы захватили два знамени: одно – простое, другое – полковое, с изображением Михаила Архангела. (Эти «штандарты» впоследствии пришлось после длительных переговоров выкупать за большую цену.)

Поставить острог на Абакане снова не удалось. Царскому правительству пришлось даже согласиться на установление границы между российскими и киргизскими владениями. На севере граница прошла по течению Июса (Чулыма), а на западе – по р. Кия [2, с. 220].

Несмотря на формальный отказ от притязаний на Кыргызскую землю, политика правительства по ее присоединению оставалась неизменной. Во время переговоров в Москве с посланцами Иренака, проводились тайные сношения с сибирскими воеводами по поводу завоевания «Киргизской земли».

В начале 1683 года в Сибирском приказе были опрошены томские служилые люди «о походе на киргиз». Они в письменной «росписи» изложили, каким путем идти войной на киргизов и как проводить хлебные запасы⁴. В 1684 году эти «росписи» в секретном порядке пересылались в Енисейск, Красноярск и Кузнецк для проверки достоверности полученных сведений. Из Енисейска пришел ответ, что в «той де росписи о походе на киргиз написано дельно». Красноярский воевода Григорий Шишков грамоту с

«росписью» о походе получил 20 февраля 1684 года. Ему предписывалось тайно допросить служилых людей, которые бывали в Кыргызской земле, ознакомить их с «росписью» и спросить: «Пристойно ли такому промыслу быть или иной способ на такое дело они знают?». Красноярцы сведения томичей полностью подтвердили. Служилые люди в полном согласии с «росписью» указали на удобное для постройки острога место – остров Тагыр на Енисее, выше устья Абакана. Для похода наиболее подходящим временем все считали зиму [2, с. 211]. Однако из-за противодействия Иренака, которого активно поддерживал джунгарский правитель Галдан, поход все откладывался.

Благоприятная ситуация для строительства острога сложилась в конце 80-х годов XVII века. Сюзерен Иренака – джунгарский правитель Галдан, развязав войну в Халха-Монголии, начал терпеть неудачи. Летом 1687 года к нему на помощь отправился сам Иренак с отрядом из 600 воинов. В сентябре на Алтае, недалеко от Телецкого озера, монголы преградили путь джунгарам и киргизам. Сражение продолжалось четыре дня. Джунгары и киргизы потерпели поражение. Погибло несколько тысяч джунгар, потери киргизов составили 300 человек. Иренак с сыном Шапом и двумя пасынками погиб в сражении. Домой вернулись только 30 воинов, остальные попали в плен⁵. После гибели Иренака на войну отправились и другие князья со своими воинами.

16 мая 1688 года томскому воеводе, князю С. В. Вяземскому, была послана из Москвы грамота, в которой ему поручалось проверить достоверность полученных сведений о том, что киргизы разорены и ныне их в Кыргызской земле нет. При подтверждении этих сведений ему поручалось послать служилых людей для постройки острога. На помощь томским казакам должны были прийти красноярцы, о чем воеводе И. В. Башковскому было дано соответствующее указание. Строительство острога предполагалось закончить до возвращения киргизских воинов из Джунгарии.

Обстановка в Кыргызской земле была крайне нестабильной, и томский воевода Семен Вяземский не решился отправлять туда служилых людей. Но центральные власти в Москве не отказались от своих планов по поводу строи-

³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1442. Л. 708.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН. Ф. 246. Д. 93. Л. 3–7.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1071, ч. 1. Л. 22.

тельства острога. Из Красноярска в Москву для консультации были затребованы служилые люди, бывавшие в Кыргызской земле. Воевода Игнатий Башковский в октябре 1689 года отправил в Москву своего сына, стольника Алексея, и ссыльного черниговского полковника Василия Многогрешного. В Тобольске воевода боярин А. П. Головин Многогрешного задержал и в Москву его не пустил, потому что ссылка в Сибирь в XVII веке была бессрочной и местным властям строжайше запрещалось посылать ссыльных из Сибири в Москву с какими-нибудь административными поручениями [6, с. 86].

В Москву были отправлены допросные речи Многогрешного, в которых он сообщал, что лучше строить острог на устье Абакана или на Ойе-реке. Если построится крепость в тех местах, утверждал Многогрешный, из калмыцкой степи проезду в Кыргызскую землю не будет и калмыки на помощь кыргызам прийти не смогут, а у самих кыргызов не будет возможности нападать на русские города и остроги. Он сказал, что «как будет город, киргизы все усмирятца и великим государям прибыль будет многая, и с мунгальским Лоузаном тайшою ис того нового города ссылатца будет мочно безовсякого от киргиз опасенья, а для ставленья того нового города надобно шестьсот человек»⁶.

В Москве внимательно следили за событиями, происходящими в Центральной Азии. Галдан в Халха-Монголии потерпел поражение от маньчжуро-китайских войск и умер в 1697 году, приняв яд. В его отсутствие власть в Джунгарии захватил его племянник – Цэван-Рабдан. Он еще не успел укрепить свою власть. Учитывая это обстоятельство, в Москве решили, что наступил благоприятный момент для присоединения Хакасии. В марте 1697 года был издан указ о строительстве острога на р. Абакан. Поход должен был возглавить томский казачий голова Осип Качанов. Но поход не состоялся. Сибирские воеводы писали в Москву, что не послали людей из-за отсутствия в Тобольске хлебных запасов для снабжения строителей острога. По-видимому, воеводы не решились отправить служилых людей на Абакан из-за продолжавшегося в Красноярске бунта 1695–1698 годов. В 1695 году красноярские служилые люди изгнали воевод Алексея и Мирона Башковских, а затем Семена Дурново и установили в городе

самоуправление. В течение трех лет Красноярский уезд управлялся «выборными судьями» из 5–7 человек [7, с. 178–192].

После окончания красноярской «шатости» в Сибирском приказе снова обсуждался вопрос о присоединении «Киргизской земли». Учитывая предыдущие неудачи, было решено более тщательно подготовиться к походу. Сначала необходимо было собрать достоверные сведения о положении дел в Кыргызской земле. С этой целью несколько раз, в течение 1699 года и в январе 1700 года, в Москве опрашивали томских и красноярских казаков по поводу строительства острога на Абакане. Служилые люди рекомендовали строить острог на устье Упсы (Тубы), а не на Абакане и утверждали, что, не смилив кыргызов, острог поставить в тех местах невозможно. Наиболее подходящим временем для похода все считали зиму, «когда у них всякий скот телится» [8, с. 2–3].

В марте 1700 года были разосланы грамоты об организации похода силами трех городов: Томска, Красноярска и Кузнецка. Во исполнение указа, 20 апреля в Кыргызскую землю направился томский отряд во главе с Юрием Роецким. Отряд не сумел разгромить основные силы кыргызов, потому что они избегали открытого столкновения. Поход продолжался шесть недель, пока не началась распутица. Роецкий вернулся в Томск, не выполнив поставленной задачи [2, с. 222; 8, с. 52–54].

В январе 1701 года Петр I дал новый указ о походе на кыргызов. 18 января был организован поход из Томска силами двух отрядов. Воевода, ссылаясь на то, что выпало много снега и учинилась бездорожица, отправил в поход меньше людей, чем предписывалось по указу. Первый отряд во главе с Семеном Лавровым и Алексеем Кругликовым, численностью 515 человек, выслеживал и громил юрты по Белому озеру и р. Серж. Застигнутые врасплох кыргызы убежали на лошадях, покидая жен и детей. Разгромить основные силы Корчуна Иренакова и других князей не удалось, потому что они отступали, не давая большого сражения. Отряд разгромил несколько улусов и захватил небольшое количество пленных⁷. Второй отряд, в количестве 250 человек, под начальством Ивана Великосельского громил улус алтырского князя Таин Ирки и взял немного пленных, в том числе и

⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1071, ч. 2. Л. 152–159.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. № 2020. Л. 13–14, 23.

дочь Таин Ирки. Кыргызы и здесь не вступали в решительное сражение. Когда началась оттепель, отряды вернулись в Томск [9, с. 38–39]. Второй поход был организован летом 1701 года, из Красноярска. Отряд под начальством сына боярского Конона Самсонова, численностью в 725 человек, вверх по речке Ерге «наехал на два улуса», и после трехчасового сражения кыргызы были разгромлены, 70 жен и детей попали в плен, в том числе мать Корчуна, княгиня Чошка, с дочерью. Затем отряд двинулся в Алтырский улус, к Абакану. По пути на устье Ташебы были разгромлены три юрты, убиты семь человек и восемь женщин и детей захвачены в плен. Князя Корчун и Таин Ирка находились на правой стороне Абакана, на урочище Изых. Самсонов, перейдя Абакан чуть выше Уйбата, вступил в сражение с основными силами кыргызских князей, численность которых составляла около двух тысяч воинов. Кыргызы потеряли убитыми около 60 человек, потери русских составили 36 человек. Среди погибших были родной брат Конона Самсонова – Федор – с сыном Максимом и сын Конона – Петр. Погибли восемь детей боярских и атаман Аника Тюменцев⁸.

Не дождавшись подхода томских и кузнецких отрядов, Самсонов отступил и вернулся в Красноярск. Красноярские служилые люди составили коллективную челобитную, в которой обвиняли томские власти в том, что вместо трех тысяч они выслали только 300 человек, и те ходили «на шустских мужиков, а не на кыргызов»⁹.

Однако вскоре условия мирного договора были нарушены. 30 марта 1703 года томский воевода Г. М. Петров-Солового послал московского списка дворянина О. Р. Качанова со служилыми людьми к Белому озеру, по речкам Солгону и Серезу и вверх по Июсам и за Июсы. Отряд погромил 31 юрту, было убито 29 кыргызов и взято ясырей 72 человека из Улагачева, Корчинова, Убайшина и Кулегенева улусов¹⁰. Перевес явно склонялся на сторону русских. Цэван-Рабдан готовился к борьбе против цинского Китая и не мог оказать кыргызам вооруженной поддержки. Вскоре произошли события, которые круто изменили обстановку в Кыргызской зем-

ле и значительно облегчили ее присоединение к России.

В 1703 году в Джунгарии началась междоусобная борьба. Джунгарский правитель Цэван-Рабдан, опасаясь, что местное население юга Сибири может перейти на сторону мятежных князей, предпочел переселить их в свои владения. Летом 1703 года он послал в Кыргызскую землю к своему наместнику Аранжаме двухтысячное войско во главе с зайсанами Духаром, Сандыком и Чинбилем с заданием «киргиз и киргизских кыштымов всех с женами, и с детьми, и со скотом привести к себе» [10]. Переселению подверглись также телеуты и урянхайцы. Всего было уведено «мужеска и женска полу три тысячи с дымов» кыргызов и их кыштымов, то есть около 12–15 тысяч человек.

20 декабря 1706 года Г. М. Петров-Солового получил из Москвы грамоту Петра I об организации похода в Кыргызскую землю. Текст грамоты в пересказе томского воеводы гласил: «...Велено в Киргизской землице на реке Абакане построить острог, а для того строения указано послать из Томска сына боярского Илью Цыцурина, да в товарыщех с ним Ильею, велено быть красноярскому сыну боярскому Конону Самсонову, да с ними ж государь указано быть томским, кузнецким, красноярским, енисейским служилым людям тысяче человеком...»¹¹.

Во исполнение царского указа летом 1707 года была организована экспедиция для строительства острога. Объединенный отряд енисейцев и красноярцев двинулся от речки Аношу к условленному месту встречи с отрядом томищей и кузнечан. Встреча состоялась 19 июля возле камня Иржи, против речки Когну Карасу. Участники похода так описывали свои дальнейшие действия: «И шли подле реки Енисея степью через горы безводным местом до реки Урбы два дни, а переправясь реку Урбу, пошли от той реки... пришли до речки Коксы к вечеру, а от речки Коксы шли до речки Бехды день. Июля в 20 день, не дошед до реки Абакану, наехав возле Аглахту, та у камня шлях. И по тому шляху послали мы Конона и Илью в подъезд томских, красноярских, кузнецких служилых людей 80 человек за достальными служилыми людьми. Того ж числа пришли к реке Абакану и дожидались из поезде тех вышеписанных слу-

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. № 1405. Л. 2, 6–6 об.; Оп. 18. Ед. хр. № 849. Л. 1–3.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. № 626. Л. 3 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. № 1239. Л. 2 об.–3 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. № 1018. Л. 14.

жилых людей 4 дни...»¹². По-видимому, к тому времени Абакан изменил свое русло [11, с. 278], поэтому на его новом устье строительного леса не оказалось и «к острожному строению пристойных и крепких и к селению крестьян пригодных и хлебородных мест, и во близости угодных лесов не сыскали»¹³.

Место для острога было выбрано «от устья реки Абакану вниз по реке Енисею в двадцать верст пониже камень Турану на правой стороне». Острог был построен за 15 дней – с 4 по 18 августа [13]. Несмотря на то, что он был поставлен на Енисее, во исполнение царского указа он был назван Абаканским. Н. Н. Козьмин завершение присоединения Хакасии к России связывал со строительством Абаканского острога. Он писал: «С постройкой Абаканского острога и надо считать совершившимся присоединение кыргызской земли к русским владениям» [12, с. 86].

Таким образом, попытки строительства острога на р. Абакан в XVII веке были безуспешными из-за противодействия кыргызов. В начале XVIII века, после увода значительной части населения Хакасии в Джунгарию, ситуация стала более благоприятной. Однако в связи с произошедшим к этому времени изменением русла реки потребовалось выбрать другое место для острога. По указанным причинам все попытки строительства острога на устье р. Абакан не увенчались успехом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1974. Т. 2. 469 с.
2. Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII веке // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 2. С. 176–224.
3. Материалы по истории Хакасии XVII – нач. XVIII в. / сост. В. Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. Абакан, 1995. 257 с.
4. Резун Д. Я. Русские в Среднем Причумылье. XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984. 196 с.
5. Копкоев К. Г. Присоединение Хакасии к России: Дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 1965. 18 с.

6. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. 303 с.

7. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 5–192.

8. Памятники сибирской истории XVIII в. 1700–1713. СПб., 1882. Кн. 1. 562 с.

9. Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966. 92 с.

10. Копкоев К. Г. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 65–85.

11. Козьмин Н. Н. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В. К. Чертыков, С. А. Угдыжеков. Абакан, 2010. 311 с.

12. Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925. 185 с.

13. Копкоев К. Г. Добровольное присоединение Хакасии к России // 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959. С. 19–37.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 18. Ед. хр. № 1059. Л. 36.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 18. Ед. хр. № 1059. Л. 36.

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ И СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ: ИСТОКИ ПОЛИТИКИ ПАТЕРНАЛИЗМА

Е. В. Самрина

УДК 94 (571.513)

В статье рассматривается влияние идей эпохи Просвещения и взгляда иностранных исследователей XVIII века на формирование патерналистских взглядов по отношению к аборигенным народам Сибири.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, академические экспедиции, коренные народы Сибири, патернализм.

THE ERA OF ENLIGHTENMENT AND INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA: THE ORIGINS OF THE POLICY OF PATERNALISM E.V. SAMRINA

The article considers the influence of the ideas of the Enlightenment and the view of foreign scholars of the 18th century to the formation of paternalist attitudes towards the indigenous peoples of Siberia.

Key words: enlightenment, academic expedition, the indigenous peoples of Siberia, paternalism.

Идеи Просвещения, получившие распространение в России в XVIII веке, сыграли двойственную роль в истории коренных народов Сибири. С одной стороны, превалировали ценности гуманизма, просвещения, а с другой стороны, сформировались патерналистские взгляды по отношению к этим народам. За сибирскими народами не признавалось право на самостоятельное развитие, их требовалось просвещать, цивилизовать и приобщать к государственному правопорядку и русской культуре, прежде всего христианству, оседлости и земледелию.

К началу XVIII века в состав Российской империи вошла значительная часть Сибири. Еще в конце XVII века был исчерпан основной пушной запас этих территорий, и империя была заинтересована в освоении других ее богатств. Петр I отправил Д. Г. Мессершмидта в научную экспедицию с целью описания природы, полезных ископаемых, нравов и обычаев коренных жителей, в том числе памятников древности. Идея комплексного и систематического исследования страны возникла у Екатерины II. Императрица, сторонница идей просвещенного абсолютизма, активно интересовалась устройством и богатствами своей империи, в том числе и ее

историческими и этнографическими ресурсами. Таким образом, в дальнейшем реализуется идея долговременных систематических экспедиций с исследовательскими и практическими целями («академические экспедиции»). Так выглядели экспедиции-путешествия под руководством Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. Г. Георги. Научные экспедиции в Сибирь были организованы под руководством иностранных исследователей, среди которых преобладали немцы. Во многом материалы, собранные путешественниками-европейцами, способствовали формированию взгляда у государственных и общественных деятелей на историю и этнографию народов Сибири с позиций «просвещения». Именно их подходы легли в основу отечественного народоведения «эпохи просвещения и науки».

Д. Г. Мессершмидт посещал Хакасско-Минусинскую котловину дважды, осенью 1721 года и весной 1722 года. В результате второй поездки Д. Г. Мессершмидт обследовал значительный по протяженности район, открыл и осмотрел сотни древних памятников. Его поразило обилие памятников древности [1, с. 29–30]. Духовные, социальные, хозяйственные разли-

чия сибирских и европейских народов, бытовые трудности, противодействие местных властей, с которыми столкнулись исследователи, вызывали критическое отношение как к русской действительности, русскому народу, так и к сибирским народам. Бюрократические проволочки, задержка денег от Академии, особенно это относится к Д. Г. Мессершмидту, усугубили пессимистическое настроение. Д. Г. Мессершмидту представлялся слишком значительный контраст между прошлым, о котором свидетельствовали величественные памятники, и настоящей «жалкой и бедной», по его мнению, жизнью аборигенов, чтобы можно было допустить мысль о преемственности [1, с. 29–30]. Так, описывая известные изваяния Козен-кеш и Хуртуяк тас, он подверг большому сомнению причастность местных жителей к этим памятникам. По его мнению, скульптура Козен-кеш, если и не представляла китайца, то, по крайней мере, олицетворяла собой памятник китайского влияния. Скульптуру Хуртуяк тас он связал с ранними христианами из-за легенды, рассказанной о ней. Легенду он попытался сопоставить с христианским мифом, героиня которого, как и Хуртуяк, была превращена в изваяние. Но ему часто приходилось наблюдать почтительное отношение к каменным изваяниям и писаницам, поэтому он считал, что определенные памятники могли принадлежать предкам отдельных современных сибирских народов. Допуская оправданность мысли о создании изваяний и писаниц в прошлом предками современных ему аборигенов Сибири, Д. Г. Мессершмидт в то же время отказывал им в творческой самостоятельности, усматривая во многом культурное влияние на сибирское население китайцев и других народов [2, с. 10–24]. Несхожесть духовной жизни сибирских народов и европейцев вызывала противоречивые чувства у исследователя. Так, изваянию барана с Тубы, изваяниям Козен-кеш и Хуртуяк местные жители оказывали особое почтение в виде кормления. Странной и непонятной казалась Д. Г. Мессершмидту эта связь, выраженная в таком необычном для европейца обряде почитания [2, с. 10–24].

В Хакасско-Минусинском крае побывали участники Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 годы), в т. ч. сухопутной ее части, которую возглавил академик Г. Ф. Миллер. За 10 лет ими был собран огромный массив ценнейших разноплановых материалов. Минусин-

скую котловину Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин посетили в конце лета и осенью 1739 года. Маршрут их поездки совпал в основном с маршрутом Д. Г. Мессершмидта.

Несмотря на огромный вклад в науку, о противоречивой оценке роли Г. Ф. Миллера в историографии Сибири и общерусской историографии писали ряд исследователей [3, с. 153]. Так, он положительно отзывался о моральном облике аборигенов. Высокие нравственные качества аборигенного населения отмечали почти все исследователи Сибири, подчеркивая «простоту и милостливость», «в разных промыслах трудолюбивость», «странноприимчивость», честность иноверцев [4, с. 23–24; 5, с. 137].

Как отмечает А. Х. Элерт, этнографические труды Миллера отличают непредвзятость и доброжелательность к описываемым народам. «У ученого не было высокомерной снисходительности, а тем более презрения к народам, столь отличным от его собственного. Особо привлекательными в сибирских народах он считает такие черты, как гостеприимство, взаимопомощь, сострадание, честность, отсутствие стремления к наживе...» [6].

Но, основываясь на идеях Просвещения, Миллер считал необходимым преодоление ими некоторых проявлений дикости. С середины XVIII века под влиянием идеи А. Фергюсона впервые стала складываться первая научная стадийная концепция развития человечества. А. Фергюсон разделил всю историю человечества на три стадии по состоянию частной собственности: дикость, варварство и цивилизация. Каждый народ занимал на лестнице этой иерархии определенное место в соответствии с выделенными критериями. На верхней ступеньке находились европейские народы, именно культура этих народов была образцом цивилизованности. Низшую ступень истории человечества занимало неевропейское человечество [7, с. 95–96]. В этой иерархии сибирские народы занимали самую низкую ступень. Россия, согласно Миллеру, является частью цивилизованной Европы, и ее историческую миссию он видел в распространении европейской культуры на восток, в приобщении аборигенов Сибири к достижениям цивилизованных наций. В отношении тех народов, которые отстаивают свое право оставаться дикими, проявляют «упрямство» и не желают подчиняться, для их же блага он считал допустимым применение военной силы [6].

Миллер оправдывает жесткие, насильственные методы включения аборигенного населения в состав Российского государства, а енисейских кыргызов считает разбойниками, поскольку они оказывали упорное сопротивление. О том, что Г. Ф. Миллер высокомерно относился к енисейским кыргызам как к «разбойничьему народу», говорили ряд исследователей, писавших о Сибири в XVII веке (К. Г. Копкоев, И. Е. Фишер, П. А. Словоцов, В. В. Радлов, В. К. Андриевич, Н. В. Латкин, В. И. Огородников) [8, с. 11–13, 29; 9, с. 33–36].

Политика покровительства местным князьям должна была стать одним из мирных методов вхождения туземного населения Сибири в подданство России. Выражая взгляды «просвещенного абсолютизма», Г. Ф. Миллер положительно оценивает процесс присоединения Сибири к России. Но обращает внимание на негативные последствия вхождения сибирских народов в состав России. По его словам, находясь в составе России, многие народы пришли «во всеконечное убожество», сократилась их численность. Многочисленные восстания коренных жителей против русской власти он расценивает как акты отчаяния людей, измученных произволом, поборами и откровенными грабежами со стороны представителей русской администрации. Тем не менее Миллер превыше всего считал интересы государства, промышленности и торговли, а не интересы аборигенного населения [10, с. 312]. С. В. Бахрушин считал, что «научная деятельность Миллера должна была обслужить интересы государства» [11, с. 25].

По мнению Ю. Г. Белокобыльского, за эти народы исследователи XVIII века признавали смену культур, но происходила она, по их мнению, не в результате внутренних процессов саморазвития, а под воздействием внешних обстоятельств (переселение народов, культурные заимствования). Г. Ф. Миллер выделил два крупных культурно-исторических этапа в древней истории Южной Сибири – медный и железный, причем более древним отмечался первый. Рассуждениями о «бедных» и «богатых» могилах Г. Ф. Миллер констатировал наличие в прошлом двух соответствующих этапов в развитии общества, отражавших развитие внутренней социальной дифференциации в древнем обществе. Вместе с тем нельзя не отметить, что исторический процесс на территории Южной Сибири представлялся Г. Ф. Миллеру менее сложным,

чем Д. Г. Мессершмидту и Ф. И. Страленбергу. В частности, он считал, что «древние татары» – первые, по его представлениям, и единственные представители населения, оставившего могильники и каменные изваяния, – прошли в своем развитии лишь два этапа – домонгольский и монгольский. Что касается памятников письменности Южной Сибири, то они, по его убеждению, появились под влиянием уйгуров или же непосредственно были оставлены ими [2, с. 10–31].

Г. Ф. Миллер отрицал древность наскальных рисунков, считая их продуктом шаманской идеологии, возникшей под влиянием религии «саманеян», весьма скептически оценивал возможность извлечь при изучении их что-либо значительное для характеристики сложного духовного мира древних обитателей Сибири. Не имея возможности из-за языкового барьера достаточно глубоко познать культурные достижения коренного населения севера Азии, Г. Ф. Миллер переносил свои поверхностные впечатления также и на древности азиатской части России [12, с. 537–539; 2, с. 10–31].

Участники экспедиций обращали внимание на своеобразные археологические памятники, имевшие ярко выраженные внешние признаки. Присутствие в «дикой» Сибири памятников искусства, письменности наталкивало их на мысль о существовании здесь в прошлом неизвестной высокой культуры, к которой аборигены если и имели отношение, то весьма опосредованно.

В описании быта, нравов, социального устройства он высказывает презрение к их «дикости», «заблуждению и беззаконствию», неопрятности, «тупости ума», необходимости, склонности к пьянству и пр. [8, с. 11–13, 29; 9, с. 33–36]. По мнению Е. Ковалешкиной, формируется образ неопрятного, опустившегося, пьяного, неграмотного инородца, который укоренится как стереотип в XX веке. [13, с. 16].

Экспедиция, которой руководил П. С. Паллас, была организована Петербургской академией наук и вошла в историю как Академическая. Многочисленные сведения о богатых медными изделиями могилах среднего Енисея заставили ученого побывать в Минусинской котловине дважды: осенью 1771 и в августе 1772 года. Маршрут 1772 года проходил по южной части Минусинской котловины и в основном повторял маршрут Г. Ф. Миллера. П. С. Паллас обследовал долины рек Абакан,

Уйбат, Нине, Аскыз, Тея, Таштып. От последней путь его лежал к деревням Монок и Арбаты, через Майнский и Уйский рудники в д. Коптыреву и к г. Минусинску [14, с. 100–101]. По мнению Ю. Г. Белокобыльского, попытки осмысления собранного материала позволяют выявить некоторые элементы мировоззрения исследователей, полностью укладывающиеся в рамки метафизических представлений XVIII века. Идея развития поступательного хода этого процесса им не была чужда, и это неудивительно, ибо познакомились они в Сибири с необычайно разнообразным по характеру историческим материалом, охватывавшим период человеческой истории от каменного до XVIII века. П. С. Паллас, например, показателем высокого уровня развития общества считал наличие рудных разработок и умение делать сплавы металлов [2, с. 10–31]. На территории Хакасии исследователь внимание уделял медным месторождениям и попутно весьма тщательно фиксировал остатки древних медных горных выработок и шлаковых отвалов. Интересно, что во второй половине XIX века старики еще помнили экспедицию Палласа и связывали с ней печальные события, произошедшие вскоре после нее. По мнению стариков, раскапывание Палласом могильных курганов привело к массовому падежу скота от чумы и их обеднению. Как негативное событие рассматривали и вторжение поселенцев.

Паллас часто делал эстетические зарисовки по поводу внешнего вида описываемого народа, сравнивал их с жителями других мест. Ему присуща этническая толерантность. Например, он детально рисует калмыков. Несмотря на экзотичность их культуры и внешнего облика, он характеризует их с явной симпатией: «Калмыки почти все среднего роста, однако больше низких, нежели высоких. Все сановиты, и я не видел у них ни одного уроды. Воспитание детей, которое препоручено одной натуре. Они все сухощавы, и я не видал ни одного толстаго Калмыка. Телом и лицом Калмыки с природы еще нарочиты белы. Женщины лицом и волосами очень схожи с китайскими женщинами» [15, с. 457]. Паллас подробно описывает вогульцев, с которыми он встретился по пути в Верхотурье. «Живущие в оной местности Вогульцы, не имея ни хлебопашества, ни скотоводства, питаются одною только диких зверей ловлею; в прочем образом жительство, строениями и одеянием подражают совсем Россиянам, даже и говорят

по-русски, а свой язык употребляю, наипаче пред Русскими, стыдятся» [15, с. 279].

Как уже говорилось, моральные качества аборигенов оценивались высоко как участниками академических экспедиций, так и чиновниками. Например, в «Описании о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцев» (1783 год), самом раннем описании хантов, ненцев и якутов Туруханского края, представители царской администрации в ответах на вопросы, разосланные во все «округи» Тобольского наместничества Кабинетом Императрицы по поводу сбора сведений о ясачных Сибири, высказывались следующим образом: «люди эти страннлюбивы и ласковы», «никакого вреда не делают», «правдивы» [16, с. 100].

Характеристика быта, хозяйственной жизни и социального устройства несли в себе отрицательный оттенок. Например, обычай употреблять сырую пищу у исследователей иного культурного ряда вызывало отторжение. При этом исключался вопрос о человеческой неполноценности «иноземцев» Сибири, «их вид человеческий, токмо они всякую стерву», зверей, не только охотой добытых, но и «морем изверженных, гнилых, без разбору ядят и сырую жрут» [16, с. 100]. Хотя «Березовский округи некрещеные остяки и самоядцы-идолопоклонники добродетельны, пришедших в бедность снабдевают» [16, с. 100], составители описаний оценивали их как людей «диких». Это проявлялось в необычной манере одеваться, в образе жизни – «порядочного домоводства... не имеют» [16, с. 33], в обычае употреблять сырую пищу [16, с. 93], в легкости развода и возможности иметь несколько жен [16, с. 97]. Все это воспринималось по меньшей мере как легкомыслие [17, с. 26, 160, 206]. Те проявления культуры, которые находились необычными, объясняли суровыми условиями окружающей среды, которая наложила отпечаток «дикости» на образ жизни сибирских народов [16, с. 94].

Число критериев, по которым сравнивали народы, в течение XVIII века неуклонно росло. Так как большинство этнографических анкет считали цивилизованное состояние нормой и соответствующим образом формулировали свои вопросы («Есть ли у них...?»), то значительное число атрибутов цивилизации в этнографических описаниях фиксировались в тер-

минах отсутствия: отсутствия христианства, письменности, просвещенности и т. д. Следствием этого стало описание через отрицание и значительно пополнившаяся коллекция пробелов: молдаване «из наук и художество ничего не понимают»; жители Курильских островов «о превечном существе никакого понятия не имеют»; народы Среднего Поволжья – «черемисы (совр. марийцы), чувашаи и вотяки (совр. удмурты)» – «не имеют никакого понятия о честности и добродетели» [18, с. 137–138].

Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас были истинными представителями века Просвещения, причем немецкого, которое в значительной мере отличалось от французского и других своей ограниченностью, обусловленной наличием большого числа феодальных предрассудков и традиций в Германии того времени. Их взгляды на русскую действительность XVIII века, отсталость общественных отношений, особенно в Сибири, критиковались с просвещенческих позиций. Переориентация на западноевропейскую культурную модель, хотя и изменила отношение к культурным особенностям неевропейских народов, сохранила традицию признания за ними социального равенства [19, с. 152].

ЛИТЕРАТУРА

1. Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. 184 с.
2. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986. 166 с.
3. Мирзоев В. Г. Основные направления историографии Сибири домарксистского периода // Доклады 1-й межвузовской научной конференции по историографии Сибири. Кемерово, 1969. С. 147–157.
4. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири (1721–1722 гг.). М.; Л., 1947. 96 с.
5. Радищев А. Н. Описание Тобольского наместничества // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 133–142.
6. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера [Электронный ресурс]: автореф. дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. URL: <http://cheloveknauka.com/narodysibiri-v-trudah-g-f-millera> (дата обращения: 09.11.2015).
7. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. 391 с.
8. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко Черемис, Чувашей, Вотяков. СПб., 1791. 131 с.
9. Элерт А. Х. Г. Ф. Миллер о взаимоотношениях между русским и аборигенными народами Сибири // Региональные процессы в Сибири в контексте мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 33–36.
10. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750. 510 с.
11. Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. I. С. 3–56.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. I. 630 с.
13. Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областной мысли. Автореф. канд. дисс. Томск, 1999. 21 с.
14. Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинской котловины // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. VI. Кемерово, 1973. С. 91–159.
15. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. I. 657 с.
16. Андреев А. И. Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография, 1947, № 1. С. 84–103.
17. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 321 с.
18. Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII в. и проблема этнического многообразия. Российская империя в зарубежной историографии: антология. М., 2005. 696 с.
19. Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. 418 с.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ МУРАВЬЕВ – АДЪЮТАНТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ Н. Н. МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО: ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Н. Туманик

УДК 94(47).073, 94(57)

Статья посвящена биографии молодого соратника генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского – его адъютанта Василия Михайловича Муравьева. В рамках исторической концепции «человека второго плана» характеризуются основные вехи и события жизни В. М. Муравьева, анализируется его эпистолярное наследие. На примере В. М. Муравьева выделяются черты к общей характеристике молодежи николаевской эпохи, подчеркивается нравственная связь с поколением отцов-декабристов, ставится вопрос об идейной преемственности. Освещаются важные направления семейного воспитания клана Муравьевых-Якушкиных-Шереметевых, подчеркивается моральный авторитет и направляющая роль в нем бабушки Н. Н. Шереметевой.

Ключевые слова: Сибирь, администрация, Н. Н. Муравьев-Амурский, декабристы, историческая биография, персональная история.

VASILY MIKHAILOVICH MURAVIEV – ADJUTANT OF GOVERNOR-GENERAL OF EASTERN SIBERIA N.N. MURAVIEV-AMURSKY: THE EXPERIENCE OF BIOGRAPHICAL STUDY

E. N. Tumanik

The article is devoted to the problems of Vasily Mikhailovich Muraviev's biography. He was a young associate of the Governor-General of Eastern Siberia N.N. Muraviev-Amursky. He had a family ties with the Decembrists. We focus on the moral and ideological relations of youth and fathers-Decembrists. The question of ideological continuity appears in the article. This approach is relevant from the perspective of historical concepts of «man of the second plan». Also focuses on several aspects of the family education of Muraviev's-Yakushkin's-Sheremetev's Clan. N.N. Sheremeteva grandmother had great moral authority in this family. She directed the education of grandchildren.

Keywords: Siberia, administration, N.N. Muraviev-Amursky, the Decembrists, historical biography, personal history.

Эпоха графа Н. Н. Муравьева-Амурского всегда будет привлекать внимание исследователей, и многоплановая разработка данной темы, пожалуй, останется еще на долгие годы актуальной для истории азиатской России. Очень важно изучение окружения самого выдающегося генерал-губернатора Восточной Сибири – круга тех лиц, на кого он опирался в своей служебной деятельности, которые работали под его руководством и были сопричастны великому делу освоения Амура. Большое значение в плане разработки обозначенной проблематики имеет монография Н. П. Матхановой о высшей

администрации Восточной Сибири в середине XIX века, заложившая методологические основы современных исследований в данном направлении [1]. С другой стороны, рассказывая о соратниках Н. Н. Муравьева, воссоздавая на исторической основе их биографии, правомерно строить исследование на базе современного направления науки, изучающего роль и место «человека второго плана в истории» [2]. Классическим примером подобного «человека второго плана», у которого были все перспективы и возможности со временем выйти на первые роли, является любимый адъютант генерал-гу-

бернатора Н. Н. Муравьева-Амурского Василий Михайлович Муравьев, оказавший своему начальнику огромную помощь в управлении краем на первом этапе его служебной деятельности, и в данной статье мы постараемся охарактеризовать его личность, а также основные вехи жизненного пути.

В. М. Муравьев (9 июня 1824 – 13 апреля 1849), третий сын графа М. Н. Муравьева-Виленского, безусловно, принадлежал к числу передовых молодых людей своей эпохи – и по морально-нравственным качествам, и по образованию и карьере, и по политическим убеждениям. Выйдя из семейного круга, который по полному праву и без доли преувеличения можно назвать декабристским, он был воспитан в рамках своей большой семьи и в соответствии с ее ценностями, а прежде всего своими родителями, уделявшими огромное внимание детям. Поколение, предшествовавшее в семейной истории Василию Муравьеву, было воистину блистательным. Его отец, герой 1812 года, основатель «Московского общества математиков», декабрист и один из авторов устава Союза благоденствия, преподаватель Московского учебного заведения для колонновожатых, в 1827 году начал административную карьеру (вице-губернатор в Витебске, губернатор в Могилеве, губернатор в Гродно, губернатор в Курске). С 1842 года М. Н. Муравьев занимал должность управляющего Межевым корпусом, это время совпало с началом военной службы Василия. Дядя Василия Муравьева – один из самых известных декабристов Александр Николаевич Муравьев, «первый декабрист», основатель Союза спасения и Союза благоденствия [3]. Мать В. М. Муравьева – Пелагея Васильевна Шереметева, родная сестра жены декабриста И. Д. Якушкина Анастасии. Таким образом, по материнской линии Василий Муравьев был также связан с декабристами близким родством – Якушкин был его дядей; самые тесные родственные и дружеские отношения связывали В. Муравьева и с двоюродными братьями Вячеславом и Евгением Якушкиными, сыновьями декабриста, не получившими возможности вместе со своей матерью последовать в Сибирь к отцу.

Также не будем забывать о выдающемся деду Василия Муравьева – генерал-майоре Н. Н. Муравьеве, военном педагоге, основателе и руководителе уже упомянутой школы колонновожатых. Известно, что после отставки и вплоть до

кончины в 1840 году Н. Н. Муравьев принимал самое деятельное участие в воспитании внуков. Но особенное влияние на молодежь семейного клана Муравьевых-Шереметевых, конечно же, оказывала бабушка – Надежда Николаевна Шереметева (1775–1850). Н. Н. Шереметева, урожденная Тютчева, по праву считается одной из выдающихся женщин своего времени. Прекрасно известно, к примеру, какое мировоззренческое и нравственное влияние она оказала на творчество Н. В. Гоголя. Эмоциональность, искренность, сильные чувства, деятельный характер, простота в обращении, страстность натуры – вот отличительные черты ее характера и личности; именно эти качества привлекали к ней людей. Н. Н. Шереметева имела достаточно глубокие для своей эпохи христианские убеждения и много занималась благотворительностью. Она горячо любила всех своих внуков и принимала деятельное участие в судьбе каждого из них, но к Василию была привязана особо. Василий Муравьев также питал к бабушке доверительное почтение и любовь, она была очень близка ему, что отразилось в его письмах к ней за то время, когда он жил вдали от нее, вступив на поприще службы. Сохранилось более 30 писем В. М. Муравьева к Н. Н. Шереметевой за 1843–1848 годы, написанных с Кавказа, из Курска, Риги, Иркутска.

Обратим отдельное внимание и на то, что воспитанию подрастающего поколения уделялось основополагающее внимание в системе ценностей декабристов, выходящих еще из устава Союза благоденствия, разработанного А. Н. и М. Н. Муравьевыми. В собственных детях они, конечно же, хотели вырастить достойную себе смену, своеобразный идеал «слуги Отечества», воспитанный в том числе и на собственных переоценках пути в тайном политическом обществе [3, с. 291–296]. Личность Василия Муравьева выковывалась совершенно сознательно. Итак, что же мы видим на этом примере, явившемся ярким образцом такого декабристского воспитания? Собственно говоря, именно этим во многом и интересен данный исторический персонаж.

Биография Василия Муравьева, прожившего очень короткую, пусть и яркую жизнь, специально не разрабатывалась. Конечно, его личность не могла обойти вниманием Н. П. Матханова в своих монографических работах о сибирском административном корпусе и Н. Н. Муравьеве-

Амурском, назвав В. М. Муравьева в числе «молодых, образованных и проникнутых идейными устремлениями» приезжих чиновников, входивших в «ближайшее окружение Муравьева в первые годы его генерал-губернаторства» [4, с. 127; 1, с. 148]. Это был, пожалуй, лучший адъютант и очень способный молодой чиновник в свите генерал-губернатора в 1848 году. Можно сказать, что опора на таких помощников, как В. М. Муравьев, очень помогла Н. Н. Муравьеву войти в должность, крепко взять в свои руки управление краем и определиться с направлением политики.

Показательно, что среди выявленных отзывов о Василии Муравьеве нет ни одного отрицательного, что относится даже к оценкам декабриста Д. И. Завалишина, занимавшего крайне критическую позицию по отношению к Н. Н. Муравьеву-Амурскому и его окружению. Важным источником, ярко рисующим личность В. М. Муравьева, является комплекс его писем, о котором было сказано выше. Прежде всего, это человек стойких патриотических убеждений, преданный присяге и добросовестный молодой офицер, не щадящий жизни в военных походах, которых за его плечами было несколько в период службы на Кавказе. В. М. Муравьев вступил в военную службу около 1843 года и оставался на передовой военных действий вплоть до середины ноября 1846-го. Незаурядное мужество и личная храбрость, стойкость духа читаются в его кавказских письмах к Н. Н. Шереметевой. 12 декабря 1843 года Василий пишет из станицы Кавказской: «Поход наш кончился, и мы пришли сюда на зиму отдохнуть месяца на два, а там опять в путешествие до следующего октября или ноября месяца: славная жизнь! Чего лучше можно желать в мои лета и по моему характеру!»¹. А вот описание летней кампании 1845 года, во время которой Василию исполнился только 21 год: «...Благодарю за молитвы Ваши обо мне, грешном, видно, они были услышаны Господом, и ради [н]их я вышел невредим; а было время, когда я мало надеялся на такую благодать Божию, так что следующий день не считал более своим и ежеминутно был готов отдать душу Всевышнему. В том месяце мы забрели в такие места, что никак не чаяли вынести живота своего; но, благодарение Богу,

я выбрался благополучно... .Вы спрашиваете, где-то я в день своего рождения? И вспомнил ли я об нем? Вспомнить-то вспомнил, а был в это время в таких местах, в которых у нас в отряде 9 июня положено было человек 100 солдат! Трудно и поверить, но это действительно так было; 9-го выпал снег на пол-аршина, и я в тулупе едва мог согреться... <...> ...Я... делал верст по 25 в день, по камням и по горам пешком, ибо у меня за экспедицию пропали две лошади; ходил не на богомолье, но бить себе ближних и чуть сам побит не был»². Это письмо было написано в конце июля из станицы Червленной, а менее чем через месяц Василий с особым чувством констатировал: «...В последнем письме моем от 27 июля... я писал о спасении нашем, в котором явно была видна рука Всевышнего, выведшая нас из ужаснейших мест; и вот не прошло еще и месяца, как мы отдыхаем, и я опять готов идти на прежние опасности, так уж создано сердце человеческое; едва начинают изглаживаться из памяти минувшие ужасы и кровавые сцены, которых были свидетелями, опять готовы идти на новые опасности, находя в них особенное какое-то удовольствие»³. За этот поход В. М. Муравьев получил «Анненский крест с бантом» (орден Св. Анны 3-й ст. за боевые заслуги) и был представлен к ордену Св. Владимира (по всей видимости, 4-й ст. с бантом, который тогда очень ценился в разряде военных наград и уступал только ордену Св. Георгия 4-й ст.).

После участия в Кавказских войнах В. М. Муравьев был переведен в Ригу адъютантом к лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору Е. А. Головину и попробовал свои силы на административном поприще, впрочем, не снимая военного мундира. Только «по платью военный», он занимался «письменными делами», как писал в своем послании к бабушке от 24 декабря 1846 года⁴. В первые дни 1848 года ротмистр Василий Муравьев по личному желанию был назначен адъютантом к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, который приходился ему родственником, и в начале февраля выехал из Москвы к новому месту службы. Н. Н. Шереметева, душевно радуясь за внука, собирала в своем архиве отзывы «о Васе от его начальников» –

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). 349.34.13. Л. 3.

² Там же. Л. 15–15 об., 16 об.

³ Там же. Л. 17 об.

⁴ Там же. Л. 40–41 об.

отрывки из писем третьих лиц, устные свидетельства. Она сохранила выписку из написанного на имя М. Н. Муравьева послания от Е. А. Головина, скрепя сердце отпустившего способного молодого человека к другому начальнику: «...Я не без сожаления расстаюсь с вашим сыном, которого хорошие качества подают много надежд, он будет весьма полезен для службы и способен к исполнению обязанностей, требующих деятельности рассудка и основательного постоянства, что он показал и на опыте. Я поздравляю Ни[колая] Ни[колаевича] с таким адъютантом, а для сердца родителей приятно будет сей искренний и по справедливости заслуженный мой об нем отзыв»⁵.

По пути в Иркутск, к новому месту службы, В. М. Муравьев по разрешению Н. Н. Муравьева навестил в Ялуторовске своего дядю, декабриста И. Д. Якушкина, специально сделал крюк в 160 верст, направляясь в Тобольск из Тюмени. В письме В. М. Муравьева из Иркутска от 15 апреля 1848 года есть очень сильное и трогательное описание этой встречи, состоявшейся приблизительно в конце февраля – начале марта: «...Когда он вошел в комнату, то мы стояли молча несколько минут друг перед другом, он узнавал меня, и я – его по портрету, но признаться не решались. Ив[ан] Дм[итриевич] обнял меня первый, и с той же минуты мы считали себя уже как бы давно знакомыми»⁶. Отличительной чертой воспитания Васи Муравьева было его безусловное уважение и даже пиетет к декабристскому прошлому своей семьи, что ярко проявилось, в частности, в его отношении к дяде-декабристу, с которым он встретился в Ялуторовске, а также даже в общении с Д. И. Завалишиным, человеком непростого и в определенной степени строптивного характера. Итак, на основании писем В. М. Муравьева можно сделать определенные выводы о том, что глорификация декабристского фактора была серьезнейшей компонентой его воспитания. Безусловно, все это было свойственно и другим молодым представителям семейного родственного круга Муравьевых-Шереметевых-Якушкиных. В этом явлении огромная и неоценимая заслуга бабушки Надежды Николаевны Шереметевой, вокруг которой и под духовным авторитетом

которой концентрировался фамильный клан, сформированный семьями ее дочерей.

Сибирские письма В. М. Муравьева отражают тот деятельный и напряженный ритм, которым жила администрация нового генерал-губернатора, в центре которой он находился как адъютант. Они охватывают самый начальный период генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева, становления его политики в крае, которое во многом предопределило его дальнейшие преобразования, и могут служить важным источником как вышедшие из-под пера его любимого адъютанта – ближайшего помощника, полностью разделявшего его политику, молодого человека, близкого ему родственно и духовно. Едва прибыв в Иркутск, 25 марта Василий Муравьев был командирован на 10 дней в Кяхту «на китайскую границу» для детального исследования русско-китайской торговли⁷ [1, с. 126]. Вторую поездку в Кяхту и Забайкалье, уже более длительную, В. М. Муравьев совершил в свите генерал-губернатора, возвратившись в Иркутск в середине сентября. Преданный своему начальнику, он оставил в письмах несколько восторженных отзывов как о нем, так и о начале его управления (например, письма от 15 апреля и 14 июня 1848 года). Эти оценки представляются достаточно типичными для молодого окружения Н. Н. Муравьева, и можно считать их вполне объективными. Но вот как отзывается сам генерал-губернатор о своем адъютанте (из письма к Н. Н. Шереметевой от 23 июня 1848 года): «...Он славный помощник и славный человек»⁸. И другие свидетельства, собранные Н. Н. Шереметевой: «Николай Нико[лаевич] благодарит за Васю очень, говорит, что это не адъютант, а клад для него, что он и не предполагал в нем найти столько знания по службе, сколько нашел, не говоря о прочих достоинствах. Точно, он очень деловой молодой человек, он же во все это время один при генерале. <...> Николай Нико[лаевич] пишет, что по совести должен сказать, что всякое письмо следует мне начать благодарностью за вашего сына. Такого благонамеренного, трудолюбивого, усердного и делового адъютанта я никогда не могу иметь»⁹. Неудивительно, что со временем Н. Н. Муравьев и его супруга очень при-

⁵ НИОР РГБ. 340.35.12. Л. 49–49 об.

⁶ Там же. 340.34.13. Л. 59–59 об.

⁷ Там же. 340.34.13. Л. 59–59 об.

⁸ Там же. 340.34.14. Л. 63 об.

⁹ Там же. 340.35.12. Л. 50, 52.

вязались к молодому родственнику и полюбили его практически как родители [4, с. 236].

Прекрасно образованный и честный В. М. Муравьев старался не только как можно более добросовестно исполнять свои обязанности, но в нем не было ни малейшего желания «выслужиться», сделать карьеру ради карьеры – это замечательное семейное качество вполне запечатлелось в его жизненных принципах. Искренность, скромность и доброжелательность позволяли ему успешно решать многие конфликтные и сложные вопросы, с которыми он сталкивался во время адъютантской службы, как это было, к примеру, в отношениях с декабристом Д. И. Завалишиным, человеком непростого характера, оставившим при этом хороший отзыв о молодом Муравьеве, с искусством дипломата организовавшим его первую встречу с новым генерал-губернатором [5, с. 503–504]. Тот же Д. И. Завалишин донес до нас преданность делу, ревность и добросовестность В. М. Муравьева. Их вторая встреча в Чите произошла в начале сентября 1848 года, при возвращении Василия из поездки по Забайкалью немного раньше самого генерал-губернатора. Сам В. Муравьев написал бабушке, что был отправлен Н. Н. Муравьевым в Иркутск с поручением потому, что надо было кого-то послать, а он как раз немного приболел, что и стало поводом. Но Д. И. Завалишин свидетельствовал, что В. М. Муравьев, остановившись в Чите, не мог даже прийти к нему лично, был «очень болен и не в состоянии одеться... это было начало его предсмертной болезни!» Тем не менее он настоятельно просил навестить его, чтобы поделиться своими переживаниями о службе – даже в столь серьезном положении служебные обязанности были для него на первом месте (столь типичное «муравьевское» служебное рвение, свойственное как отцу Василия, так и его дяде Александру Николаевичу!) [5, с. 512–513]. 11 апреля 1848 года, будучи «опять сильно болен», он писал своим родным, что тем не менее «ему гораздо лучше» и он «собирается в Камчатку». Через два дня В. М. Муравьева не стало...¹⁰

Важным и определяющим штрихом к портрету Василия Муравьева является его глубокая вера, которой проникнуты практически все его письма – он христианин в полном смысле этого слова, что формирует его моральный облик в

первую очередь. В Иркутске по рекомендации брата Леонида он нашел прекрасного духовника «необыкновенного ума и отлично хороших свойств», узнавшего, пожалуй, лучше всех душу молодого человека, который «любил его беседу»¹¹. 29 октября 1849 года Пелагея Васильевна, мать В. М. Муравьева, писала Н. Н. Шереметевой: «Посылаю Вам описание погребения Васи и Слово, говоренное его духовником, которое всякий раз, что читаю, лишь более и более трогает... Проповедь такое на меня произвела впечатление, что я тотчас же написала к духовнику и надеюсь, что не в последний раз»¹².

Кончина Василия Муравьева произвела ошеломляющее впечатление не только на его родных, но и на Н. Н. Муравьева-Амурского. 22 мая 1849 года П. В. Муравьева писала брату А. В. Шереметеву: «Не знаю, как начать... Вчера получили от Васи от 11 апреля, ...вчера же Леонид получил от Нико[лая] Нико[лаевича], что 13 апреля в час скончался. Знаю, сколько тебя огорчит его смерть, но что делать, видно Богу так угодно, а жаль, мочи нет как жаль, славный был человек, плачу я очень, и все мы плачем, крепко всякий его пожалеет. Приготовь матушку, ее сильно поразит, она его так любила. Также и Николая [старшего брата В. М. Муравьева – Е. Т.], он будет огорчаться и об нем, и об нас... Обнимаю всех вас от души, которая, признаюсь, глубоко потрясена. Подробностей никаких не имеем, только пишут, что Нико[лай] Ни[колаевич]... в отчаянии»¹³. Сам Н. Н. Муравьев в письме к брату Валериану назвал смерть Василия Муравьева поразившим его «жестоким горем», признавался, что они с женой «любили его как сына»: «...Сердце невольно страдает, и мы долго не утешимся от этой потери» [цит. по: 4, с. 236].

Итак, Василий Муравьев, способный, скромный, деятельный, отличных человеческих качеств и образования, – один из лучших представителей молодого поколения 1840-х годов; его образ, думается, во многом достаточно типичный, несколько не вписывается в наши представления о молодежи той эпохи, ассоциирующейся в первую очередь с «печоринскими» стереотипами лишнего человека. По сути дела, В. М. Муравьев ничем не отличается от

¹¹ Там же. 340.34.14. Л. 41 об.

¹² Там же. Л. 41–42.

¹³ Там же. 340.35.12. Л. 17–17 об.

¹⁰ НИОР РГБ. 340.35.12. Л. 17.

молодежи эпохи декабристов, к которым, кстати, питает безграничное уважение, кроме двух важных вещей – в нем отсутствует конспиративность сознания (с внешней стороны: он не состоит в тайном обществе), а также у него крепкие христианские убеждения. В окружающих его социуме и государстве он находит вполне отвечающие потребностям его личности условия для реализации своих общественных, корпоративных и гражданско-политических запросов. У него нет противоречий с властью, и он находит полные возможности, не вступая в конфликт с государством и обществом, для реализации своих способностей и интересов на поприще государственной службы. Думается, вполне правомерно на этом частном примере сделать вывод о том, что николаевская эпоха (в отличие от предшествовавшей ей либеральной александровской) часто способствовала форми-

рованию именно таких личностей, предоставляла им свободу выбора и давала прекрасные возможности для самореализации на уровне официальной общественно-полезной деятельности, что именно такие молодые люди, как Василий Муравьев, были востребованы временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 250 с.
2. В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей / Отв. ред. Л. П. Репина. СПб., 2010. 400 с.
3. Туманик Е. Н. Декабрист Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006. 372 с.

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ О ГОРОДАХ И ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ и
Правительства Республики Хакасия, проект № 15-11-19003 а/Т.*

Т. А. Кискидосова

УДК 930(075.8)

Статья основана на материалах Государственного архива Забайкальского края. Архивные документы позволяют исследовать разнообразные аспекты истории городов и городского населения Забайкалья второй половины XIX – начала XX века.

Ключевые слова: Забайкалье, город, население, архив.

CITIES AND URBAN POPULATION TRANSBAIKALIA IN THE SECOND HALF XIXTH – AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY (BY MATERIALS STATE ARCHIVE OF TRANSBAIKAL TERRITORY)

T. A. Kiskidosova

The article is based on materials of the State archive of the Transbaikal territory. Archival documents allow you to explore various aspects of the history of cities and urban population of Transbaikalia in the second half of XIX – at the beginning of the XXth century.

Key words: Transbaikalia, city, population, archive

Одним из важнейших направлений современной исторической науки является изучение истории города. Проблема урбанизации продолжает играть важную роль в жизни общества. Истории городского населения Восточной Сибири в XIX – начале XX века посвящено значительное количество работ. В трудах В. В. Воробьева, А. В. Козулина, В. П. Шахерова, С. В. Евдокимовой, А. В. Неклюдовой, Т. В. Паликовой и других ученых рассмотрены формирование населения, демографические процессы, торгово-промышленное и культурное развитие в целом и в отдельно взятых городах Восточно-Сибирского региона [1; 2; 3; 4; 5; 6].

При изучении истории городов и городского населения необходим комплекс разнообразных источников. К ним относятся: законодательные акты, архивные материалы, справочная и статистическая литература, периодика, мемуаристика и др. Каждый из этих источников позволяет проанализировать, дополнить и детализировать исследование. Архивные документы составля-

ют значительную часть исторических источников. Интересные сведения по истории городского населения Забайкалья второй половины XIX – начала XX века хранятся в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК).

Ценная информация содержится в материалах делопроизводства органов городского самоуправления: городских дум и управ. Делопроизводственная документация отличается многочисленностью и разнообразием документов. Фонды «Городская управа» (Ф. 94) и «Читинская городская дума» (Ф. 226) включают материалы о выдаче торговых свидетельств на занятие торговлей и промыслами, списки домовладельцев, документы об учете сословий и т. д. В протоколах и отчетах Читинской городской думы зафиксированы сведения о ценах на продукты питания, порядке проведения строительных и ремонтных работ в городе, освещении городских улиц, санитарном состоянии и т. д. Городская дума назначала правила убоя скота, торговли сельскохозяйственными про-

дуктами. В протоколах местные органы самоуправления признавали необходимость устройства в Чите канализации, проведения трамвая и замощения улиц. Именно замощение улиц было «крайне необходимо с санитарной стороны и со стороны благоустройства города»¹.

На заседаниях городской думы могли подниматься более обширные вопросы, обсуждались актуальные проблемы региона. Например, в 1891 году вслед за Енисейской городской думой гласные Читинской городской думы рассматривали общесибирские нужды: введение земства, гласного суда, свободы слова и печати, свобода личности и имущественной неприкосновенности и др. Городская дума не оставила без внимания и проблему ссыльных. «К нам гонят самых отвязанных преступников, – выступал А. П. Першин, – все знают, что элементы, выброшенные за негодностью, приносят разврат, пьянство и преступления. Тюрьмы переполнены, окружной суд завален уголовными делами. Те поселенцы, у которых закончился срок, вновь совершают преступление, попадают в тюрьму. Тяжким бременем ложатся на города – отопление и освещение тюрем...»².

Важная информация содержится в материалах делопроизводства государственных учреждений (областного управления, областного по городским делам присутствия, полицейского управления и т. д.). В фонде «Забайкальское областное правление» (Ф. 1) интерес представляют документы о предоставлении льгот по несению квартирной повинности и другим жителям Читы³. Делопроизводственная документация также хранится в фондах «Военный губернатор Забайкальской области» (Ф. 13), «Забайкальское областное по городским делам присутствие» (Ф. 21), «Читинское городское полицейское управление» (Ф. 26). В последнем фонде материалы о ремесленных, кустарных и промышленных заведениях и сведения о справочных ценах на разные припасы в Чите дополняют изучение торгово-промышленного развития города. Также в ведение Читинского полицейского управления входил надзор за санитарным состоянием Читы.

Для изучения сословного и национального состава, демографической структуры городского населения Сибири большое значение имеют материалы учета населения. Данные источники составляют отдельную группу, условно названную «Акты учета населения». Эта группа включает церковные и государственные материалы. В рамках данной статьи рассматривается последняя группа источников. В фонде «Забайкальский областной статистический комитет» (Ф. 19) представлены материалы о количестве и движении населения в городах, уездах и области в целом. Собранные материалы после обработки в дальнейшем использовались для составления справочно-статистических сборников и были опубликованы в ежегодных «Статистических обзорах Забайкальской области» и в «Памятных книжках Забайкальской области». В статистические ведомости об учете населения вошли данные о численности населения, сословном и половом составе, вероисповедании и занятиях жителей Селенгинска, Нерчинска, Верхнеудинска, Читы, Троицкосавска, Акши.

Материалы статистики второй половины XIX – начала XX века наглядно показывают, что основу городского населения по вероисповеданию составили православные. Интересно, что в 1891 году в Чите был проведен учет еврейского населения, было подсчитано общее количество жителей, выявлено число взрослых и детей, а также движение населения⁴. С конца XIX века стал вестись учет национального состава (по родному языку) горожан. Согласно этим данным можно сделать вывод о том, что в забайкальских городах, несмотря на полиэтничный состав населения, преобладали русские. Также статистические источники дают информацию о том, что по сословному составу во всех городах доминировали мещане и крестьяне, только в Чите – военные. Динамику сословного состава можно проследить по материалам архива ГАЗК. Так, например, в 1862 году в Чите к лицам военного сословия (иррегулярные, нерегулярные, бессрочно отпускные и отставные нижние чины) причислили 868 человек, что составило 28,7 % от всего населения Читы⁵. В 1910 году в городе было зарегистрировано офицеров – 740 человек, воинских нижних чинов – 19 484 человека, запасных чинов – 4325 человек. В це-

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 226. Оп. 1. Д. 42. Л. 254.

² Там же. Д. 4. Л. 52 об.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Т. I. Д. 100.

⁴ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 59. Л. 163.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 209.

лом к военному сословию относилось 24 549 человек, удельный вес ко всему населению составил 25,1 %⁶. Следовательно, на протяжении рассматриваемого времени Чита представляла собой военизированный город, где представители военного сословия являлись значительной частью населения.

Демографические процессы в каждом забайкальском городе отражены в статистических сведениях о родившихся, умерших и вступивших в брак⁷. Интересные сведения содержатся в «Итогах переписи населения г. Читы в 1916 году». Данные материалы представляют особую важность в исследовании городской семьи, занятий членов семьи. В переписных таблицах учитывалось общее число городского населения по полу, возрасту и семейному положению. Переписчиками было подсчитано количество отлучившихся лиц, при этом указывалось их временное местопребывание (военная служба, заработки, учеба и т. д.)⁸.

Исследователи неоднократно отмечали значительные недостатки при работе со статистическими материалами. Сбором статистических сведений занимались не подготовленные специально к данной работе лица. Обычно эту работу выполняли служащие местных органов власти, чиновники и полицейские чины. Для статистических материалов были характерны неточность, неполнота, а порой и недостоверность сведений. В конце 1879–1882 году составители отчетов признавали, что статья о движении населения является одной из слабых сторон отчетов по сибирским губерниям. При обработке и применении в работе статистических сведений о движении населения следует проводить тщательную проверку собранного материала, привлекать дополнительные источники, сравнивать и сопоставлять данные с другими сведениями [7, с. 367].

В фонде «Читинский мещанский староста» (ф. 98) представлены некоторые стороны жизни городского населения Читы. В словесный суд поступали жалобы и прошения купцов и мещан. Представители данных сословий ходатайствовали по разным вопросам, преимущественно экономического характера⁹. В фонде также

хранятся общественные приговоры мещанского общества¹⁰.

Культурная жизнь городов Забайкалья отражена в документах Русского географического общества, в фонде «Читинское отделение РГО» (Ф. 115). В 1886 года в Нерчинске открылся публичный музей. Согласно уставу, целью музея было изучение естественных богатств Забайкальского края, этнографических особенностей инородцев и археологических памятников. Он должен был способствовать распространению знаний (антропологических, исторических, естественных, технических, сельскохозяйственных) среди населения¹¹.

Своеобразным и малоизученным историческим источником является мемуаристика, т. е. написанные от первого лица воспоминания автора о минувших событиях, в которых он принимал непосредственное участие. Региональная, и в частности сибирская, мемуаристика также недостаточно применяется современными исследователями. Важную роль в исследовании городского населения Забайкалья играют личные фонды ГАЗК: «Личный фонд М. А. Зензинова» (Ф. 333), «Личный фонд Н. К. Волкова» (Ф. 348), «Личный фонд А. К. Белявского» (Ф. Р-1527), «Личный фонд. Н. С. Тяжелова» (Ф. Р-1411) и др. Авторы оставили интересные сведения об истории городов, повседневной жизни городского населения и семейных отношениях. Для исследователя представляют интерес дневники, записи, путевые заметки, письма и др. В «Личном фонде Н. К. Волкова» сохранились воспоминания о городе Акша, газетные заметки.

В личном архиве нерчинского литератора и краеведа М. А. Зензинова сохранились записи о г. Нерчинске, переписка с близкими и родными. В переписке краеведа отражена повседневная жизнь его семьи. М. А. Зензинов поделился впечатлениями о Нерчинске, каким стал город к 40-м годам XIX века. Со строк автора можно узнать: «Полуразрушенный вид старого Нерчинска, прежнего властителя Даурии. Одни развалины остались от твоей прежней красоты. Где были дома, стали камни и пустыри, поросли высокой полыньей».¹² Далее Зензинов вспоми-

⁶ ГАЗК. Ф. 19. Д. 232. Л. 91.

⁷ Там же. Д. 37, 70, 342 и др.

⁸ Там же. Д. 342. Л. 1-4.

⁹ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1.

¹⁰ Там же. Д. 3, 6, 20.

¹¹ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 36. Л. 164.

¹² Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 226. Л. 3.

нал: «Много развалившихся памятников около церкви. Все разрушилось».¹³

Особую ценность для исследователей представляют неопубликованные воспоминания известного забайкальского краеведа и врача А. К. Белявского. Рукописи автора посвящены населению Забайкалья, г. Сретенску. Он описал нравы и быт забайкальских жителей, подсчитал среднюю продолжительность жизни. В 1912 году Белявский, основываясь на медицинской практике, провел среди учащихся городского училища Сретенска анкетный опрос. Целью анкетирования было определить степень употребления алкогольных напитков среди них. Результаты анкетного опроса оказались неутешительными: ни разу не употребляли алкоголь – 7 % учащихся, ежемесячно употребляют – 13 %, попробовали спиртное в возрасте до 10 лет – 50 %¹⁴. Хронология событий г. Читы во второй половине XIX – начале XX века составлена ученым секретарем Читинского областного краеведческого музея Н. С. Тяжеловым¹⁵. Данная мемуарная работа представлена в летописной форме и повествует о важных событиях города. Автор живописно показал значимые события в Чите.

Таким образом, архивные материалы Государственного архива Забайкальского края являются важным источником изучения городов и городского населения. Они дают богатейший материал по изучению количественного, сословного, конфессионального и национального состава населения. В совокупности с другими видами источников архивные документы позволяют исследовать такие вопросы, как среда обитания, хроника событий, демографические процессы, состав населения, повседневность, экономическая и культурная жизнь горожан. В то же время следует учитывать, что многие материалы не сохранились или находятся в неудовлетворительном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (Географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. 258 с.
2. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2007. 248 с.

3. Козулин А. В. Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX – начало XX века). Улан-Удэ, 2004. 210 с.

4. Неклюдова А. В. Развитие торгово-промышленной сферы городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Иркутск, 2007. 174 с.

5. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие). Улан-Удэ, 2010. 312 с.

6. Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVII–XIX вв. Очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001. 264 с.

7. Кискидосова Т. А. Источники изучения населения городов Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Документ как социокультурный феномен. Томск, 2010. С. 365–368.

¹³ ГАЗК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 226. Л. 16.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 39. Л. 46.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1411. Оп. 1. Д. 1.

СОЗДАНИЕ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕКИСТСКИХ ОРГАНОВ НА ЕНИСЕЕ (1918–1920 ГОДЫ)

А. П. Шекшеев

УДК 94(47). 084.3,5

В данном сообщении освещается начавшееся в соответствии с политикой советской власти создание органов ВЧК на территории Енисейской губернии во время Гражданской войны, последующая их реорганизация в структуры ГПУ-ОГПУ, а затем и в окружные отделы. Показав их внутреннюю структуру, кадровый состав и облик чекистов, автор выявляет нацеленность спецслужб на выполнение решений политического руководства страны.

Ключевые слова: агенты, аппарат, информация, коммунисты, контрреволюция, отделы, расстрелы, репрессии, саботаж, следователи, структура, уполномоченные, чекисты.

CREATION AND REORGANIZATION THE CHEKIST ORGANS ON THE YENISEI (1918 – 1920-IES)

A. P. Sheksheev

This report highlights began in accordance with the policy of Soviet power, the organs of the Cheka in the territory of the Yenisei province during the Civil war, their subsequent reorganization in the structure of the GPU-OGPU, then and in County offices. Showing their internal structure, staffing and appearance of security officers, the author identifies the focus of intelligence services on the implementation of the decisions of the political leadership of the country.

Keywords: agents, system, information, the Communists, the counter-revolution, departments, shootings, reprisals, sabotage, investigators, structure, commissioners, security officers

Организация советских чрезвычайных органов традиционно связывалась историками с обострением ситуации в Петрограде. В декабре 1917 года Совнарком одобрил создание Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), основная задача которой заключалась в том, чтобы «пресекать в корне все контрреволюционные и саботажные дела ... по всей России» [1, с. 140]. По мнению же некоторых исследователей, создание ВЧК было обусловлено стремлением большевиков осуществлять свою идеологическую доктрину [2, с. 28]. Опубликовав обращение «Ко всем Советам на местах», ее центральный аппарат санкционировал интенсивную организацию своих органов на местах.

Между тем в Сибири они создавались несколько позднее и не повсеместно. Например, в Красноярске Временная чрезвычайная комиссия была организована Военно-Революционным штабом Енисейского губернского исполкома для расследования обстоятельств возникновения так называемого казачьего мятежа лишь 20 января 1918 года. Рассмотрев постановление ВЧК от 22 марта 1918 года, члены исполкома 2 апреля решили создать в губернском центре специ-

альную и действующую на постоянной основе комиссию и утвердили ее состав в лице председателя Г. И. Пекаржа, членов А. Н. Грецова, Маркжика и секретаря А. Киценко. После обсуждения чекистской инструкции об организации подобных органов комиссия 25 мая 1918 года объявила, что она создана при губернском исполкоме с целью борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, и заявила о распространении своего влияния на всю территорию губернии.

В действительности же деятельность первых чекистов была ограничена пределами Красноярска и Минусинска. Она выражалась в основном в задержании незначительного количества лиц купеческого сословия, бывших офицеров, расхитителей денежных средств, распространителей прокламаций, провокаторов, призывавших обывателей к погромам и пытавшихся спровоцировать население на антибольшевистское выступление. 4 июня 1918 года Енисейская губернская чека обратилась через газету «Красноярский рабочий» с просьбой к населению содействовать в ее работе путем предоставления устных или письменных заявлений о «контрре-

волюционных» замыслах, деятельности спекулянтов, взяточников и местонахождении товаров. Чекисты возбудили уголовные дела против лиц, произносивших погромные речи и оскорблявших защитников советской власти. 10 июня чека начала расследовать мятежные события в с. Рыбинском Канского уезда¹ [3, с. 473]. Но деятельность ее оказалась по времени короткой и прерванной антибольшевистским переворотом.

В начале 1920 года советская власть создала Полномочное представительство (ПП) ВЧК, которое и было обязано наладить чекистскую работу в Сибири. Вместе с тем в Красноярске чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности была образована еще и под воздействием обстоятельств, и по инициативе местной советской власти. Имевшее место к тому времени скопление в городе больших масс военнопленных белой армии и беженцев, переживших жизненную катастрофу, слабость и непоследовательность действий советских органов по налаживанию их существования способствовали повышению уровня взрывоопасности ситуации. Предотвратить ее и должны были организуемые новой властью спецслужбы.

Согласно одной из версий² [4, с. 44, 90], Енисейская губернская чека начала функционировать со времени начавшегося антиколчаковского восстания, а по другой³ – с 8 января 1920 года, когда был образован Военно-революционный комитет. На должность председателя комиссии был выдвинут А. И. Мосолов, вскоре замененный И. Г. Фридманом. Но для того, чтобы она функционировала в полном объеме, местных сил было недостаточно. Удовлетворяя ходатайство региональных властей, Президиум ВЧК прислал из Москвы целый штат ответственных лиц, пополнивших не только губернскую, но и уездные чека. Во главе губернской комиссии 6 марта 1920 года был назначен В. И. Вильдгрубе. Согласно его приказу, местная чека учреждалась в составе секретно-оперативного, юридического отделов и комиссии по хозяйству⁴.

К маю 1920 года штаты чекистов в Красноярске увеличились с 127 до 166 человек, а численность членов РКП(б), благодаря притоку коммунистов, посланных на чекистскую работу примерно в то же время, – с 14 до 34. Среди первых чекистов были бывшие подпольщики, партизаны и даже студенты. Руководящую работу в чека часто выполняли особо преданные революции интернациональные кадры, в частности латыши и евреи. Возглавляемая коллегией губернская чека состояла из общего, секретного и особого отделов. Самым большим по численности сотрудников был секретный отдел, вскоре слившийся с особым. Основными работниками являлись уполномоченные, которые занимались вербовкой агентуры и разработкой оперативных комбинаций. В обязанность данных лиц входило и проведение следственных действий. Многочисленной категорией чекистов были и так называемые «комиссары», занимавшиеся обысками и арестами, выполнением особых поручений, а также агенты, осуществлявшие внутреннее и наружное наблюдение за подозрительными лицами. Чекистские органы даже по разнообразию штатных единиц представляли собой некую замкнутую в себе категорию людей, способных существовать в своем собственном кругу⁵.

Финансовое обеспечение губернской чека, находившейся на содержании государства, являлось сравнительно высоким. Но кроме зарплаты первое время чекисты вознаграждались за труд конфискованными у населения вещами и продуктами. Было организовано поступление информации с мест, которая исходила от уполномоченных и их помощников, а к ним от волостных и сельских осведомителей. Охрану органов несли войска ВОХР, а затем созданный дивизион войск ВЧК. С 15 апреля 1920 года чекисты обзавелись и собственной следственной тюрьмой.

Несмотря на то, что советская власть запретила создавать уездные чека без санкции Совнаркома, в Сибири в силу сложности политической обстановки практиковалась организация при уездных ревкомах уголовно-следственных комиссий. Созданные под давлением различных обстоятельств, они сначала не располагали

¹ Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. Р. - 1913 с. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; Д. 28. Л. 1; Д. 11. Л. 1.

² Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р. - 1. Оп. 1. Д. 186. Л. 64.

³ ГА КК. Ф. Р. - 49. Оп. 2 с. Д. 6. Л. 3.

⁴ ГА НО. Ф. П. - 1. Оп. 1. Д. 412. Л. 40; ГА КК. Ф. Р. - 1913 с. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁵ ГА КК. Ф. Р. - 53. Оп. 1. Д. 210. Л. 5–5 об.; Оп. 2. Д. 96. Л. 101; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р. - 393. Оп. 25. Д. 38. Л. 16, 18, 20, 28.

качественными работниками и широкой сетью осведомителей. Начавшиеся складываться антагонистические отношения между чекистами и партийно-советскими управленцами заставили губернский орган РКП(б) 23 июня 1920 года проголосовать за реорганизацию уездных чека в политбюро, подчиненных еще и управлению губернской милиции. Пополнившись после перерегистрации новыми работниками, они в 1921 году вернулись в систему чекистского ведомства⁶.

В соответствии с документами советской власти спецслужбы являлись органами одновременно дознания, правосудия и исполнения приговоров. На местах они отчитывались перед советскими органами о своей деятельности в целом, в специфических же вопросах действовали самостоятельно. Одной из главных сфер деятельности чекистов являлась вербовка осведомителей. Агентурный аппарат формировался как из коммунистов и комсомольцев, так и лиц социально чуждой среды, которых делали агентами с помощью принуждения и угроз.

Пытаясь улучшить отношения и наладить деловое сотрудничество между разными ведомствами на местах, сибирское руководство выстраивало вертикаль власти, в которой партийно-советским органам отводилось главное место. Чекисты же, которые в силу особенностей и значимости своей работы выделялись в коммунистической иерархии, не сразу пришли к пониманию необходимости аппаратной подчиненности. В Красноярске это вылилось в конфликт между партийно-советским и чекистским руководством, закончившийся перемещением скомпрометировавших себя чекистов на другую работу за пределами Енисейской губернии.

Борьба партийно-советских и чекистских управленцев высветила самые мрачные и неприглядные стороны жизнедеятельности и самой губернской чека. Несмотря на проведенную ревизию ее состояния и усиление контактов чекистов с партийно-советскими органами, обусловленные кадровой обеспеченностью аморальными лицами «родимые пятна» вроде пьянства, шпиономании, жестокого отношения к арестованным и подследственным, использования в личных целях конфискованного имуще-

ства и зависимых от них людей так и не были изжиты.

С введением НЭП деятельность чекистов стала более сложной и многогранной. Они нацеливались на разоблачение и ликвидацию уже не явных контрреволюционеров, а скрытых врагов советской власти. Применительно к новым служебным требованиям изменился и аппарат чека. Согласно указаниям партийно-советского и ведомственного руководства, чекистские органы подверглись очередной чистке, пополнению их партийно-советскими работниками. В результате кадровых перетрясок и реорганизации в аппарате наряду с «костоломами» появились и стали работать лица, проявлявшие склонность к более тонкой работе.

Переориентация деятельности органов ВЧК происходила и путем создания специальных подразделений: в 1921 году в их структуре образовалось экономическое управление, из секретного отдела выделился информационный отдел⁷. В Енисейской губернской чека был создан еще и военно-цензурный отдел. С целью усиления контактов с партийными управленцами и в соответствии с приказом по чекистскому ведомству состав ее коллегии отныне стал утверждаться региональным руководством РКП(б) [4, с. 77].

Итоги и перспективы деятельности губернского чекистского ведомства были заявлены его руководителем на собрании ответственных работников в Красноярске 30 августа 1921 года. Выступая с докладом «Политическое положение в Сибири и задачи ЧК», Р. К. Лепсис подчеркнул особую значимость функционирования чекистов в таком регионе, как Енисейская губерния, где все еще находилось, согласно его мнению, значительное количество колчаковцев⁸. Но в декабре того же года В. И. Ленин на IX Всероссийском съезде Советов предложил в связи с переходом страны к мирному строительству реорганизовать органы ВЧК, ограничив их компетенцию политическими задачами.

Создание в феврале 1922 года вместо Всероссийской чрезвычайной комиссии Государственного политического управления (ГПУ) заметно сузило права чекистов. Однако вскоре они вновь стали наделяться чрезвычайными внесудебными полномочиями. Соответственно

⁶ ГА КК. Ф. Р. - 53. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; ГА НО. Ф. Р. - 1. Оп. 1. Д. 186. Л. 65–65 об., 90–91; Ф. П. - 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 58.

⁷ ГА НО. Ф. П. - 1. Оп. 2. Д. 118. Л. 21.

⁸ ГА НО. Ф. П. - 1. Оп. 2. Д. 138. Л. 11.

с реорганизацией центрального ведомства осуществлялось преобразование спецслужб и на местах. Вместо губернского чека в Красноярске был создан Енисейский губернский отдел ГПУ (ГО ГПУ). Его первым начальником с 25 марта 1922 года был назначен бывший руководитель Алтайской губернской чека Х. П. Щербак (встречается и Щербок).

Первоначально громоздкий и рыхлый аппарат органов укомплектовывался коммунистами, очищался от бывших партизан с их сепаратизмом и получил компетентное руководство в лице опытных чекистов. Но в силу специфических кадровых подходов штаты органов оставались слабо подготовленными в правовом отношении и отчасти, по мнению историков-специалистов, склонными к криминалу.

На основании специального положения в Енисейской губернии был введен институт уполномоченных ГПУ, в обязанности которых входили организация уездных аппаратов и руководство данными органами. Уполномоченными, например, по Ачинскому и Минусинскому уездам с середины 1922 и по начало 1924 года являлись Х. А. Вайнтриб и Я. П. Пакалн. Штаты аппаратов уездных уполномоченных ГПУ устанавливались в зависимости от размеров территории и населенности уезда. Например, в Минусинске к 11 апреля 1923 года местное отделение ГПУ состояло из 10 «гласных» сотрудников и троих прикомандированных. На 20 августа того же года здесь имелись следователь, четыре сотрудника следственного аппарата и восемь технических работников⁹. Как правило, чекистов в уездах для выполнения оперативной работы не хватало, а в деревне они не отвечали своему назначению.

Выполнение специфических задач, стоявших перед органами, обеспечивалось наличием у них специальных воинских подразделений. К примеру, в Енисейском уезде в конце 1923 года при ГПУ имелся конвойный отряд, насчитывавший 11 красноармейцев. Близость границы заставляла держать в с. Ермаковском и г. Минусинске Енисейское особое пограничное отделение № 3 Особого отдела ГПУ Восточно-Сибирского военного округа, возглавляемое с 29 мая 1922 года по 6 сентября 1924 года П. Ю. Берзиным. В его ведении находились войска специального на-

значения, разбросанные по семи заставам. В январе-феврале 1924 года в Минусинске был дислоцирован эскадрон войск ГПУ. Там же и в с. Арбаты, Кужебаре и Усинском в конце этого же года присутствовали красноармейцы из Красноярского отряда ГПУ¹⁰.

С принятием Конституции РСФСР и образованием СССР ГПУ было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. 15 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР утвердил Положение об ОГПУ СССР и его органах, где были определены его функции и права. К этому времени образовался Хакасский уезд, и соответственно с приказом по управлению от 3 марта и постановлением уездного ревкома от 29 марта 1924 года открылся новый отдел по его обслуживанию, насчитывавший пятерых сотрудников¹¹. Этим органом до марта 1925 года руководил переведенный из Минусинска Пакалн. В Минусинске же начальником уездного отдела ОГПУ по совместительству был назначен Берзин.

Органы ГПУ/ОГПУ унаследовали у ВЧК не только кадры, но и структуру подразделений, методы работы, негласный агентурный аппарат, традиции, классовый характер своего учреждения, связь и сложные отношения с партийными и другими правоохранительными органами. Чекисты сохранили и присущий им кастовый, обособленный мир жизни. Внеслужебное общение их проходило в специальном клубе, созданном при губернском органе ВЧК. С апреля 1923 года здесь начали работать кинематограф и кафе. Сотрудниками, объединенными в общество «друзей клуба», выпускалась стенная газета [2, с. 99].

Аппарат Енисейского губернского отдела ГПУ/ОГПУ состоял из общей, секретно-оперативной части, особого, экономического, политического контроля и информационного отделений. Вследствие продолжавшейся борьбы с бандитизмом или повстанчеством непосредственно для ее осуществления в губернском органе существовал специальный отдел. Начальником Енисейского губернского отдела ГПУ с 9 февраля 1923 года был назначен А. А.

⁹ ГА НО. Ф. П. - 1. Оп. 2. Д. 276. Л. 87; Ф. П. - 2. Оп. 1. Д. 699. Л. 396.

¹⁰ ГА НО. Ф. П. - 2. Оп. 1. Д. 88. Л. 4; Д. 688 а. Л. 392; Д. 2093. Л. 380; ГА КК. Ф. Р. - 49. Оп. 1. Д. 337. Л. 200.

¹¹ Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ НА). Ф. Р. - 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 22.

(или В. И.) Денисов. 8 марта того же года его сменил В. Ф. Тиунов, проработавший в должности руководителя губернского отдела ОГПУ до октября 1925 года.

С упразднением губерний губернские и уездные аппараты ОГПУ были вновь реорганизованы. Начиная с середины 1920-х годов основной структурной единицей спецслужб стали окружные отделы Полномочного представительства ОГПУ (ПП ОГПУ) по Сибирскому, затем Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям. Отделы сильно отличались по численности сотрудников. В категорию средних по этому показателю входил, например, Красноярский окружной отдел, в котором служили 36 чекистов. Небольшими являлись окружные отделы в Ачинске, Канске и Минусинске, в которых находились соответственно 15, 14 и 11 сотрудников. В Хакасии такой отдел составляли даже семь человек. Из данных лиц 20–30 % были беспартийными [2, с. 190–191].

Окружные отделы неоднократно подвергались внутренней реорганизации. Главными в их структуре являлись информационные отделения (ИНФО), начальники которых были заместителями руководителей окружных отделов. В контрразведывательном, секретном и особом отделах существовали отделения, а в небольших окружных отделах – уполномоченные. Отделы в структурном отношении совершенствовались и порой объединяли и отделения, и уполномоченных. В составе, например, Минусинского окружного отдела ОГПУ к 1928 году действовали информационное, секретное и экономическое отделения, отделение контрразведки, а также участковые уполномоченные. До 15 сотрудников на 1 января 1928 года и 16 – к июню того же года расширились штаты Хакасского окружного отдела ОГПУ. Из них два сотрудника являлись женщинами и один – по национальности хакасом.

Окружные отделы ПП ОГПУ по Сибирскому краю на Енисее возглавлялись коммунистами, имевшими опыт революционной и чекистской работы. Руководителем Красноярского отдела с октября 1925 года по август 1929 года являлся М. М. Чунтонов, Ачинского отдела – К. Я. Крумин. Начальником окружного отдела ПП ОГПУ по Сибирскому краю в Минусинске в 1925–1928 годах был Н. Н. Зинуков. Руководство окружным отделом ОГПУ в Хакасии осуществлял с июля или октября 1925 года С. В. Шкитов, слу-

живший здесь начиная с конца 1922 года уполномоченным.

Пополнение кадров было актуальной задачей на протяжении всего времени существования органов ОГПУ. В целом по Сибири текучесть их штатов из-за невысокого качества работников и других факторов ежегодно составляла 25 %. Штаты спецслужб пополнялись в основном демобилизованными военными пограничных частей и войск ОГПУ.

На территории Приенисейского региона, кроме отделенческой структуры, продолжали существовать и специальные подразделения ОГПУ. Охраняя границу с Тувой, в с. Усинском на четырех заставах и постах с 1925 года нес службу отряд ОГПУ, насчитывавший до ста красноармейцев [5, с. 139].

С самого начала существования чекистского ведомства складывался особый психологический тип работавших в нем людей, которые составляли мощную контрразведывательную и репрессивную машину. В то же время злом, разлагавшим ряды чекистов, являлись пьянство, использование ими незаконных арестов, избиений и издевательств над арестованными. Несмотря на то, что сотрудники, виновные в преступлениях и неблагоприятных поступках, наказывались в служебном или уголовном порядке, они еще не раз проявляли себя на службе.

В чекистском ведомстве находились и сторонники внутривластной оппозиции. «Уклон» в сторону рабочей оппозиции, например, имел начальник отдела К. Я. Крумин. Будучи коммунистом, не успевшим должным образом «провариться» в котле спецслужб, сотрудник минусинского отдела Д. Н. Семенов, публично выражая поддержку оппозиционерам, отказался доносить на товарищей-партийцев. Как и в первое время своего существования, органы становились временным приютом для лиц из враждебного лагеря. Например, в 1925 году был арестован и уволен как бывший торговец и колчаковский милиционер начальник ОДТО ОГПУ ст. Иланская в Канском округе Н. С. Савельев.

По мнению некоторых историков, чекисты делились на фанатиков-идеалистов и преступников-карьеристов, которым одинаково были присущи ощущение избранности, конспиративность, тяга к фабрикациям дел и защита корпоративной чести. Некоторые рядовые оперативники, верно угадывая направление той или иной политической кампании, сделали карьеру до-

носами на вышестоящее начальство. Отношение населения к чекистам было враждебным: их боялись и ненавидели. С настороженностью воспринимали сотрудников ГПУ/ОГПУ и в партийно-советской номенклатуре [2, с. 250, 252, 255, 259–260, 264; 6, с. 335–336, 352, 356].

Порожденное революцией и послевоенным состоянием общества, чекистское ведомство было готово выполнить любые приказы своего коммунистического руководства и жесткими методами выстраивать и защищать советское государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997. 355 с.

2. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. 288 с.

3. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июль 1918 г. Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов: Сб. док-в. Красноярск, 1960.

4. Бушуев В. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск, 2000. 397 с.

5. Круподер О. В. Кадровая политика органов госбезопасности в 1923–1934 гг. (на материалах хакасского аппарата ОГПУ) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Серия: история. № 4–3 (60). С. 137–140.

6. Тепляков А. Г. Дневник чекиста Семенова, или Голгофа воинствующего троцкиста и безбожника // Голоса Сибири: литературный альманах. Вып. 4. Кемерово, 2006.

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ КИТАЙЦЫ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ (1932–1938 ГОДЫ)

В. Г. Дацышен

УДК 94(571)

Статья посвящена судьбе интернированных на Дальнем Востоке китайских солдат и гражданских лиц, оказавшихся впоследствии на территории Хакасии. После вступления японских войск в 1931 году на территорию Маньчжурии потерпевшие поражение китайские отряды и часть местного населения, не признавшие марионеточное прояпонское государственное образование Маньчжоу-го, перешли на территорию Советского Союза. В Хакасии труд китайцев и корейцев вплоть до их репатриации в 1937–1938 годах использовался в основном на угольных рудниках поселка Черногорка.

Ключевые слова: японская агрессия, Маньчжурия, интернированные китайцы и корейцы, Хакасия, Черногорка, репатриация, репрессии.

THE INTERNED CHINESE IN THE PRIYENISEI REGION (1932 – 1938)

V. G. Datsyzen

The article is devoted to the destiny of interned in the Far East Chinese soldiers and civilians, who appeared subsequently in the territory of Khakassia. After Japanese armies' invasion into the territory of Manchuria in 1931 whipped Chinese troops and a part of local people, who had not acknowledged the puppet pro-Japanese State education of Manchukuo, moved to the territory of the Soviet Union. In Khakassia labor of the Chinese and Koreans was used mainly at coal mines of Chernogorsk village up to their repatriation in 1937-1938.

Key words: Japanese aggression, Manchuria, the interned Chinese and Koreans, Khakassia, Chernogorka, repatriation, repressions.

Интересной, но только недавно привлекавшей внимание исследователей страницей истории Саяно-Алтая было интернирование в Сибири китайских армий и длительное время прожива-

ния в Черногорске нескольких сотен китайских солдат. Однако благодаря сохранившимся в различных архивах документам сегодня можно полностью восстановить историческую картину истории интернированных китайцев в Приенисейском крае в 1930-х годах.

Появление интернированных китайцев в СССР было обусловлено началом в 1931 году японской агрессии на Дальнем Востоке. Часть китайского населения и местных войск не признали прояпонское государственное образование Маньчжоу-го, оказали сопротивление японским войскам и их китайским союзникам. Советский Союз, при наличии симпатий советского руководства и общественности к справедливой борьбе китайского народа, объявил о нейтралитете в японо-китайском конфликте. 23 сентября И. В. Сталин озвучил установку: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно» [1, с. 34]. В начале марта 1932 года в одной из передовиц газеты «Известия» в очередной раз было заявлено: «СССР с первых дней дальневосточного конфликта занял позицию твердого нейтралитета. Симпатии трудящихся Советской страны к китайскому народу, изнывающему под гнетом империалистической эксплуатации, конечно, являются фактом бесспорным. Но это сочувствие освободительной борьбе китайских рабочих и крестьян ни в коей мере не нарушило той неуклонной линии строгого невмешательства, которая естественно вытекала из общей мирной политики Советского Союза»¹. Вопреки официальной позиции СССР, китайские силы сопротивления в поисках спасения постоянно переходили советскую границу.

Переход китайских отрядов на советскую территорию начался после первых поражений китайских сил сопротивления. Исследователь С. М. Силонов нашел в сибирских архивах документы, указывающие на интернирование бежавших в СССР в районе станции Иман в июле 1932 года – отряда в 70 человек во главе с «Литау» [2]. В ноябре 1932 года несколько сотен человек армии «Красных пик» под командованием Лю Пина после поражения под г. Фуцзин перешли границу и были интернированы. Наибольшую известность получила история интерниро-

вания армии генерала Су Бинвэня, перешедшего со станции Маньчжурия в Забайкалье в декабре 1932 года [3]. Данные об общем числе интернированных в эти дни китайцев разнятся. В циркуляре ОГПУ от 7 декабря 1932 года говорится: «По приблизительному подсчету на 6 декабря задержано 3147 человек, из них офицеров – 443, солдат – 1801, граждан – 903»². По данным известного синоведа и участника этих событий М. И. Сладковского всего интернировано было 4117 человек, в том числе 11 генералов, 17 полковников, 389 офицеров, 2400 солдат, 1300 гражданских лиц, в том числе около 650 женщин и детей [4, с. 186]. Согласно сообщению ТАСС, опубликованному 21 декабря 1932 года в газете «Известия», границу «перешло 2890 военных и 1200 гражданских лиц (в том числе 347 женщин и 306 детей)»³.

Вскоре на русскую территорию начался массовый переход китайских войск в Приморье. По данным ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края: «В течение 9 и 10 января на нашу территорию (Приморье) интернировалось около 4 тысяч человек китайских войск, принадлежащих к группировкам Ван-Де-Лина и Ли-Ду»⁴. В секретном сообщении от 14 января 1933 года говорилось: «За 11 января были интернированы следующие части: 650 солдат, 40 офицеров, 14 офицеров штаба дивизии, один из них – генерал (Сын-Джин-Чин), 672 солдата китполка 1-й дивизии охранных войск КВЖД, 50 человек отряда «Красных пик» с одним офицером... 200 человек киткавалерии. Отдельные отступающие группы Ванделиновских частей продолжают переходить на нашу территорию, где разоружаются. Интернировавшийся генерал Ли 11 января в 15 часов направлен в Хабаровск»⁵. По данным НКВД СССР, 9–13 января 1933 года на территорию СССР перешло и было интернировано из армии Ван Дэлиня около 3,5 тысяч человек [5, с. 146], из армии генерала Ли Ду – более 2 тысяч. Переходы китайских войск через границу продолжались и в дальнейшем.

9 марта 1933 года глава советского военного ведомства К. Е. Ворошилов и глава советских спецслужб Г. Г. Ягода подписали секретный приказ, предписывающий интернировать толь-

¹ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.

² Там же. Л. 51.

³ Документы внешней политики СССР. Т. XV. М., 1969.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ко высший и старший командный состав китайских армий, а остальных при переходе границы разоружить и предупредить, что они должны или немедленно стать на работу, или убраться обратно. Тем не менее переходы продолжались в 1933, в 1934 годах и в дальнейшем.

Следствием самовольного перехода на советскую сторону нескольких тысяч китайских солдат стала проблема их дальнейшей судьбы. Японские представители требовали выдачи китайцев как преступников. В советских документах и СМИ появились сообщения о желании китайцев остаться жить в СССР. В секретном циркулярном сообщении ОГПУ ВСК от 7 декабря сообщалось: «Интернированные китсолдаты восхищаются своим прибытием в СССР... Хотят остаться в СССР и расселиться в ВСК и ДВК, так как, по их мнению, в скором времени между СССР и Японией вспыхнет война, и они желают вместе с РККА с оружием в руках бороться против Японии»⁶. В газетной статье «Су Бинвэнь едет в Европу» можно было прочитать: «...Что касается интернированных рядовых солдат армии генерала Су Бинвэня, то значительная часть их выразила желание остаться в СССР на работе»⁷.

Сами китайцы стремились на родину. 7 декабря 1932 года из штаба Забайкальской группы войск сообщали в Москву: «Су Бинвэнь... обратился к нашему представителю с просьбой направить своих офицеров и солдат во Владивосток и лично их сопровождать. Просит Правительство СССР взять обязательство по доставке в Шанхай в том числе полицейских, вывезенных из Маньчжурии. Намерен из Владивостока просить разрешение выехать в Москву для принесения лично благодарности Правительству за оказание услуги. Просят 170 человек тяжело раненных до излечения оставить в советских госпиталях» [6, с. 128].

Интернированных в Забайкалье китайских военнослужащих решили перебросить в Западную Сибирь, подальше от границы. 11 декабря 1932 года из Сибкрайкома сообщили, что по распоряжению Москвы томские учреждения Сиблага в двухдневный срок должны принять китайскую армию. Вскоре крайком уточнил, что направляется 4 тысячи человек, в том числе 11 генералов, 322 офицера, 6 чиновников, 49

студентов, 2500 солдат, 159 полицейских, а также гражданские лица. Решение было принято без учета мнения местных властей. Интернированных китайцев размещали в учреждениях Сиблага в районе Томска, за счет средств военного ведомства. Первый эшелон с семью сотнями китайцев армии Су Бинвэня направился в Сибирь со станции Даурия 11 декабря 1932 года.

Большую часть интернированных в Приморье китайцев также направили в Сибирь. 11 января 1933 года руководство ОГПУ Восточно-Сибирского края сообщило исполнявшему обязанности командира Особой Краснознаменной Дальневосточной армии Сангурскому: «На сегодняшний день мы имеем интернированных китайских солдат (не считая офицеров) примерно 3500 человек; вероятно, эта цифра завтра еще увеличится. Ворошилов указал на возможность использовать их на работах западу от Байкала, о чем подробно поручил мне договориться Зирнисом. Пока не выяснено, кто из них согласен работать. Прошу Вас указать потребность Вост.-Сиб. края в подобной рабсиле, а также сообщите Ваши соображения о порядке и сроках отправки этой рабсилы Вост.-Сиб. край. Мы пока не имеем возможности проводить опрос желающих работать, ибо интернированные прямо с границы и отправляются Хабаровск... Конкретно намечено: 1) такого полуфабриката направить Вам сразу тысячи две; 2) из остальной группы выделить только желающих работать, прочих задержать районе Хабаровска; 3) офицерский состав впредь до распоряжения Москвы также задержать ДВКрае. Посему прошу: 1) дать соображения, куда направлять эти две тысячи; 2) какая потребность ВСКрая в рабсиле и 3) прошу выяснить потребность ЗапСиб. края. На эти вопросы надо мне получить ответ как можно скорее...»⁸.

В архивных фондах сохранились материалы переговоров между руководством ОГПУ и военным командованием на Дальнем Востоке по поводу размещения китайцев в Центральной Сибири: «Вы предлагаете принять Красноярск для окончательного решения, прошу ответить (сколько можно принять размещению Красноярск, не затрагивая квартирного фонда). Вы, вероятно, предполагаете интернированных использовать на работах, в таком случае куда девать тех, которые не изъявят желание работать,

⁶ ГАНИИО. Ф.123. Оп.1. Д.198. Л.53.

⁷ Красноярский рабочий. 1932. 17 декабря.

⁸ ГАНИИО. Ф.123. Оп.1. Д.533. Л.9-10.

и сможете ли обеспечить их продовольствием. Выявить количество желающих работать можно будет после размещения, во время пути опросить нельзя. ПАВЛОВ. Я сообщил Сангурскому, вторично сообщаю Вам, что принять такого количества, как 4000 человек, мы не имеем возможности. Поэтому прием 2000 человек Красноярске является вынужденным, ни помещением, ни питанием мы их обеспечить не можем. Видимо, придется держать значительную часть из этого количества вагонов. Мне было заявлено т. САНГУРСКИМ, что он сделает распоряжение т. Горбачеву о предоставлении жилплощади военведа, этого до сих пор нет. На мой вопрос запросить Наркомвоенмор, как быть с интернированными, не желающими работать в Союзе, совершенно очевидно, что разместить такую массу людей и найти для них помещения как Красноярске, так и других городах края, мы не можем. Равно не можем обеспечить питанием, продовольствием этих 4000 человек. Прошу все это учесть при направлении к нам интернированных. Необходимо немедленно разрешить эти вопросы с Москвой. Мы можем принять только тех, которые изъявят желание остаться на работу... ЛАВРОВ. Велят на первую партию интернированных разместить город Ачинск попечением комдива красноярской. Питание будем выдавать из продскладов по нормам, установленным для интернированных. Таким образом, вы сможете взять на работы их из Ачинска. Вторую партию придется задержать вагонами, а затем разместить в Ачинске взамен ушедших на работы. Окончательное решение Вам сообщу прямо по проводу. ПАВЛОВ. Хорошо, повторяю, мы принимаем только тех, которые изъявят желание остаться у нас на работах»⁹.

К 14 января 1933 года численность интернированных, подготовленных к переброске из Дальневосточного края в Сибирь, составила 4 тысяч человек. В этот день из Хабаровска были отправлены первые два эшелона, в которых находился 1721 интернированный, в том числе 260 офицеров. Вслед за ними на запад выехали еще 1500 человек. Солдаты армий Ли Ду и Ван Далина были размещены в теплушках на станциях Красноярск и Ачинск.

Советское руководство и население страны к интернированным китайцам относились с не-

доверием. Это была та самая армия, с которой сибиряки воевали всего два года назад. Прием китайских солдат в России резко ухудшил советско-японские отношения. В статье «Общественное мнение Японии возмущено дерзким поведением СССР», напечатанной в русской эмигрантской газете в Харбине, говорилось: «Дерзкое поведение СССР по отношению к Маньчжу-Го началось еще в начале нынешнего года, когда в результате предпринятых японскими войсками действий главаря мятежа Су Бинвэнь, Ма Чжань-сен и за ними Ли Ду, Ван Делин и другие устремились на советскую территорию и нашли там теплый прием и гостеприимную встречу... видные японские деятели предупреждали советских представителей, что в случае невыдачи мятежников общественное мнение Японии будет возмущено действиями Советского Союза. Невзирая на эти предупреждения, советское правительство отказалось выдать мятежников и даже рискнуло на проявление открытого недоброжелательства по отношению к Маньчжу-Го и японским войскам, ведущим в новом государстве кампанию по установлению мира. Так, мятежники со своими вождями при полном вооружении были отправлены на советских пароходах из Владивостока в Тяньцзин как раз в тот момент, когда в Северном Китае происходили военные действия...»¹⁰.

Советское руководство приняло решение отправить интернированных китайцев на родину. В Сообщении ПП ОГПУ ВСК от 22 марта 1933 года говорилось: «Интернированные войска ген. СУ БИНВЭНЯ из Томска и Красноярска направлены в Китай южным путем. Гражданские лица, прибывшие из Маньчжурии вместе с интернированной армией СУ БИНВЭНЯ, отправлены в Китай через Владивосток в феврале месяце»¹¹. Действительно, эшелоны с китайскими солдатами были направлены в Казахстан, а с гражданскими лицами – во Владивосток. Из Владивостока 1,5 тысячи китайцев были отправлены на родину на пароходе 9 марта [5, с. 146]. Китайские генералы 19 апреля пересекли границу с Польшей. К 20 апреля 1933 года через границу в Синьцзян выехало 8609 китайских солдат, а 10 мая 1933 года из Иркутска в Аягуз выехала последняя группа интернированных военных, отправленных на роди-

⁹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Л. 11-12.

¹⁰ Гун-Бао. 1933. 8 сентября.

¹¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 533. Л. 3.

ну через Синьцзян. Следует отметить, что и в дальнейшем имелись случаи репатриации интернированных китайцев с Дальнего Востока через Сибирь, на это указывает Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 сентября 1939 года: «Принять предложение НКВД об отправке интернированной роты маньчжур (находящейся на разъезде Хунхуз) в Казахстан для дальнейшей эвакуации в Синьцзян»¹².

В марте 1934 года в Сибирь вновь было направлено около 1 тысячи китайских солдат и партизан. В состав этой партии были включены бойцы 4-й дивизии «Красных пик» (более 800 человек интернированных к началу 1934 года), а также партизаны отряда Чун-ди-чуна (128 человек) из приграничного с Кореей района. В ночь на 15 марта 1934 года китайцев доставили под охраной в Красноярске, а 16-го эшелон проследовал далее, на запад. Большую часть этих китайцев, около 800 человек, направили на Кузбасс.

Часть отправленных на запад интернированных китайцев, всего 200 человек, 16 марта из Ачинска направили в поселок Черногорка, где еще весной 1933 года было размещено около 300 интернированных корейцев из Маньчжурии. Следует отметить, что китайский труд к тому времени уже несколько десятилетий использовался на черногорских угольных коях. Накануне Революции 1917 года около ста китайцев работали здесь на коях купчихи В. Е. Баландиной [7, с. 119]. В Хакасию в марте 1934 года был направлен партизанский отряд Чун-ди-чуна (128 человек) и 72 человека из подразделения восставших «Красных пик» во главе с Ван-мю-джю [8, с. 67]. В конце мая 1934 года секретарь Хакасского обкома ВКП(б) докладывал в Красноярский крайком ВКП(б): «19 марта 1934 года без предварительной ориентации РК, Обкома и хозяйственного руководства Черногорки – прибыло 200 человек китайцев (при таких же обстоятельствах 18). Это обстоятельство чрезвычайно затруднило нас, ибо неясно – с какой целью присланы, сколько времени пробудут, что за люди. Переводчиков нет, ресурсов для снабжения, на первые хотя бы дни, пока люди «акклиматизируются», не указано»¹³. По прибытии на рудник интернирован-

ные были разбиты по группам (взводам), во главе которых поставлены командиры, отвечавшие за поддержание дисциплины и выход на работу. Такая форма организации труда сохранялась до середины 1935 года.

Контингент интернированных китайцев несколько раз пополнялся. Во второй половине 1934 года в Хакасии дополнительно было размещено 65 интернированных китайцев. В числе вновь прибывших были жена пропавшего без вести генерала Чжан Сихоу с тремя малолетними детьми и семья военного врача Цоу-До-Цая, в которой кроме жены были восемь дочерей, два сына и три внука. В Черногорку же доставили пять малолетних китайских «беспризорников». В 1935 году прислали еще несколько человек. Но фиксировалась и убыль, например, из первой партии интернированных китайцев трое сразу сбежали из Черногорска [9, с. 140]. В начале 1936 года в бегах числилось 44 китайца [8, с. 98]. По данным Управления НКВД по Красноярскому краю, общая численность интернированных китайцев, размещенных в Хакасии, составляла в 1935 году от 300 до 400 человек.

Состав расселенных в Черногорске интернированных китайцев был неоднороден. Присутствовали все возрастные группы, самому старшему 66 лет. Китайцы были из разных провинций, но большинство, более 100 человек, – из провинции Шаньдун. Среди китайцев были горожане и сельские жители, они были представителями разных профессий и социальных слоев, некоторые имели криминальное прошлое.

Трудоспособные интернированные китайцы были размещены на строительстве (115 человек) и по производственным участкам Черногорского рудника: шахта № 3 – 22 человека, шахта № 8 – 27 человек, шахта № 7 – 21 человек. Большинство работали чернорабочими, землекопами и отбойщиками. На Черногорских коях большинство интернированных были размещены в бараках законсервированной шахты № 9. Бытовые условия были тяжелые, в помещениях первоначально не было ничего, кроме топчанов и шахтерских керосиновых ламп. Не в должной мере китайцы были обеспечены питанием. Уже через месяц после прибытия в Черногорск китайцы устроили первую забастовку. В докладной записке секретаря Хакасского обкома ВКП(б) Сизых «О культурно-бытовых условиях, настроениях и работе интернированных китайцев и корейцев на Черногорке» от 27 апреля

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 166.

¹³ Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ НА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 249. Л. 29.

1934 года говорилось об ужасных условиях, в которых находились интернированные китайцы¹⁴. Длительный период отсутствовал элементарный учет и контроль сделанной работы; интернированные не имели расчетных книжек, нарядов и замеров выполненных работ. Все это позволяло администрации рудоуправления допускать злоупотребления, расхищать фонды продовольствия и рабочей одежды, не выплачивать заработную плату и т. д. С другой стороны, с нормами выработки китайцы обычно не справлялись, что влекло за собой снижение норм выдачи пайков. Положение китайцев осложнялось дополнительными обстоятельствами, на которые обращалось внимание работников ОГПУ: «Производительность труда среди китайцев низкая, существующие формы выработки не выполняются по причинам незнания русского языка, неумения работать, необеспеченности одеждой, обувью и продовольствием» [10]. Очевидно, после получения «Материалов обследования бригадой Черногорского Райкома РКП(б) с 9 по 12 мая 1934 года»¹⁵ председатель Запсибкрайисполкома Ф. П. Грядинский 13 мая 1934 года писал Р. И. Эйхе: «Сводка о Черногорке уже второй раз сигнализирует о большом неблагополучии там. Полагал бы, надо послать комиссию» [10].

Сами китайцы также показывали не лучшие примеры поведения и дисциплины. В партийных документах говорится: «Не доведен еще до сознания китайских рабочих вопрос о равноправии мужчин и женщин в Советском Союзе... Нередки случаи нападения на отдельных официанток в столовых...»¹⁶. В июле 1935 года администрация рудника отмечала, что «среди китайских рабочих чувствуется полная разнузданность, упадок дисциплины, и 109 человек на протяжении четырех месяцев нигде не работают, занимаются карточной игрой и спекуляцией» [11, с. 29]. Непросто складывались взаимоотношения китайцев с местными рабочими. Представители рудоуправления в письме в местное управление НКВД констатировали: «Развивается хулиганство, которое подчас сопровождается избиением русских рабочих, а также и руководящего состава. Так, например: 1) избиение десятника шахты № 7 тов. Каряки-

на; 2) работницы шахты № 7-бис тов. Прокопьевой; 3) на шахте № 3 избили канд. ВКП(б) тов. Шерстобитова; 4) покушение на избиение управляющего шахты № 3 тов. Чайкина; 5) аналогичное дело обстояло с главным механиком рудоуправления Андриани. Подобных фактов можно найти и перечислить десятки» [11, с. 30].

Еще до перехода на территорию СССР в отряде была создана тайная организация «Братство», построенная на принципах возрастной иерархии. В нее входило 24 человека из состава подразделения. Как попытку сохранения традиционных форм жизненного уклада можно рассматривать создание по инициативе Лу-фун-яна так называемого комитета правды. Главной его задачей ставилось «повышение дисциплины среди китайцев». Один из пунктов устава комитета обязывал не разглашать информацию о событиях внутренней жизни отряда как в прошлом, так и в настоящем и будущем. В случае нарушения требования «старший брат» мог покарать отступника, побив или убив его.

Бывший командир отряда Чун-ди-чун, его заместитель Чан-фа и их сторонники являлись проводниками идеи «хороший труд – хорошая зарплата». Группа, сплотившаяся вокруг «старшего брата» (согласно иерархии «Братства») Лу-фун-яна, пыталась внушить интернированным, что «если будем хорошо работать, то нас оставят здесь надолго». Чун-ди-чун в конце мая 1934 года был убит за лояльность к русским и намерение жениться на русской женщине. Вскоре были убиты один из помощников командира и писарь, а заместитель Чун-ди-чуня был ранен во время покушения и бежал из Черногорска.

Советское и партийное руководство Сибири уделяло много внимания интернированным. Например, убитого китайского командира Чунди-чуня хоронили со всеми воинскими почестями и в присутствии 500 человек. Предполагалось, что воспитанные на коммунистических идеях в России китайцы после возвращения на родину станут авангардом коммунистического движения и будут пропагандировать союз с СССР. Воспитание китайцев велось в основном через систему «Ликбез» и движение «За Новый Китайский алфавит». Китайцы участвовали в выборах в Советы, но в местные органы советской власти интернированные китайцы, в отличие от интернированных корейцев, не попадали.

¹⁴ ГКУ РХ НА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 52.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 65.

Для решения проблем с питанием интернированных китайцев уже в мае 1934 года в районе Черногорки было «организовано индивидуальное огородничество китайцев...». Позднее там был организован овощеводческий кооператив «Красный огородник», преобразованный в колхоз имени Калинина (село Калинино Усть-Абаканского района). Секретарь обкома Сенников отмечал: «Большинство китайцев согласилось засеять огороды. Им выделены участки вспаханной земли, выданы семена. Огороды полностью засеяны»¹⁷. В числе мер, принятых для улучшения положения китайцев, была выдача в счет заработной платы белья. Постепенно интернированные получили более просторное жилье, по комнате на 8–10 человек, постельное белье, спецодежду. Были примеры и сотрудничества между китайцами и русскими, интернированные принимали участие в народных гуляниях, организованных администрацией рудника, их приглашали на вечеринки жители Черногорки. Несколько китайцев обзавелись семьями, женившись на русских женщинах.

Китайские власти вели переговоры о возвращении интернированных на родину через китайского консула в Новосибирске, который обсуждал данные вопросы непосредственно в Красноярске. Летом 1935 года была отправлена на родину семья генерала. Органы НКВД разыскали и отправили на родину попавшего в Черногорку в качестве пленника Чжан-Кэ-Ина, сына начальника уезда в Маньчжурии. В начале 1936 года был подготовлен план репатриации всех оставшихся интернированных китайцев на родину через Владивосток. В том числе из Красноярского края – 240 человек. Однако большинству черногорских интернированных не удалось вернуться на родину. Правительство Китайской Республики не захотело принять китайцев из Черногорска, опасаясь их криминального прошлого, препятствием была и ограниченность средств у китайских властей для перевозки своих граждан по СССР. В 1937 году вновь был подготовлен план репатриации китайцев на родину. В сентябре 1937 года из УНКВД по Красноярскому краю сообщали в Москву: «В г. Черногорске Красноярского края проживают до 250 человек китайцев, интернированных в 1932–1934 годы... надо полагать, что в данном случае каждый из интернирован-

ных должен самостоятельно получить китайские документы и выехать на личные средства. Однако интернированные не пользуются свободой передвижения... многие не могут выехать в результате отсутствия у них средств, а часть от выезда в Китай отказываются»¹⁸.

Рубежным временем для китайцев в Хакасии стал сентябрь 1937 года, когда прекратилась подготовка к репатриации на родину и на интернированных обрушились массовые политические репрессии. В 1937–1938 годах до 150 человек интернированных китайцев были репрессированы, в том числе более 100 человек на территории собственно Хакасии. Всего на территории Красноярского края было репрессировано около 330 китайцев, в том числе 123 человека из числа интернированных [8, с. 117]. Хакасским областным управлением НКВД было сфабриковано «дело» о «бандитско-диверсионной организации, созданной японской разведкой среди интернированных и местных китайцев, завербованных в Маньчжурии в 1923–1933 годах и переброшенных в СССР под видом партизан-антияпонцев». 2 сентября 1938 года заместитель народного комиссара внутренних дел М. П. Фриновский и заместитель генерального прокурора СССР Г. К. Рогинский подписали «расстрельный список» китайцев, в котором было 264 человека. В ночь на 20 октября 1938 года в подвале здания НКВД в Абакане и в сосновом бору Минусинска было расстреляно 96 китайцев. В 1958–1960 годах Военным трибуналом Сибирского военного округа было реабилитировано более 70 интернированных китайцев, а в 1980–1990-е годы были реабилитированы и остальные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931–сентябрь 1937 г.). М., 2010. 861 с.
2. Силонов С. М. Интернирование в Советском Союзе китайских армий Ли Ду и Ван Дэлиня // Россия и АТР, 2011, № 4. С. 76–80.
3. Дацышен В. Г. Интернирование армии Су Бинвэня. Из истории русско-китайских отношений // Мир Евразии. 2010. № 4 (11). С. 23–28.
4. Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. 384 с.

¹⁷ ГКУ РХ НА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 249. Л. 29.

¹⁸ Там же. Л. 30.

5. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 г.) М., 2010. 861 с.

6. Мировицкая Р. А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. 241 с.

7. Дацьшен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. 306 с.

8. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск, 2015. 188 с.

9. Новикова Н. А. Условия жизни и профессиональной деятельности китайских рабочих в Черногорске в 30-е годы XX века // Сборник материалов IX краеведческих

межрегиональных чтений им. В. А. Баландиной. Черногорск, 2010.

10. Красильников С. А. Советская система принудительного труда: некоторые черты и особенности формирования в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов // <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/krasilnikov1996.shtml> (дата обращения: 09.11.2015 г.).

11. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (на материалах Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2007. Т. 6. Вып. 4: Востоковедение. С. 27–31.

ПОРАЖЕНЧЕСКИЕ И АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. А. Печерский

УДК 94 (94) 1941/45

В статье рассматриваются негативные общественные настроения в Красноярском крае в период Великой Отечественной войны. Анализируются причины пораженческих и антисоветских настроений. Показано, что возникновение таких настроений являлось следствием драматических событий, происходивших в стране в 1920–1930-е годы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пораженческие настроения, антисоветские настроения, репрессии, делегитимация.

DEFEATIST AND ANTI-SOVIET SENTIMENTS IN THE KRASNOYARSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR YEARS

V. A. Pechersky

In the article negative public moods in the Krasnoyarsk region during the period of The Great Patriotic War are under consideration. Causes of defeatist and anti-Soviet moods are analyzed. It is shown that appearance of such moods was a result from dramatic events, which had been taking place in the 1920s – 1930s.

Key words: The Great Patriotic War, defeatist moods, anti-Soviet moods, repressions, delegitimization.

Несмотря на мощный идеологический пресс послеоктябрьского времени, в СССР накануне войны было немало людей, недовольных существующим строем. Причиной тому являлись события, происходившие в стране в 1920–1930-е годы. В результате раскулачивания миллионы крестьян лишились имущества, были сосланы и ограничены в правах. Коллективизация изменила традиционный уклад жизни русского крестьянства, массовые репрессии нейтрализовали часть недовольных,

но породили новых врагов. Для репрессированных Сибирь, как в царский и имперский периоды, была местом ссылки. Здесь они пополняли ряды местных жертв режима, становясь катализатором негативных общественных настроений.

По-прежнему достаточно многочисленной была категория «бывших людей», в которую входили «классово чуждые элементы». Не имея возможности покинуть Советский Союз, они ушли в так называемую внутреннюю эми-

грацию – не принимая советского режима, его идеологии, не желая следовать его лозунгам, они, осознавая его силу, не предпринимали активных действий для борьбы с ним. Надежды «внутренних эмигрантов» были связаны с внешними врагами СССР [1, с. 8].

Первые месяцы Великой Отечественной войны в полной мере подтвердили надежды одних и опасения других: уже к 9 июля 1941 года враг продвинулся вглубь советской территории на 400–450 км на северо-западном и на 300–350 км на юго-западном направлении. За первые три недели войны потери Вооруженных Сил СССР убитыми, ранеными и пленными составили 850 тысяч человек, или одну треть личного состава [2, с. 180–181].

По понятным причинам руководство страны всячески пыталось скрыть масштабы трагедии, но в тыловые регионы прибывали беженцы, эвакуированные, раненые, рассказы которых становились источником информации о событиях на фронтах. «Сарафанное радио» было альтернативой официальной точке зрения и зачастую вызывало большее доверие. Среди определенной части населения это спровоцировало пораженческие настроения, которые люди не стеснялись высказывать в частных разговорах, и если это становилось известно сотрудникам правоохранительных органов, то против несдержанных на язык граждан возбуждались уголовные дела по ст. 58.10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). В начале войны в Красноярском крае состоялся ряд процессов по таким делам.

Так, выездная сессия краевого суда в г. Ачинске под председательством Е. И. Красноперовой 5 августа 1941 года рассмотрела дело Феодосьи Романовны Плясовой, которая в присутствии ряда свидетелей «проводила контрреволюционную агитацию, клеветала на советскую власть, высказывала пораженческие настроения в отношении Советского Союза, восхваляла фашистский строй, допускала террористические высказывания в отношении руководителей ВКП(б) и Советского Правительства». Феодосья Романовна была осуждена на 10 лет лишения свободы.

Другой житель Ачинска, Василий Ефремович Антонов, был приговорен к 10 годам заключения с поражением в избирательных правах на три года той же сессией. В вину ему вменялись: «...пораженческая пропаганда, восхваление

фашистского строя и желание свержения советской власти».

Василий Александрович Зюхин был осужден краевым судом в составе председательствовавшего И. В. Анипченко и народных заседателей Ведерникова и Ткаченко 8 августа 1941 года на восемь лет лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на три года. Осужденный до того по ст. 109 (злоупотребление властью или служебным положением) Зюхин обвинялся «в восхвалении врага народа Ягоды, издевательствах над гражданами, изъявившими желание добровольно идти на фронт».

12 августа 1941 года Анкудин Еремеевич Якушев был обвинен в том, что «систематически проводил среди рабочих агитацию пораженческого характера, клеветал на советское правительство, восхвалял германский фашизм». Уже 22 июня 1941 года он «высказался в резкой форме в отношении Советского Союза и Красной армии».

Поводом для осуждения по ст. 58.10 было и прямое распространение вражеской пропаганды. Так, дежурный по радиоузлу Красноярского военного городка Василий Григорьевич Алексеев 29 июля 1941 года в 11 часов дня вместо передачи трансляции со станции имени Коминтерна настроил радиоприемник на прием передачи с германской радиостанции, по которой на русском языке «передавалась агитация клеветнического характера». Трансляция вражеской радиопередачи длилась 10–15 минут. По итогам заседания краевого суда, состоявшегося 21 августа 1941 года, Алексеев был приговорен к 10 годам лишения свободы.

Николай Иванович Симаков усомнился в правдивости официальной информации, он «пытался убеждать окружающих его людей в том, что сводки Совинформбюро неправильны и что Гитлер говорит правильно». 8 октября 1941 года краевой суд приговорил Симакова к семи годам заключения.

Среди жителей Красноярского края были те, кто выказывал пораженческие настроения, будучи изначально настроен антисоветски в силу своей прошлой деятельности либо происхождения.

Например, Алексей Михайлович Радыгин, сын капитана Сибирской добровольческой армии, проживавший в Маньчжурии с 1921 по 1925 год, «будучи враждебно настроенным к

советской власти, систематически вел антисоветскую агитацию, выказывал пораженческие настроения, восхвалял жизнь в капиталистических странах и с особой ненавистью говорил о руководителях советского правительства. Говорил о своем желании не служить в Красной армии, а перейти за границу и там, получив необходимые документы, вернуться в СССР и заняться шпионажем в пользу капиталистических стран». Была отмечена попытка Радыгина «угоривать своих товарищей подбирать подходящих людей для вступления в контрреволюционную организацию». Краевой суд под председательством И. В. Анипченко приговорил сына колчаковского офицера к восьми годам лишения свободы.

11 октября 1941 года судебная коллегия краевого суда рассмотрела дело по обвинению Петра Артемьевича Петросяна, чей жизненный путь заставлял судей видеть в нем злостного врага советской власти. С 1916 года Петр Артемьевич издавал в г. Пятигорске газету «Кавказский край», названную в приговоре «буржуазной». В период Гражданской войны, когда Пятигорск находился под контролем вооруженных сил юга России, Петросян занимал проденикинскую позицию и «через свою газету критиковал советскую власть и Красную армию». В 1925 году он впервые был осужден за контрреволюционную деятельность. Первая судимость не «исправила» Петра Артемьевича, и в довоенные годы он не стеснялся высказывать критические суждения по поводу существующего строя, за что он был приговорен к восьми годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на пять лет.

Начало войны вызвало брожения среди немцев – граждан СССР. 21 октября 1941 года состоялась сессия краевого суда, которая рассмотрела дело по обвинению жительниц Красноярского края К. Я. Ганцельман и И. Д. Гузек. Поводом для предъявления обвинения послужил, в частности, эмоциональный всплеск Иды Гузек, которая 6 июля 1941 года, слушая по радио запись речи В. М. Молотова от 22 июня 1941 года, после слов «враг будет разбит, победа будет за нами», подбежала к репродуктору и крикнула: «Вы бьете, но и у вас головы целы не останутся!» Ида Даниловна была приговорена к 10 годам лишения свободы.

Несдержан в высказываниях был и Август Федорович Тахальков. 9 мая 1941 года, находясь

в гостях, он в компании двух женщин говорил: «Вот скоро будет война, и мы разобьем всех жидов, и всю вашу советскую власть перебьют». Август Федорович дошел до того, что «наносил угрозы по адресу руководителя ВКП(б) и говорил, что, придя в Россию, немец расправится с ним, и допускал по адресу руководителя Советского Правительства и ВКП(б) грубейшую нецензурную брань». Дело Тахалькова рассматривалось в краевом суде 4 октября 1941 года, желание порисоваться перед дамами стоило ему 10 лет лишения свободы¹.

Недовольство режимом проявлялось в начале войны на всей территории Советского Союза. Сложившийся в довоенный период «культ личности» заставлял переключать неудачи первых военных месяцев не только на советскую власть в целом, но и на И. В. Сталина лично. «Гитлер прет и будет переть до победы, и уж тогда мы снимем Сталина. В этой войне, безусловно, повинен Сталин. Нам нужно помочь Гитлеру, а для этого надо сделать восстание», – говорил колхозник из европейской части РСФСР [3, с. 371].

Подобные настроения порождались не только тяжелым положением на фронтах. Многие из «пораженцев» изначально были настроены против существующего политического строя. Люди старшего и среднего поколения, утратившие после революции имущество, доходы, социальный статус, не зная об истинных планах нацистов, надеялись, что победа Германии гарантирует им возвращение прежнего положения. «Коммунизм забрал у людей всю радость жизни, и единственное спасение для народа только в победе немцев», – говорила жительница города Александрова [3, с. 371]. Схожее мнение высказывала и сибирячка, сестра-хозяйка детского сада из г. Черногорска М. Н. Натарова, привлеченная к уголовной ответственности в 1944 году. По ее мнению, «все дети, которые родятся при советской власти, будут несчастными людьми, будут ходить босиком и раздетыми, и вся эта нищета хорошей жизни не увидит»². В словах двух женщин из очень далеких друг от друга регионов просматривалась одна тенденция: четкое разделение собственной жизни на «белый» период, с которым связывалось доре-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 152. Л. 82-87.

² ГКУ РХ НА. Ф.Р.-674. Оп.1а. Д.П.-21876. Л.2.

волюционное время, и «черный», начавшийся после Октябрьского переворота. Вместе со своей жизнью они так же делили историю страны.

Убежденность в экономическом, культурном и, соответственно, военном превосходстве Германии над Россией начала складываться в русском обществе с эпохи Петровских реформ, в XVIII–XIX веках формировался образ хитрого, образованного, умного немца. Немецкий порядок противопоставлялся отечественной безалаберности. События Второй мировой подкрепляли эту уверенность: в считанные дни вермахт сокрушал армии европейских государств, без особого сопротивления занимал территории этих стран, ставя себе на службу самые развитые экономики того времени. Читавшие в газетах об успехах Германии в Европе, советские люди убеждали себя в полном превосходстве будущего противника. Арестованный в 1942 году агроном Хакасской областной конторы «Загостскот» М. П. Видонов выразил подобные убеждения такими словами: «Куда мы годны к войне с Германией? Победы над Германией нам не добиться. Германия – это страна высокой культуры, оснащенная первоклассной техникой. В руках Германии все лучшие оружейные заводы Бельгии, Чехословакии, Франции, не говоря уже о Крупновском заводе, который показал себя как один из лучших заводов мира еще во время войны 1914–1918 годов. В Германии все генералы имеют высшее образование, а германский солдат по общеобразовательному уровню и знанию военного дела превосходит лейтенанта Красной армии» [4, с. 78].

Отнюдь не дружелюбно по отношению к советскому государству были настроены некоторые мигранты, что показало уголовное дело, возбужденное в 1941 году Хакасским областным управлением НКГБ в отношении уроженца Китая, корейца по национальности, Ким-Чан-Вана. Следствие выявило, что, «проживая в Китае, в 1932 году Ким-Чан-Ван был завербован в корейскую националистическую организацию «Мин-сен-дан», которой руководил японский генштаб. Проживая в г. Черногорске, он проводил среди корейцев антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию советской власти. А также в связи с военной обстановкой распространял провокационные слухи, вызывал пораженческие настроения, заявляя, что русский народ с Германией ничего не сделает и что Япония объявила войну СССР». Особое

совещание при НКГБ СССР постановило приговорить Ким-Чан-Вана на основании ст. 58-10 ч. 2 к высшей мере наказания – расстрелу [4, с. 79]. Суровость приговора объяснялась злонамеренностью действий Ким-Чан-Вана, в отличие от большинства фигурантов подобных дел он действовал по заданию иностранной разведки, а не просто высказывал личное мнение. Впрочем, то, что Ким проходил по данному делу в одиночку, в полной мере свидетельствует о том, что его задание было полностью провалено – корейцы Черногорска не поддались вражеской агитации.

Зачастую утверждения официальной пропаганды расходились с действительным положением вещей, и лицемерие властей заставляло людей сомневаться в их способности преодолеть имевшиеся проблемы, в том числе победить внешнего врага. В. Ю. Титов называет подобные настроения дефиницией, то есть делегитимностью общественных настроений – понятием, позволяющим определить источники и методы исследования социально-экономических явлений, выявляющих негативные оценки общественности по отношению к внутренней политике государства [5, с. 308].

Таковыми явлениями были низкий уровень жизни, дефицит товаров и продуктов, а с началом войны – карточное снабжение и наплыв в сибирские города большого количества беженцев и эвакуируемых, что создавало недостаток жилья и заставляло сибиряков уступать прибывавшим с запада людям часть своей жилплощади.

Пораженческие настроения являлись верхом делегитимизации власти и, поскольку материальное положение населения в ходе войны не только не улучшилось, но часто усугублялось, надежды на поражение собственной страны у части граждан не проходили и после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Особенно это относилось к сибирякам, которые не пережили ужасов оккупации, во время которой, по словам коллаборационистки Олимпиады Поляковой (Лидии Осиповой), «немцы, какими мы их видим, производят впечатление совершенно неинтеллигентных людей, а во многих случаях – диких» [1, с. 121].

Не имевшие «удовольствия» испытать на себе политику нацистов по отношению к «унтерменшам», отдельные жители тыловых рай-

онов все еще питали иллюзии относительно «просвещенной Европы», которая должна была спасти их из «цепей большевистского рабства».

Так, в первом квартале 1944 года военный трибунал Енисейского бассейна рассматривал дела в отношении двух работников Главсевморпути – слесаря авиаремонтной базы В. И. Гвоздика и сторожа Хатангского авиапорта П. Н. Толщина. Первый «распространял контрреволюционную клевету на жизнь трудящихся в СССР, восхвалял строй бывшей панской Польши». Второй «проводил среди населения контрреволюционную агитацию, восхвалял жизнь в царской России, клеветал на жизнь трудящихся в СССР, восхвалял жизнь крестьян в Германии, одновременно восхвалял немецкую фашистскую армию, отрицал зверства фашистов по отношению к советским гражданам во время временной оккупации городов и сел». Гвоздик и Толщин были приговорены к восьми годам лишения свободы каждый³.

Пораженческие настроения не были изжиты до конца войны. Порой они принимали довольно причудливые формы.

29 июня 1945 года военный трибунал Енисейского бассейна рассматривал уголовное дело, возбужденное против учащихся четвертого курса Красноярского речного техникума Н. Е. Кузьменко, Н. И. Черняева, В. П. Гульденбалька, Е. С. Ломакина и А. И. Иваньева. Будущие речники «в разное время в течение 1945 года проводили среди студентов своего техникума агитацию, направленную на дискредитацию и подрыв авторитета вождя коммунистической партии и советского народа, на подрыв мероприятий, проводимых ВКП(б) и советским правительством, враждебно истолковывали политику, проводимую ВКП(б). Враждебно истолковывали политику ВКП(б) и правительства по отношению к Польше и Финляндии, клеветали на экономическое положение народов СССР. Восхваляли капиталистический строй. Систематически выкрикивали фашистские приветствия».

Кузьменко, Черняева, Гульденбалька и Ломакина трибунал приговорил к шести годам лишения свободы каждого. Иваньев должен был провести в заключении четыре года. Все осужденные были поражены в избирательных правах на три года каждый, конфискация иму-

щества не была применена лишь за отсутствием у них какой-либо собственности.

В ходе судебного следствия выяснилось, что в такие разговоры были вовлечены двое других студентов речного техникума: Зотов и Орешников. Поскольку они уже закончили курс обучения и были направлены к месту работы – первый в Байкало-Селенгинское, второй в Нижне-Амурское пароходство, трибунал вынес частное определение, согласно которому оба выпускника должны были быть отозваны с работы и переданы суду⁴.

К сожалению, в источниках не содержится информация о том, в каких семьях воспитывались осужденные, поэтому трудно объяснить, почему выросшие при новом строе молодые люди симпатизировали идеологическим и военным противникам СССР.

Пораженческие настроения присутствуют в любом обществе, чье государство находится в состоянии войны, особенно когда армия терпит неудачи. На высказывание подобных взглядов со стороны любого государства, независимо от его политического режима, следует жесткая реакция, адекватность которой в чрезвычайных условиях не обсуждается, – законы военного времени распространяются и на гражданских лиц, находящихся в тылу.

Недовольство внутренней и внешней политикой в СССР в годы Великой Отечественной войны редко перерастало в пораженческие настроения и слухи, при этом они обнаруживали тенденцию к росту. По подсчетам В. Ю. Титова, в Иркутской области пораженческие слухи среди протестных настроений населения в 1940–1941 годах занимали 7,5 %, в 1942–1944 – 16,6 %, 1945–1948 – 18,1 [5, с. 311].

Слухи являлись альтернативой официальной пропаганде. По мнению В. А. Сомова, с началом Великой Отечественной войны в силу специфических обстоятельств (информационный «голод», недоступность достоверных сведений о положении на фронте, изъятия радиоприемников индивидуального пользования) одной из наиболее ярких реакций общественного сознания на начало и ход военных действий было появление различного рода слухов [6, с. 20].

Слухи могли спровоцировать определенное рода действия, поэтому руководство страны оценило общественную опасность этого явле-

³ ГАКК. Ф. Р-1454. Оп. 17. Д. 18. Л. 23.

⁴ Там же. Д. 354. Л. 25.

ния. Уже в первые дни войны И. В. Сталин заявлял о том, что «нужно иметь в виду, что враг хитер и коварен, опытен в обмане и распространении ложных слухов». По мнению вождя, распространителей слухов следовало привлекать к суду военного трибунала [7, с. 335]. Воля главы партии и правительства воплотилась в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения». С этого времени распространители слухов могли быть приговорены к тюремному заключению на срок от двух до пяти лет. Теперь уже не только злонамеренная пропаганда, но и обычная болтливость стала уголовно наказуемым деянием.

В пораженческих настроениях нередко выражалось стремление к справедливости, которой, по мнению некоторых, не было в действиях собственных властей, и поэтому ее восстановление связывалось с приходом будущих победителей.

Подобные настроения в СССР не были массовым явлением, но они выражали настроения определенной части населения, которая к тому времени не признавала легитимность советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2014. 328 с.
2. Петров Б. Н. 1941: работа над ошибками. М., 2012. 640 с.
3. Столбов В. П., Дмитриева Ю. В., Баранов И. А. Смятение грозной осени 1941 // Сборник научных трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». 2010. № 28. С. 346–358.
4. Печерский В. А., Степанов М. Г. Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Хакасии. Абакан, 2015. 140 с.
5. Титов В. Ю. Делегитимный облик советской власти в общественных настроениях в годы Великой Отечественной войны в тылу. // Вестник ИрГТУ. 2011. № 8 (55). С. 303–308.
6. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 19–31.
7. Кожевников М. В. История советского суда. М., 1948. 376 с.

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ
и Правительства Республики Хакасия, проект № 15-11-19002 а/Г.*

Т. А. Кискидосова

УДК 94 (47)

В статье рассматривается смертность населения в городских поселениях Хакасии в годы Великой Отечественной войны. На основе широкого круга источников исследуются причины роста смертности населения, анализируются детская смертность и сезонные колебания смертности. Автор обратил внимание на деятельность местных органов власти и органов здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями и смертностью.

Ключевые слова: Хакасия, Великая Отечественная война, городские поселения, смертность, заболеваемость.

THE DEATH OF THOSE URBAN SETTLEMENTS KHAKASSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

T.A. Kiskidosova

The article discusses the mortality rate in urban areas of Khakassia during the Great Patriotic War. On the basis of a wide range of sources researched reasons for the rise in mortality, infant mortality and analyzed seasonal variation of mortality. The author drew attention to the activities of local authorities and health authorities in the fight against infectious diseases and mortality.

Key words: Khakassia, Great Patriotic War, urban settlements, mortality, morbidity.

Великая Отечественная война затронула все стороны жизни общества и государства. Требовавшая максимальной отдачи, она оказала негативное воздействие на воспроизводство народонаселения. Война привела к многочисленным людским потерям не только на фронте, но и в тылу. Смертность населения является ярким показателем изменения условий жизни населения.

В годы войны численность городского населения Хакасии снизилась по сравнению с довоенным уровнем: с 126,0 тысяч человек в 1940 году до 116,0 тысяч человек в 1945 году. Сокращение численности городского населения в области объяснялось уходом части населения, преимущественно мужчин, в действующую армию. При общем уменьшении городского населения за годы войны число жителей г. Абакана и Черногорска увеличилось на 6,3 и 12,1 %, достигнув на начало 1946 года 39,0 и 19,5 тысяч человек соответственно [1, с. 16].

В военное время произошли изменения в показателях смертности гражданского населения. Увеличение числа смертных случаев объяснялось рядом факторов. На протяжении рассматриваемого периода оставалась острой жилищная проблема. В городских поселениях значительно сократился жилищный фонд, что способствовало увеличению скученности населения. Люди жили в тесноте, в жилых домах не функционировали водопровод и канализация. Санитарные и бытовые условия населения существенно ухудшились из-за постоянного передвижения людей. Массовое перемещение населения по территории страны способствовало росту смертности. В 1942 году в Абакан прибыло 1345 человек эвакуированных, в связи с этим возникла проблема их расселения. Прибывшие были размещены по частным квартирам. Концентрация вселения эвакуированных способствовала резкому росту числа инфекционных заболеваний. Противоэпидемические службы не были готовы контролировать такой поток

людей. В целях разгрузки Абакана в сельскую местность вывезли около 250 семей эвакуированных¹.

Нехватка транспортных средств в абаканской больнице приводила к тому, что трупы не вывозились по несколько дней². Антисанитарные условия в городах Хакасии способствовали возникновению угрозы эпидемической обстановки. В городских банях были постоянные очереди, многие эвакуированные не имели санитарных пропусков, медицинская сеть находилась в неудовлетворительном состоянии, у населения отсутствовали необходимые предметы гигиены. Все это могло способствовать возникновению вспышек инфекционных болезней. Санитарные врачи были обеспокоены угрозой распространения сыпного тифа среди населения³. В Черногорске медицинское обслуживание населения было в неудовлетворительном состоянии, недостаточно проводились профилактические меры по предупреждению эпидемических заболеваний. Наглядная картина черногорских улиц в то время была следующей: «...Дворы жилых домов были завалены мусором, залиты помоями, что весной с таянием снега может повлечь за собой эпидемические вспышки»⁴.

и промышленными товарами. Установленные нормы продуктов не могли удовлетворить дневную потребность в еде, часто выдача продуктов рабочим нарушалась, члены семей работников промышленных предприятий не снабжались продуктами. Плохое питание и большие нагрузки у большинства населения приводили к истощению организма, снижению иммунитета, авитаминозу, провоцировали желудочно-кишечные болезни и способствовали распространению инфекционных и легочных заболеваний. Причины смертности носили преимущественно экзогенный характер, и к ним относились инфекционные, воспалительные и паразитарные заболевания. В условиях военного времени квалифицированной медицинской помощи и медикаментов не хватало. Среди городских поселений Хакасии большее количество смертей приходилось на Абакан. В 1942 году в Абакане число умерших составило 771 человек, что составило 34,7 % от всех умерших жителей городских поселений, или 14,3 % от всего умершего населения области.

В возрастных группах смертность мужчин была выше, чем женщин. Рассмотрим половозрастные показатели смертности в город-

Таблица 1 Возрастно-половая смертность в городских поселениях Хакасии в 1942 году

Возрастные группы, лет	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0–14	772	52,4	740	62,7	1512	57,0
15–29	110	7,5	73	6,2	183	6,9
30–44	213	14,5	101	8,5	314	11,9
45–59	197	13,4	88	7,5	285	10,7
60 и старше	167	11,3	176	14,9	343	12,9
Неизвестный возраст	13	0,9	3	0,2	16	0,6
Всего	1472	100,0	1181	100,0	2653	100,0

Источник: ГКУ РХ НА. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 308. Л. 1.

В недостаточной степени обеспечивалось население топливом. Часто городские семьи имели минимальное количество топлива на весь зимний период. Плохо было обставлено обеспечение населения продовольственными

поселениях Хакасии в 1942 году (табл. 1). Наиболее высокие показатели мужской смертности были в возрасте 0–14 лет, на эту возрастную группу приходилось 52,4 % всей мужской смертности. Также высокие показатели смертности были в возрасте 30–44 (14,5 %) и 45–59 (13,4 %) лет. В относительном отношении женская смертность в возрасте 0–14 лет была выше мужской, на ее долю приходилось 62,7 % всех смертей женского пола. Женская смертность преобладала над мужской в пожилом возрасте – от 60 лет и старше. С увеличением возраста

¹ Отдел документов новейшей истории Национального архива Республики Хакасия (ОДНИ НАРХ). Ф.2. Оп.1. Д.939. Л.38.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 753. Л. 119.

³ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 26.

⁴ Там же. Д. 399. Л. 33 об.

женская смертность возрастала. Подобная ситуация сложилась и в целом по стране. Превышение мужской смертности над женской в наиболее трудоспособных возрастах обусловлено биологическим фактором. В тылу оставались мужчины, не мобилизованные на фронт не только в связи с профессиональной необходимостью, но и по возрасту (после 45 лет), в связи с хроническим заболеванием, а также по инвалидности. В условиях войны ослабленный организм стал еще более подвержен заболеваниям [2, с. 121].

В военное время высокой была младенческая смертность (до года жизни). С 1942 по 1944 год основная масса детей умирала в младенческом возрасте от рождения до 1 года (табл. 2). Удельный вес умерших младенцев в 1942 году составил 54,9%, в следующем году он снизился до 40,8% и остался неизменным в 1944 году (табл. 2). Среди младенцев наиболее высокая смертность была среди мальчиков. В 1942 году доля умерших младенцев мужского пола составила 55,2%,

тей до 1 года, или 11,4% от всех умерших⁵. Также к основным причинам высокой смертности младенцев относились врожденная слабость и пороки внутриутробного развития. Часто дети появлялись на свет с ослабленным здоровьем или вообще нежизнеспособные. Санитарно-медицинская обстановка в военный период способствовала росту мертворождений и детской смертности. Большую роль играли невыносимые условия для рожениц. В зимнее время в помещениях родильных домов температура была настолько низкой, что замерзала вода. Во всех родильных домах Абакана, Черногорска и других городских поселений Хакасии было тесно и холодно⁶.

Согласно общероссийским показателям, смертность девочек в возрасте от 0 до 4 лет была самой высокой [2, с. 124]. В городских поселениях Хакасии смертность среди девочек доминировала в возрасте от 1 года до 2 лет. В 1942 году она составила 25,7%, в 1943 году – 33,7%, в 1944 году – 22,9% (табл. 2).

Таблица 2 Детская смертность от рождения до пяти лет в городских поселениях Хакасии в 1942–1944 годах (%)

Возрастные группы	1942 год			1943 год			1944 год		
	мал.	дев.	об. п.	мал.	дев.	об. п.	мал.	дев.	об. п.
От 0 до 1 г.	55,2	54,6	54,9	44,9	36,4	40,8	41,0	40,7	40,8
От 1 г. до 2 л.	23,2	25,7	24,4	26,0	33,7	29,8	19,7	22,9	21,3
От 2 л. до 3 л.	12,1	10,2	11,2	14,4	18,6	16,4	22,9	19,5	21,3
От 3 л. до 4 л.	6,7	5,5	6,1	7,9	5,1	6,5	13,1	12,7	12,9
От 4 л. до 5 л.	2,8	4,0	3,4	6,8	6,2	6,5	3,3	4,2	3,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: ГКУ РХ НА. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 308. Л. 98. Д. 314. Л. 122.

в 1943 году – 44,9%, в 1944 году – 41,0%. Несмотря на постепенное снижение младенческой смертности, она оставалась высокой по сравнению с другими возрастными группами. Показателен рост младенческой смертности в 1942 году: на тысячу человек умерших пришлось 288,4 ребенка моложе 1 года. Причины детской смертности носили преимущественно экзогенный характер, к ним относились инфекционные, воспалительные и паразитарные заболевания [2, с. 80]. В 1943 году из 1812 умерших 207 человек приходилось на де-

В 1942–1944 годах большая часть смертей приходилась на летний период (табл. 3). Заметное увеличение смертности в летнее время было связано с ростом числа инфекционных заболеваний и желудочно-кишечных расстройств. В 1942 году самая высокая смертность была зафиксирована в июле, что составило 11,9% от всей смертности в отчетном году, в 1943 году – в июне (12,0%) и в 1944 году – в августе (12,5%).

⁵ ГКУ РХ НА. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 314. Л. 116, 122.

⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 3 об.

Таблица 3 Сезонные колебания смертности в городских поселениях Хакасии в 1942–1944 годах

Месяцы	1942 год		1943 год		1944 год	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Январь	229	8,4	127	7,1	140	9,7
Февраль	240	8,9	106	5,8	120	8,4
Март	249	9,2	126	7,0	136	9,4
Апрель	195	7,2	107	5,9	105	7,3
Май	200	7,4	142	7,8	97	6,7
Июнь	258	9,5	217	12,0	105	7,3
Июль	321	11,9	194	10,7	149	10,3
Август	300	11,1	189	10,4	181	12,5
Сентябрь	208	7,7	201	11,1	123	8,5
Октябрь	176	6,5	151	8,3	101	7,0
Ноябрь	180	6,6	157	8,7	94	6,5
Декабрь	152	5,6	95	5,2	92	6,4
Итого за год	2708	100,0	1812	100,0	1443	100,0

Источник: ГКУ РХ НА. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 308. Л. 20; Д. 314. Л. 116; Д. 327. Л. 229.

В военные годы увеличилось количество острозаразных и воспалительных заболеваний. Нередко болезни становились причиной летального исхода. Уже в начальном периоде войны резко увеличилось количество смертей от различных заболеваний. Так, например, в 1941 году от болезней скончалось 148 человек, в 1942 году – 225 человек (табл. 4). В Абакане за 1941 год от кори умерло 114 человек, что составило 77,0 % всех смертей от инфекционных заболеваний, или 12,3 % всех смертей в городе за год.

Увеличение смертельных случаев от данного заболевания пришлось на октябрь – декабрь 1941 года. Острая нехватка медицинского оборудования и лекарственных препаратов часто приводила к летальному исходу. В следующем году недостаточность медицинского обслуживания в условиях резкого ухудшения жизненных условий способствовала повышению смертности. В 1942 году случаи со смертельным исходом по причине различных заболеваний составили 17,6 % от общего числа смертей.

Таблица 4 Заболевания со смертельным исходом в Абакане в 1941–1942 годах

Заболевания	1941 год		1942 год	
	абс.	%	абс.	%
1. Брюшной тиф	–	–	3	1,3
2. Сыпной тиф	–	–	1	0,4
3. Корь	114	77,0	59	26,2
4. Скарлатина	3	2,0	2	0,9
5. Дифтерит	11	7,4	15	6,7
6. Грипп	1	0,7	14	6,2
7. Дизентерия	8	5,5	17	7,6
8. Токсическая диспепсия	11	7,4	114	50,7
Всего	148	100,0	225	100,0

Источник: ГКУ РХ НА. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 308. Л. 26.

Сезонное распределение умерших от различных заболеваний в 1942 году показало, что рост летальности приходился на июль – август (табл. 3). Летом и весной значительно повышалось количество желудочно-кишечных расстройств. В зимний период население часто умирало от простудных инфекционных заболеваний. Также следует учитывать, что весной и осенью обострялись хронические заболевания, нередко заканчивавшиеся летальным исходом. В 1942 году пик смертей от острозаразных заболеваний пришелся на ноябрь – декабрь, за эти два месяца умерло 259 человек, что составило 20,3 % от общего числа смертей за весь год. Повышение уровня летальности происходило от таких острозаразных болезней, как брюшной и сыпной тиф, корь, скарлатина, дифтерит, грипп и дизентерия. Одним из самых распространенных заболеваний, которое нередко заканчивалось смертельным исходом, была токсическая диспепсия. Острое расстройство пищеварительной системы являлось следствием плохого питания. Постоянное недоедание в военное время существенно ослабляло человеческий организм, делало его уязвимым к различным инфекционным заболеваниям. К этому добавлялись тяжелые физические и морально-психические нагрузки и, соответственно, общее ослабление организма. В 1942 году от токсической диспепсии умерло 114 человек, что составило 50,7 % от всех смертей от инфекционных болезней, или 8,9% от всех смертей в городе. Пик смертей от токсической диспепсии пришелся на июль 1942 года, за этот месяц зарегистрирован 31 смертельный случай (27,2 % от всех смертей от токсической диспепсии). В этом же году рост смертности произошел по причине такого заболевания, как корь, она стала причиной смерти 59 человек, соответственно – 4,6 % от всех смертей. Только в декабре от кори умерло 17 человек (28,8% от всех смертей от кори)⁷.

В дошкольных и школьных учреждениях дети не получали горячих завтраков. В Абакане была острая нехватка детских дошкольных учреждений. Скученность и теснота в яслях и детских садах способствовали антисанитарии и распространению заболеваний. В детском саду № 1 выявили 60 % завшивленности детей. Дет-

ские отделения больниц не соответствовали медицинским требованиям⁸.

С 1943 по 1945 год наметилась тенденция к снижению смертности с 12,4 до 7,8 человек на тысячу жителей. Успехи в снижении смертности были связаны прежде всего с появлением новых эффективных лекарственных препаратов. Применение пенициллина и сульфаниламидных препаратов сыграло решающую роль в снижении летальности от инфекционных, желудочно-кишечных и легочных заболеваний. С 1943 года в стране налажилось производство необходимых лекарственных препаратов, что совпало с переломом в тенденции смертности в годы войны [3, с. 40].

Резкое снижение смертности происходило с изменением продовольственного снабжения городских жителей и организации питания для детей дошкольного и школьного возрастов. Социальная политика государства была направлена на оказание помощи матери и ребенку. 7 апреля 1942 года вышло Постановление СНК СССР «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», которое стимулировало развитие коллективного и индивидуального огородничества. Эти и другие мероприятия сыграли важную роль в сокращении смертности населения в военную эпоху [2, с. 122–123].

Решающую роль в борьбе со смертностью сыграла государственная политика в области здравоохранения. В условиях военного времени при коренном перераспределении средств и ресурсов в пользу армии и оборонных отраслей остатки были направлены на проведение здравоохранительной работы. Всего за годы войны на социально-культурные мероприятия было затрачено 36,6 % от расходов на оборону [4, с. 122]. В результате чрезвычайно жестких мер государства улучшилась работа органов здравоохранения, проходила перестройка медицинской науки и промышленности, экстренными действиями медиков удалось приостановить рост смертности людей от большинства инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний [5, с. 193].

С 1942 года повсеместно в Хакасской автономной области стали проводить санитарно-эпидемиологические мероприятия. С целью

⁷ ГКУ РХ НА. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 308. Л. 26.

⁸ Одни ГКУ РХ НА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 87. Л. 296.

полной дезинфекции в городах приводились в порядок бани, предусматривался учет бань частного сектора и приспособление их для общественного пользования, предполагалось дополнительное строительство бань. На круглосуточную работу была переведена прачечная Абакана, обслуживавшая госпитали и воинские части гарнизона. Несколько городских бань и прачечных при крупных предприятиях дополнительно приспособлялись и пускались в эксплуатацию. При банях городов и районов, а также при промышленных предприятиях устанавливались вошебойки. В городских и районных поселениях создавались передвижные эпидотряды во главе с санитарными врачами с целью обработки очагов заражения. Повсеместно устанавливался санитарный контроль общественных мест. С населением проводилась санитарно-просветительская работа по борьбе с инфекционными заболеваниями, в общественных местах среди населения проводились лекции и беседы. Медицинские работники обязывались своевременно проводить вакцинацию населения. В больницах устанавливался коечный фонд, в городах и районах на тысячу человек полагалось не менее двух коек. В абаканской школе № 30 и горсовете поместили инфекционное отделение. В целях предотвращения скученности населения и разгрузки железнодорожного вокзала от скопления пассажиров категорически запрещалось устраивать там ночлег. Также необходимо было проводить ежедневную дезинфекцию вокзальных помещений, обеспечивать пассажиров кипяченой водой, госпитализировать в инфекционное отделение заболевших сыпным тифом. Профилактическая дезинфекция стала проводиться не реже 1–2 раз в месяц в помещениях школ, общежитий, бань, кино, клубов, театров и в других общественных местах. В коммунальных жилых домах устанавливались мусорные ящики и помойные ямы. Большое внимание уделялось санитарно-просветительской работе. С этой целью с населением проводились лекции и беседы по гигиене с использованием печати, плакатов и лозунгов. Специально созданные эпидотряды были призваны проводить обработку очагов заражения.

Органам местной власти было необходимо обеспечить население медицинской помощью, жизненно важными продуктами питания, теплой одеждой и обувью, средствами гигиены. Одной из первоочередных задач Хакасского

обкома партии считалось улучшение питания подрастающего поколения. В 1943 году Абаканский горсовет наметил план обеспечения детей необходимыми продуктами питания, в частности белым хлебом и молоком. Также предполагалось построить или отремонтировать бани и прачечные, открыть в городской больнице детское инфекционное отделение, добиться поставки мыла и т. д. Однако в полной мере реализовать план местным властям не удалось в связи с общим кризисным состоянием в стране.

В связи со сложившейся ситуацией в начальный период войны в городских поселениях Хакасии значительно повысился уровень смертности населения, вызванный экзогенными факторами. Тенденция снижения смертности стала проявляться в конце войны. В результате целенаправленной государственной политики, деятельности органов местной власти и органов здравоохранения удалось значительно снизить уровень смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурматов В. А. Смертность населения Новосибирской области в 1941–1945 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 2. С. 36–41.
2. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. 304 с.
3. Кышпанаков В. А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан, 1989. 188 с.
4. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. 230 с.
5. Кышпанаков В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е годы. Абакан, 1995. 348 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ (1950–1990-Е ГОДЫ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-04005.

М. С. Каташев

УДК 94(57)

В статье рассматривается развитие горно-металлургической промышленности Горного Алтая в экологическом аспекте. Выявлены проблемы экологического характера, которыми сопровождалось горное производство. Показаны основные факторы загрязнения окружающей среды. На основе доступной автору литературы предпринята попытка осветить степень негативного воздействия горно-металлургического производства.

Ключевые слова: ртутное производство, экологические последствия, условия труда, загрязнение природной среды, охрана здоровья.

ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF MINING AND METALLURGICAL INDUSTRY OF THE GORNY ALTAI (1950-1990-IES)

M. S. Katashev

The article considers the development of the mining metallurgical industry of the Altai Mountains in the environmental aspect. Considered the main factors of pollution environment. An attempt is made show the extent of the negative impact of mining.

Key words: mercury production, environmental consequences, labor conditions, environmental pollution, health protection.

Горно-металлургическая промышленность занимала важное место в промышленном комплексе Горно-Алтайской автономной области. В течение всего периода своего существования предприятия отрасли имели стратегическое государственное значение и, единственные в промышленном комплексе области, находились в союзном подчинении. В указанное время горно-металлургическая промышленность в регионе была представлена двумя предприятиями – Акташским горно-металлургическим предприятием по добыче и переработке ртути и рудником «Веселый», который добывал золото и медь. Указанные производственные объекты длительное время находились в ведении Министерства цветной металлургии СССР. В Горно-Алтайской автономной области они являлись градообразующими предприятиями: Акташский рудник – для поселка Акташ Улаганского района, рудник «Веселый» – для поселка Сейка Чойского района.

В течение всего периода деятельности предприятий их промышленная зона и окрестная

территория подверглись значительному промышленному загрязнению, источниками которого являлись газовые выбросы, технологические стоки и отходы производства, обладавшие высокой токсичностью. Ртуть и ее элементы – сурьма и мышьяк – скапливались в отвалах пород, в почвенно-растительном покрове, смывались в водоисточники. На территории рудника «Веселый» основными загрязнителями являлись свинец и медь. В соответствии с установленной ГОСТом классификацией химических элементов по степени опасности ртуть относится к чрезвычайно опасным химическим соединениям, сурьма и мышьяк – к высокоопасным, медь – к умеренно опасным¹. Превышение их предельно допустимых концентраций (ПДК) зачастую ведет к необратимым изменениям эко-

¹ О введении в действие санитарных правил: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ МЗ РФ от 26 сентября 2001 г. № 26. ст. 3.4.3. (в ред. Главного государственного санитарного врача РФ от 07.04.2009 № 20 // Консультант плюс. Справочно-правовая система России. // [Электронный ресурс] /– Электрон. дан. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW> (дата обращения: 13.10.2015 г.).

логического состояния природной среды и несет опасность для здоровья человека.

Акташское ртутное месторождение расположено в 450 км от г. Бийска по Чуйскому тракту и находится на высоте 2700 м над уровнем моря, в зоне вечной мерзлоты. Шахта работала на вершине горы, ниже ее располагался горный цех, где перерабатывалась порода. Месторождение было открыто и исследовано партией Союзметредразведки, В. А. Кузнецовым и А. С. Мухиным, в 1934 году и в течение последующих трех лет разрабатывалось геологоразведочными партиями. На состоявшейся в мае 1935 года конференции, посвященной развитию производительных сил Ойротии, была признана перспективность разработки ртути в Горном Алтае [1, с. 95], и в 1940 году в Акташе закладывается рудник по будущей добыче [2, с. 15]. С началом войны Акташский рудник приобрел государственное значение, поскольку после захвата в 1941 году немцами Донбасса крупнейшее в стране Никитовское месторождение ртути оказалось на оккупированной территории. В годы войны была создана старательская артель, построены производственные помещения, начались горные работы [3, с. 84].

После окончания войны Акташский рудник получил свое дальнейшее развитие. Признавая большую стратегическую важность объекта, государство оказывало ему достаточно серьезную помощь в первую послевоенную пятилетку, благодаря чему увеличились производственные мощности Акташского рудника. Кроме того, были решены многие социальные и бытовые вопросы: для рабочих открылись душевая, столовая, мастерские по ремонту спецодежды и спецобуви и пр.² Вместе с тем вплоть до 1952 года разработка велась примитивным старательским способом, что предопределило в дальнейшем низкий технический уровень рудника и тяжелые условия труда. В 1952 году с вводом в действие металлургического завода Акташский рудник получил статус государственного предприятия. Производственная база рудника включала в себя горный цех, металлургический завод с тремя роторными печами, электростанцию, автогужевой транспорт. Добыча ртути осуществлялась шахтным способом. В 1956 году Министерство цветной металлургии СССР утвердило ранее

разработанный институтом «Гипроникель» Генеральный проект по расширению и реконструкции Акташского предприятия³.

Рудник «Веселый» находится в 200 км от г. Бийска и в 100 км от г. Горно-Алтайска. Старательская добыча золота велась в этих местах еще в дореволюционное время. В 1920-е годы масштабы добычи золота увеличились, но она продолжала осуществляться старательским способом. В 1934 году была организована золотодобывающая отрасль производства, имевшая общесоюзное значение [4, с. 239], а годом спустя организовано приисковое управление, которое дало большой толчок развитию золотодобычи [2, с. 255]. С открытием в 1948 г. Синохинского месторождения золота его добыча перешла на промышленную основу. На основании данных Алтайской геологической партии в 1951 году трестом «Запсибзолото» был организован разведочно-эксплуатационный участок «Веселый», входивший в состав Турочакского приискового управления треста «Запсибзолото» ГУ МВД СССР. В этом же году начались эксплуатационные работы, были добыты и сданы государству первые 35 кг золота. С вводом в строй в 1953 году золотоизвлекательной обогатительной фабрики объемы добычи золота возросли [5, с. 28]. В 1957 году участок был преобразован в рудник и переведен на самостоятельный баланс⁴. В 1960 году были добыты 599 кг золота. С 1964 года добыча золота большей частью стала осуществляться шахтным способом, руда месторождения обрабатывалась на золотоизвлекательной фабрике. Отвальные породы и промышленные стоки отводились в хвостохранилище и пруд-отстойник.

Вплоть до середины 1960-х годов условия труда в цехах Акташского металлургического завода, где перерабатывалась ртуть, оставались опасными для здоровья. Системы герметизации, вентиляции и водоочистки на Акташском металлургическом заводе, спроектированном после войны, не были предусмотрены изначально. Воздействие же ртути на организм происходит постепенно, путем концентрации ее в органах человека – в первую очередь в печени, почках, действует она и на сердечно-сосудистую систему. Момент отравления может наступить через несколько месяцев взаимодействия с этим

² Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПАДА РА). Ф. 33. Оп. 9. Д. 121. Л. 5, 12.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 183. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 2.

опасным веществом. Ртуть, накопленная в организме, продолжает сохранять свое негативное воздействие и может привести к обострению заболевания даже через несколько лет после окончания работы и контакта с металлом [6, с. 131].

Рабочим Акташского горно-металлургического завода приходилось трудиться в условиях сильной загазованности ртутными парами, уровень которой превышал ПДК в десятки и сотни раз⁵. Неудивительно, что на предприятии проблема ртутных интоксикаций сохранялась довольно продолжительное время, вплоть до середины 1960-х годов. Во второй половине 1950-х годов удельный вес обратившихся с жалобами на отравление составлял от 18 % числа работающих на металлургическом заводе в 1958 году до 50 % в 1955 году⁶.

В итоге в 1960 году областные власти поставили перед Совмином РСФСР вопрос о закрытии рудника, а в 1962 году Горгостехнадзор и Алтайская краевая СЭС по итогам проверки вынесли предписание о прекращении эксплуатации завода⁷. В результате республиканские и краевые исполнительные органы власти, Госплан РСФСР, Алтайский и Кузбасский совнархозы в течение 1960–1964 годов приняли решение об ускорении работ по реконструкции рудника и установлении системы газоочистки и водоотведения. К 1967 году, несмотря на медленные темпы работ, реконструкция была завершена. Это напрямую привело к снижению загазованности ртутными парами в цехах Акташского металлургического завода. К этому времени прекратились и ртутные интоксикации рабочих завода⁸.

В 1960–1980-е годы цветная металлургия, к которой относились рудники «Акташский» и «Веселый», получила дальнейшее развитие. Предприятия пополнялись новыми механизмами и оборудованием, расширялись производственные площади, увеличивалась территория горных работ. В 1980-е годы благодаря помощи государства были проведены масштабные работы по реконструкции обоих предприятий. Фондовооруженность труда в отрасли оставалась самой высокой среди других отраслей промыш-

ленного комплекса, за 1965–1990 годы она возросла с 4,3 до 53,1 тысячи рублей в расчете на 1 работника производственно-промышленного персонала⁹. Расширились и объемы производства. Удельный вес предприятий цветной металлургии в общей стоимости произведенной промышленной продукции в области вырос за 1965–1990 годы с 4,3 до 10,0 %¹⁰.

Однако объемы добычи ртути стали снижаться уже во второй половине 1960-х годов, что можно объяснить истощением рудных запасов. К концу 1980-х годов ртутное месторождение было практически отработано¹¹. В 1990 году Акташский рудник прекратил добычу ртути и переориентировался на переработку поставляемых со всей страны ртутьсодержащих отходов. В 2002 году предприятие оказалось на грани банкротства и вскоре было закрыто. Рудник «Веселый» продолжал добычу золота в 2000-е годы, перейдя с 2001 года на выщелачивание золота. Приоритетным направлением производственной деятельности на руднике «Веселый» стала добыча и переработка волластонита. Указанный минерал является заменителем канцерогенного асбеста и широко используется в производстве пластмасс, керамики, автомобильных шин, красок и др. В 2008 году завершилось строительство фабрики по переработке волластонитового сырья. На сегодняшний день предприятие не работает ввиду неотлаженности технологического процесса и отсутствия сырья [7, с. 35].

В целом в период 1950–1980-х годов акташским предприятием было добыто более 3,5 тысяч тонн ртути, а с 1990 по 2007 год переработано более 5 тысяч тонн ртутьсодержащих отходов¹². На руднике «Веселый» за 45 лет деятельности, к 1998 году, удалось извлечь 12 тонн золота [8, с. 21]. При добыче металлов ежегодно на каждом предприятии перерабатывалось свыше 100 тысяч тонн руды.

⁹ Подсчитано по: КПДА РА. Ф. 61. Оп. 12. Д. 45. Л.11, 109, 165; Архив государственного комитета по статистике Республики Алтай (АГКС РА). Д. 1509. Л. 8, 9, 10, 11.

¹⁰ Подсчитано по: КПДА РА. Ф. 61. Оп. 12. Д. 15. Л.5, 6, 7, 8, 9; там же Ф. 61. Оп. 12. Д. 32. Л.4, 5, 6; там же Ф. 61. Оп. 12. Д. 40. Л. 5, 6; там же Ф. 61. Оп. 12. Д. 245. Л. 2, 3, 310, 311.

¹¹ Там же. Ф. 33. Оп. 7. Д. 154а. Л. 23.

¹² Робертус Ю. В. и др. Научно-технический отчет по оценке экологического состояния объектов окружающей среды в районе Акташского ГМП и поселка Акташ. Горно-Алтайск: ГНУ РА «Алтайский региональный институт экологии», 2009. С. 6 // [Электронный ресурс] /– Электрон. дан. URL: http://ekologia-ra.ru/index.php/download_file/view/397/ (дата обращения: 13.10.2015 г.).

⁵ КПДА. РА. Ф.1. Оп. 2а. Д. 798. Л. 25.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 227. Л. 53.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 183. Л.41, 42.

⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 240. Л. 79; там же Ф. 1. Оп. 4. Д. 398. Л. 8; Ф. 1. Оп. 4. Д. 493. Л. 3, 4; Ф. 1. Оп. 4. Д. 493. Л. 3, 4; Ф. 1. Оп. 4. Д. 447. Л. 27, 28; там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 493. Л. 3.

Все это привело к большому скоплению промышленных отходов на территориях горных разработок. Усугубляло неблагоприятную экологическую ситуацию высотное расположение рудников над населенными пунктами, которое усиливало техногенное загрязнение жилой зоны газовыми выбросами и промышленными стоками.

Несмотря на остановку ртутного производства и сокращение объемов добычи золота, промышленные отходы горно-металлургической промышленности являются серьезным источником дальнейшего загрязнения окружающей среды. По данным автономного учреждения РА «Алтайский региональный институт «Экология», к середине 2000-х годов в промышленной зоне Акташского ГМП скопилось 1,8 млн тонн ртутьсодержащих металлургических шлаков и огарков [9, с. 3] и около 5 млн тонн отвалов штолен. Было захоронено около 900 тонн РСО, причем без согласования с соответствующими ведомствами, осуществляющими надзор в природоохранной сфере. Указанные РСО по сей день находятся на территориях, не оборудованных для хранения, и к тому же в водоохранной зоне р. Ямлыамры¹³. Потенциальную опасность для окружающей среды представляют и промышленные отходы золотоизвлекательной фабрики рудника «Веселый», объем которых к середине 2000-х годов достигал 2,8 млн тонн [9, с. 3]. При этом производственная территория рудника «Веселый» примыкает к селитебной территории без санитарно-защитной зоны [10, с. 2].

Превышение ПДК отмечалось во всех природных средах промышленных зон обоих предприятий – в почве, в растениях и деревьях. Ощутимому техногенному воздействию подверглись водоемы в производственной зоне. Источниками загрязнения являются шахтные и штольневые воды. В результате разрушения хвостохранилищ и отстойников, действия паводков и талых вод загрязненная вода смылась в близлежащие речки [10, с. 3, 8]. Пере-

нос загрязняющих веществ достигал 20 км по р. Чибитке [9, с. 17] и 10–12 км по р. Сейке. В этой же речке рыба опасно поражена тяжелыми металлами – их содержание в организме рыб составило от 1 до 5 ПДК по цинку и от 2 до 4 ПДК по меди [10, с. 10, 12].

Длительное техногенное воздействие привело к загрязнению жилой зоны бывших рабочих поселков. В черте поселка Акташ загрязнение почвы ртутью многократно превышало естественный фон, а на отдельных участках и превышало ПДК¹⁴. В р. Чибитка, которая протекает в черте Акташа, концентрация ртути в донных отложениях к концу 1990-х годов достигала 30 ПДК¹⁵, а в прибрежных почвах речки в зоне поселка достигло 9,6–32 мг/кг, или 4,8–8 ПДК¹⁶.

В целом уровень загрязнения жилой территории поселка установлен специалистами как умеренный. Вместе с тем концентрация перечисленных металлов многократно превышает естественный фон в селитебной зоне¹⁷. По результатам экспертизы экологического состояния поселка Акташ, экологическая ситуация в нем характеризуется напряженностью, а условия для проживания местных жителей определены как неблагоприятные. В связи с высоким уровнем ртутного загрязнения, Ростехнадзор объект «Акташское горно-металлургическое предприятие и поселок Акташ» включен в 2008 году в перечень приоритетных экологически неблагоприятных территорий России. По мнению экологов, функционирование Акташского рудника в прежнем виде нежелатель-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Текущий архив Бюро медицинской статистики РА. Д. «Заключительный отчет о выполнении НИР в соответствии с тематическим планом научных исследований на территории Республики Алтай, подвергшихся радиационному воздействию при ядерных испытаниях на Семипалатинском полигоне на 1994 год по теме НИР: «Комплексное исследование медико-экологической ситуации, сложившейся в республике Алтай в связи с влиянием ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне». Москва: Научно-исследовательский центр радиационной безопасности космических объектов (НИИЦРБКО) Министерства здравоохранения и медицинской промышленности России, 1994. С. 71.

¹⁶ Пилотный проект по ликвидации прошлого экологического ущерба на территории Акташского горно-металлургического предприятия в Улаганском районе Республики Алтай. Горно-Алтайск: Министерство лесного хозяйства РА «Алтайский региональный институт экологии», 2009. С. 6 // [Электронный ресурс] /– Электрон. дан. URL: http://ekologia-ra.ru/index.php/download_file/view/397/ (дата обращения: 13.10.2015 г.).

¹⁷ Текущий архив Бюро медицинской статистики РА. С. 71.

¹³ Робертус Ю. В. и др. Научно-технический отчет по оценке экологического состояния объектов окружающей среды в районе Акташского ГМП и поселка Акташ. Горно-Алтайск: ГНУ РА «Алтайский региональный институт экологии», 2009. С. 6 // [Электронный ресурс] /– Электрон. дан. URL: http://ekologia-ra.ru/index.php/download_file/view/397/ (дата обращения: 13.10.2015 г.).

но ввиду опасности для окружающей среды¹⁸. Насущной проблемой становится оздоровление экологической ситуации в районе промзоны рудника. Расходы же на утилизацию производственных отходов определялись в сумму 655 млн руб. в ценах 1 квартала 2010 года¹⁹, что является трудноразрешимой задачей для республиканского бюджета.

Итак, деятельность горно-металлургической промышленности Горного Алтая в целом соответствовала народно-хозяйственным задачам региона. В хозяйственный оборот были вовлечены минералы, представляющие стратегическую важность для экономики государства. В период производственной деятельности предприятий страна получила сотни тонн ртути и тонны золота. Развитие предприятий отрасли сопровождалось ростом их материально-технической базы, расширением производства. Вместе с тем развитие горной металлургии в Горном Алтае имело противоречивые последствия. Промышленная добыча и разработка ртути, золота и меди сопровождалась загрязнением окружающей природной среды газовыми выбросами, токсичными отходами, сточными водами. Техногенному загрязнению подверглись, помимо промышленной зоны, водоемы, флора, фауна, жилая среда рабочих поселков. Крайне серьезная экологическая ситуация сложилась в поселке Акташ, где долгие годы велась добыча ртути и отходы от этого производства скопились в угрожающем количестве. В результате содержание в окружающей среде этого крайне опасного для здоровья человека элемента намного превышает предельно допустимые концентрации. По мнению специалистов-экологов, окружающая среда поселка Акташ неблагоприятна для проживания, а возобновление эксплуатации Акташского рудника в прежнем виде недопустимо. Устранение же накопленного экологического ущерба представляется невозможным без помощи государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ойротия. Труды СОПС по изучению производительных сил Ойротской автономной области. М.-Л., 1937. 447 с.
2. Казанцева В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946–1959 гг.) (Для учащихся и учителей истории). Горно-Алтайск, 1992. 54 с.
3. Республика Алтай. Краткая энциклопедия. Новосибирск, 2010. 365 с.
4. Санжиев Г. Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. Новосибирск, 1980. 367 с.
5. Дымова Т. Г. История становления и развития рудника «Веселый» // История и современность Республики Алтай: мат-лы республ. научно-историч. конф., посв. 90-летию со дня образования Ойротской автономной области. Горно-Алтайск, 2012. С. 27–30.
6. Ефимова Н. Ф., Коваль П. В., Рукавишников В. С., Безгодов И. В. Проблемы, связанные с загрязнением ртутью объектов окружающей среды // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН, 2005, № 1(39). С. 127–133.
7. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Под ред. проф. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск, 1973. 601 с.
8. Бедарев Н. П. Состояние сырьевой базы рудного и россыпного золота и предложения по направлению геологоразведочных работ в республике Алтай // Минерально-сырьевая база Республики Алтай: состояние и перспективы развития. Мат-лы регионального совещания. Горно-Алтайск, 1998. С. 21–24.
9. Сакладов А. С. Характер и масштабы влияния на окружающую среду отходов горнодобывающих предприятий Республики Алтай. Автореф. дисс... на соиск. уч. степ. канд. г.-м. наук. Барнаул, 2008. 23 с.
10. Шурова М. В. Эколого-геохимическая оценка состояния природной среды в районе рудника «Веселый» (Республика Алтай). Автореф. дисс... на соиск. уч. степ. канд. г.-м. наук. Томск, 2006. 13 с.

¹⁸ Робертус Ю. В. и др. Научно-технический отчет по оценке экологического состояния объектов окружающей среды в районе Акташского ГМП и поселка Акташ. Горно-Алтайск: ГНУ РА «Алтайский региональный институт экологии», 2009. С. 6 // [Электронный ресурс] /– Электрон. дан. URL: http://ekologia-ra.ru/index.php/download_file/view/397/ (дата обращения: 13.10.2015 г.).

¹⁹ Пилотный проект по ликвидации прошлого экологического ущерба. С. 8.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Н. А. Данькина

УДК 930

В статье рассматриваются региональные особенности историографии национальной интеллигенции Восточной Сибири. Автор приходит к выводу об изменении проблематики исследований, расширении источниковой базы за счет введения в оборот новых источников. Новыми темами в историографии интеллигенции стали особенности формирования национальной интеллигенции, ее роль в национальном движении, репрессии, национальная элита. В современной историографии национальная интеллигенция Восточной Сибири стала рассматриваться с позиций социокультурного и этносоциального подходов.

Ключевые слова: национальная интеллигенция, Восточная Сибирь, профессиональный состав интеллигенции, междисциплинарные исследования.

FORMATION OF THE MODERN HISTORIOGRAPHY CLERISY IN EAST SIBERIA

N. A. Dankina

In the article regional peculiarities of modern historiography of the national clerisy in East Siberia are under consideration. The author makes a conclusion about change of research problematics and extension of a source base by means of introduction of new sources. Formation peculiarities of the national clerisy, its role in national movement, repressions and the national clerisy became new themes in historiography of the clerisy. In modern historiography the national clerisy of East Siberia has started to be considered through sociocultural and ethno-social approaches.

Key words: national clerisy, East Siberia, professional set of the clerisy, interdisciplinary researches.

В 1990-е годы в отечественной историографии произошло переосмысление традиционных подходов к социальной истории. Ведущей чертой в современном интеллигентоведении становится тенденция к междисциплинарному сближению для изучения сложных социальных объектов. По мнению ведущего специалиста в области интеллигентоведения В. Г. Рыженко, в это время был накоплен большой эмпирический материал на уровне регионов – «провинций», отражающих «толщину» местного «культурного слоя», осуществлены попытки представить в сравнении культурный потенциал и своеобразие региональных сообществ [1, с. 46].

В начале 2000-х годов оформились новые подходы к изучению провинции и интеллигенции. Исследователями Г. Люхтерхандтом, С. Рыженко, А. Кузьминым в отечественную историографию вводится понятие «паттерн». По их мнению, «паттерн регионального раз-

вития – это исторически формирующийся тип воспроизводства региональной идентичности, определяющий характеристики взаимодействия в политической сфере, культуре и социуме и обуславливающий в том числе и характеристики формирования и существования региональных элит» [2, с. 237]. Так, например, Г. Люхтерхандт утверждает, что региональная элита Урала стала формироваться под воздействием внешнего фактора. При возникновении горнозаводского края в первой половине XIX века стали специально выписывать и приглашать специалистов: гранильных мастеров, инженеров, аптекарей, среди которых преобладали иностранцы. В 1830-е годы увеличилось число чиновников и специалистов – горных инженеров, которые, будучи большей частью некоренными жителями, осели в Екатеринбурге [2, с. 238].

Теория паттерна прямого развития в отношении интеллигенции Восточной Сибири не полу-

чила. Вместе с тем ее элементы использовались в работах Р. Ш. Харунова, Н. Н. Дьяконовой. С. В. Балдано, когда речь шла о влиянии внешнего фактора на формирование региональной интеллигенции [3; 4; 5].

Так, по мнению Р. Ш. Харунова, предпосылкой формирования интеллигенции в Саяно-Алтайском регионе, в частности в Туве, «послужил процесс модернизации, способствующий проникновению элементов капитализма и привнесенной культуры, распространившихся по мере пребывания русских переселенцев. Проявилась тенденция к приобщению тувинцев к новым видам деятельности, в том числе к европейской системе образования» [3, с. 120–121].

В рамках другого подхода, предложенного В. Г. Рыженко, А. Г. Быковой на материале Западной Сибири, в качестве возможной модели представления регионального культурного пространства используется историко-культурологическая с выделением роли местных и пришлых творцов культурного пространства региона, включая символические и знаковые его ориентиры [1, с. 46].

Третья исследовательская модель «Интеллигенция-Культура-Город» была предложена В. Г. Рыженко, и она назвала ее историко-культурологической. Эта модель направлена на решение проблемы выявления специфики взаимосвязей интеллигенции с ее «местобытованием» и «месторазвитием» [1, с. 113]. К сожалению, эти подходы не получили широкого развития в отношении интеллигенции Восточной Сибири. В основном изменению подверглась проблематика исследования, расширилась источниковая база за счет введения в научный оборот новых источников.

Новыми темами в историографии интеллигенции стали особенности формирования национальной интеллигенции, ее роль в национальном движении, репрессии, национальная элита. В современной историографии национальная интеллигенция стала рассматриваться с позиций социокультурного и этносоциального подходов, т. е. национальная интеллигенция стала изучаться через внутренние особенности развития этноса, нации. Кроме традиционных характеристик интеллигенции, таких как образовательный и профессиональный уровень, особое значение придается этническим: этническая самоидентификация, родной язык, национальная культура, национальное самосознание.

По мнению большинства исследователей, занимающихся изучением особенностей национальной интеллигенции Восточной Сибири, национальная интеллигенция являлась выразителем национального самосознания этносов [6; 7; 8; 4; 9]. Так, Буркина А. А., Осинский И. И. считают, что «национальные отряды интеллигенции – это носители не только общих, но и национально-специфических черт, обусловленных своеобразием национально-государственных образований, особенностями развития той или иной нации» [10, с. 28].

В современной историографии интеллигенции появилась возможность сказать о социальном происхождении региональной интеллигенции. Исследователи считают, что особенностью национальной интеллектуальной элиты Восточной Сибири было ее байское происхождение [11, с. 39–40]. А. А. Борисов писал, что первые грамотные люди в Якутии появились в начале XVIII века. Ими были якутские князцы, пожалованные дворянским званием, они обучались русской грамоте, но права якутских дворян впоследствии не были подтверждены [12, с. 27].

По-другому стала рассматриваться и проблема формирования национальной интеллигенции. Согласно современной концепции, одной из важных причин формирования национальной элиты явилась политика царского правительства, предусматривающая включение родоплеменной верхушки покоренных народов в бюрократический аппарат. Иностранная политика государства способствовала созданию условий для роста политического сознания народов России в целом, а также отдельных южносибирских народов в частности для постепенного преобразования их «чисто этнических требований в политические». Этой точки зрения придерживаются Л. И. Шерстова, Е. П. Мамышева, Н. Н. Дьяконова и др. [13].

Еще одной представляющей интерес для изучения является проблема роли религиозного фактора в формировании национальной интеллигенции. Большую роль в появлении национальной элиты в Горном Алтае сыграл бурханизм. Так, Л. И. Шерстова полагает, что возникновение и развитие алтайского бурханизма – своего рода «чистый этноисторический эксперимент», доказывающий, что на завершающем витке любого конкретного этногенеза, выходящего в свет новый (во времени-пространстве) этнос, внутри него при благоприятных услови-

ях вызревает и новая идеология – не обязательно религиозная, но непременно несущая в себе национальную идею, разделяемую и ощущаемую всеми без исключения членами этноса. По ее мнению, бурханистское движение выдвинуло ряд значимых фигур, которые были способны не только выражать интересы своего этноса, но и имели опыт общественной и практической деятельности. Например, братья Кульджины не только всемерно поддерживали бурханизм (особенно старший, Манджи), но их неоднократно избирали зайсанами Седьмой дючины. Манджи Кульджин в качестве выборщика присутствовал на губернском съезде по выборам во Вторую Государственную Думу и был вполне реальным кандидатом в депутаты от Томской губернии по крестьянско-инородческой квоте. Представители национальной интеллигенции Г. И. и С. И. Гуркины, которые немало сделали для осуществления алтайской культурной и политической автономии, также, по мнению Л. И. Шерстовой, прониклись «белой верой» [14, с. 36].

Этой же точки зрения придерживается В. К. Косьмин. Он считает, что пастухом-средняком, который проповедовал бурханизм, – Четом Челпановым – руководили крупнейшие алтайские бай-богачи – семья Кульджиных, Кыйтык Елбудин, Сапок Баинкин, а также непосредственно приставленные к Чету Кыргыз Саманов и Чапьяк Юдуев руководили его действиями. Братья Кульджины, с которыми был связан Чет Челпанов, а также Елбудины и другие крупные бай-скотоводы вели торговлю с Монголией и имели там прочные связи [15, с. 49].

Ссылаясь на беседу самого известного представителя семьи Кульджининых – Аргымай Кульджинина – с этнографом Л. Э. Каруновской, В. К. Косьмин приводит следующую запись: «В поисках религиозных истин он читал китайские, японские, буддийские, тибетские и другие книги... много он беседовал с монгольскими монахами по религиозным вопросам – много сведений от него получали по сеокам (родам. – В. К.), ходили к бурханистам, по местам бурханистского моления, Аргымай давал объяснения...» [15, с. 50]. Он являлся родовым зайсаном, а когда эта должность была упразднена, стал волостным старшиной. Строил школы для детей, открыл алтайскую школу в с. Кеньга. В. К. Косьмин делает вывод о том, что многие бурханистские проповедники-дьярлыкчы (бук-

вально – «имеющие разрешение») не только поддерживали связь с монгольскими ламами, но и проходили у них обучение [15, с. 53].

Н. А. Тадина считает, что бурханизм воплотил «культ собственной национальности», явился важнейшим фактором, цементирующим целостность этноса. Выразителями этих идей стала алтайская родовая знать. Включая в себя образованных представителей народа, она была обеспокоена проблемами сохранения этноса, его традиционной культуры в условиях полной оседлости [16, с. 41].

О распространении бурханизма в Хакасии писали В. Я. Бутанаев, И. И. Бутанаева [17; 18, с. 54–64]. Они считают, что в ходе первой русской революции в Хакасии «наметилось национально-религиозное движение, возникшее под влиянием бурханизма». Отдельные лидеры первой политической организации «Союз сибирских инородцев», созданной под непосредственным влиянием Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 года), выступили против распространения православия среди коренных жителей Хакасии, выдвинули лозунг за широкое внедрение бурханизма – «белой веры» [18, с. 63].

«Союз сибирских инородцев» под руководством А. А. Ярилова, директора музея им. Н. М. Мартянова, председателя комитета по устройству митингов, представлял собой орган либеральной буржуазии и интеллигенции, выступавших за демократические выборы в условиях сохраняемого монархического правления. Учредители (А. А. Ярилов, Н. Т. Спирин, И. Г. Каргин, Е. А. Топанов, Н. И. Окунев) отвергли положение бурханизма, занимались активной пропагандой своей программы среди хакасов Аскизского и Кызыльского ведомств, благодаря которой в состав организации вошло 50 представителей Абаканской, Кызыльской и других инородных управ [19, с. 141]. Е. П. Мамышева считает, что под воздействием представителей русской интеллигенции новая идеология в Хакасии, в отличие от Ойротии, не получила широкого распространения.

Интересна новая оценка влияния буддизма на формирование национальной элиты Тувы. М. В. Монгуш пишет, что «в Туве не было сколько-нибудь сравнимой с буддизмом религиозно-идеологической системы, способной существенно ему противостоять. Конфликты, возникшие на ранних стадиях между буддиз-

мом и господствующим до этого шаманизмом, не были, благодаря гибкости и веротерпимости, острыми и непримиримыми. Кроме того, процесс становления тувинской государственности требовал от правящей элиты замены институционального неоформленного шаманства более действенной, социально организованной религией, способной не только конкурировать с местными родоплеменными культурами, но и вступить в достойное партнерство с зарождающимися органами светской власти. Буддизм не противоречил интересам основных социальных слоев Тувы. Для аратов и особенно беднейшего населения он был привлекателен тем, что предоставлял им возможность приобрести к грамотности, получить образование в монастырской школе – это открывало для них большие перспективы, нежели те, которые они имели. Для тувинского чиновничества, которое отождествляло свои интересы с интересами государственности, буддизм был удобен тем, что, отвергая социальные барьеры, он призывал своих последователей к равенству, терпимости и состраданию, что было весьма необходимо для общества, между отдельными слоями которого пролегла почти непреодолимая грань» [20, с. 42].

Поэтому одной из предпосылок, способствовавших будущему формированию интеллигенции в тувинском обществе, считает Р. Ш. Харунов, был буддизм. Согласно его точке зрения, в традиционном тувинском обществе выделилась определенная группа лиц (буддийская сангха), занимавшаяся интеллектуальным трудом, игравшая роль духовной элиты и выполнявшая специфические функции обучения, управления, обслуживания [3, с. 120–121; 5, с. 639].

В Бурятии исследователи подсчитали количество дацанов и лам, школ при дацанах и учащихся в них. С. В. Балдано пишет, что «первые бурятские интеллигенты появились с формированием буддийской культуры в дацанах... Дацаны осуществляли образовательные, воспитательные и другие функции. В Бурятии насчитывалось 44 дацана и 15 тысяч лам, 73 дацанские школы, в которых обучалось 4 тысячи учащихся» [5, с. 639].

В последние годы на уровне региональных исторических исследований стало обращаться внимание на проблему диспропорций в профессиональном составе национальной интеллигенции. Эта тенденция была характерна как для

тувинской, так и для хакасской национальной интеллигенции. Так, в отношении интеллигенции Хакасии в начальный период ее формирования, исследователи отмечают преобладание в ее профессиональном составе учителей, государственных служащих, священнослужителей и практическое отсутствие врачей и инженерно-технических работников [11].

Таким образом, современная историческая наука подошла к новой концепции формирования национальной интеллигенции коренного населения Сибири в целом, Восточной Сибири в частности. Анализ последних исследований показал, что национальная элита была представлена чиновничеством, представителями управленческих органов знатного происхождения, духовенством различных конфессий. Она стала формироваться в XIX веке. Источниками формирования этих отрядов интеллигенции являются религиозный фактор, который проявился в распространении религии народов Центральной Азии (буддизма), знатность, богатство. Так, в Хакасии, Якутии, Горном Алтае становление национальной интеллигенции (национальной элиты) осуществлялось со второй половины XIX века на основе служащих знатного происхождения (князцов, родовых старейших), в Туве, Бурятии, Горном Алтае – на рубеже XIX–XX веков на основе духовной элиты, сформировавшейся под влиянием религий народов Центральной Азии. Другие отряды интеллигенции – медицинская интеллигенция, учительство – стали формироваться в начале XX века. Появление данной интеллигенции было связано с русским влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: Монография. Екатеринбург, 2003. 370 с.
2. Люхтерхандт Г. Региональные элиты на Среднем Урале: исторические корни и региональные тенденции // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: Материалы международного семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / Под ред. А. Мельвилля. М., 1999. <http://ecsocman.hse.ru/data/959/681/1219/018.LYUKHTERKHANDT.pdf>. (дата обращения: 10.11.2015 г.).
3. Харунов Р. Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан, 2009. 144 с.

4. Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.). Новосибирск, 2002. 240 с.
5. Историческая энциклопедия Сибири в 3-х т. Т. 1. Новосибирск, 2009. 715 с.
6. Новиков А. Г. О менталитете саха. Изд. второе, доп. и испр. Якутск, 1996. 141 с.
7. Хандархаев К. Ю. Бурятская национальная интеллигенция первой четверти X века: Дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 1999. 201 с.
8. Жондоров П. Н. Национальная интеллигенция в социально-политической структуре общества: на примере Республики Саха (Якутия): Дис. ... канд филос. наук. Якутск, 2001. 131 с.
9. Тихомирова А. Н. Особенности воспроизводства и развития национальной научно-технической интеллигенции Республики Башкортостан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. 21 с.
10. Буркина А. А., Осинский И. И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие. Улан-Удэ, 1998. 116 с.
11. Данькина Н. А. Интеллигенция Хакасии в конце XIX – 30-е гг. XX в. Абакан, 2004. 128 с.
12. Борисов А. А. Якутское общество в XVII – середине XIX века: организация, структура, тенденции развития // Якутия: этнополитическое и социокультурное измерение истории. (К 70-летию проф. В. Н. Иванова.) /Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. (редкол.: А. А. Борисов (отв. ред.), В. Б. Игнатъева, Т. Н. Оглезнева). Якутск, 2005. С. 7–37.
13. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. 312 с.
14. Шерстова Л. И. Бурханизм в Горном Алтае // Этнографическое обозрение, 2005, № 4. С. 22–37.
15. Косьмин В. К. Влияние монгольского буддизма на формирование и развитие бурханизма на Алтае // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 45–64.
16. Тадина Н. А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 38–44.
17. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
18. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Бурханизм в Хакасии // Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, создание, проблемы: сборник материалов II научно-практической конференции / Н. И. Дроздов (отв. ред.); ред. кол. Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. Кызыл, 2010. С. 54–64.
19. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX в. / Изд. второе, доп. и исправ. Абакан, 2002. 212 с.
20. Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск, 2001. 200 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

I МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНЯЯ МЕТАЛЛУРГИЯ САЯНО-АЛТАЯ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ АРХЕОЛОГА, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ЯКОВА ИВАНОВИЧА СУНЧУГАШЕВА

г. Абакан, Республика Хакасия, 24–26 сентября 2015 года.

Статья подготовлена при поддержке регионального гранта РГНФ и Республики Хакасия, № 15-11-19501.

В. Н. Тугужекова, Н. А. Данькина

В статье освещается работа I Международной научной конференции «Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Минусинская котловина и сопредельные территории», посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Якова Ивановича Сунчугашева.

Ключевые слова: конференция, древняя металлургия, Восточная Азия.

I Международная научная конференция «Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Минусинская котловина и сопредельные территории», посвященная памяти доктора исторических наук, профессора Якова Ивановича Сунчугашева, была проведена по инициативе Центра исследования культур эпохи железа Восточной Азии Университета Эхимэ (Япония) и Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) при поддержке Министерства образования и науки Республики Хакасия.

Цель конференции – привлечение внимания исследователей и общества к научному наследию Я. И. Сунчугашева, налаживание профессиональных контактов и научного сотрудничества между различными исследовательскими центрами для активизации изучения древней металлургии Саяно-Алтая в широком контексте металлургии Восточной и Центральной Азии, обмен опытом по современным методам изучения древней металлургии и металлообработки, реконструкции древних технологий.

С 2011 года в Хакасии Центром исследования культур эпохи железа Восточной Азии Университета Эхимэ (г. Мацуяма, Япония) совместно с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории проводятся археологические исследования особенностей древнего железоделательного произ-

водства в Хакасии. В рамках японского проекта «Исследование дороги металла на Европейском континенте» на территории Хакасии состоялись три археологические экспедиции. Раскопки проводились в с. Трошкино, на Черном озере в Ширинском районе и в окрестностях Абазы.

Хакасско-японской археологической экспедицией проделана большая работа по сбору информации о развитии древней металлургии Минусинской котловины и сопредельных территорий. В настоящее время назрела необходимость анализа и переосмысления накопленного материала с позиции сегодняшних знаний и технологических возможностей. Также крайне важен сопоставительный анализ проблем развития древних металлургических технологий территории Минусинской котловины с соседними регионами Сибири и Центральной Азии для определения возможных путей технологического импорта. Это определило актуальность и значимость проводимой конференции.

В работе конференции приняли участие ученые Японии, Республики Корея, Монголии, российские исследователи из институтов и музеев Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Красноярска, Кызыла, Новокузнецка, Кемерово, Горно-Алтайска, Абакана, руководители Правительства Республики Хакасия.

На пленарном заседании, состоявшемся 24 сентября 2015 года, с приветственным сло-

вом к участникам конференции обратилась заместитель Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия, кандидат юридических наук Ирина Геннадиевна Смолина. С докладами выступили:

Тугужекова Валентина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, директор ХакНИИЯЛИ (Россия, г. Абакан). «Я. И. Сунчугашев и его вклад в изучение древней металлургии Саяно-Алтая».

Мураками Ясуоки, доктор наук, директор Центра исследования древних культур эпохи железа Восточной Азии Национального университета Эхиме (Япония, Мацуяма). «Наша совместная деятельность в Республике Хакасия и ее значение в изучении истории производства железа на Евразийском континенте».

Нам Кю Ли, доктор наук, профессор кафедры истории Кореи Университета Ханшин (Республика Корея, Хвачхон). «Особенности технологии производства железа в древней Корее».

Эрэгзэн Гэлэгдорж, доктор наук, отдел изучения хунну и древней истории Института истории и археологии Монгольской академии наук (Монголия, Улан-Батор). «Вопросы металлургии древних монголов».

Работа конференции была организована по двум направлениям: металлургия и металлообработка меди и бронзы; металлургия и металлообработка железа. Руководители секций: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН Кузьминых Сергей Владимирович (Россия, Москва), кандидат исторических наук, зав. сектором археологии ХакНИИЯЛИ Есин Юрий Николаевич.

На конференции было заслушано более 20 докладов и выступлений по проблемам металлургии и металлообработки Саяно-Алтая и Восточной Азии с III тысячелетия до н. э. по XVIII век н. э. Анализ содержания докладов, представленных на конференции, свидетельствует о глубоком интересе современных исследователей к данной проблематике и ее актуальности.

25 сентября 2015 года участники конференции продолжили работу секции и подвели итоги научной части конференции, а затем посетили археологическую экспозицию Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартъянова (руководитель: кин, заведующий сектором археологии ХакНИИЯЛИ Ю. Н. Есин). 26 сентября 2015 года прошел по-

левой семинар по маршруту: Абакан – рудник «Толчая» – Барсучий лог – Салбыкский курган (руководители: старший научный сотрудник ХакНИИЯЛИ П. Б. Амзараков).

В ходе конференции ее участники выработали следующие рекомендации:

1. Организаторам конференции подготовить и издать сборник материалов конференции на русском и английском языках.

2. Организаторам и участникам конференции, другим заинтересованным организациям и исследователям рассмотреть возможность регулярного проведения международной научной конференции по металлургии Восточной Азии, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Я. И. Сунчугашева.

3. Министерству образования и науки РХ, Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории для развития исследований по древней металлургии и металлообработке Минусинской котловины и Саяно-Алтая оказывать поддержку участию сотрудников сектора археологии ХакНИИЯЛИ в специализированных конференциях, семинарах и научных стажировках.

4. Общеобразовательным учреждениям Республики Хакасия шире использовать наследие Я. И. Сунчугашева в учебно-воспитательном процессе в рамках национально-регионального компонента.

Необходимо отметить, что заявленная конференция позволит обобщить накопленный опыт исследования памятников древней металлургии учеными разных стран (России, Японии, Китая, Южной Кореи, Монголии и др.). Проведение конференции с привлечением специалистов, представляющих разные научные школы, позволит наладить межнациональное и междисциплинарное взаимодействие в разработке проблемы древней металлургии региона и будет способствовать популяризации данной проблематики. По итогам работы конференции планируется издание сборника выступлений и докладов участников конференции.

РЕЦЕНЗИИ

В. Н. Тугужекова

Рецензия на: Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX века [отв. ред. Б. В. Базаров]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013, 503 с.

Предлагаемая читателю книга посвящена формированию и развитию органов местного самоуправления бурят, их административной, хозяйственной, судебной деятельности и работе по социальному призрению в XIX – начале XX века.

Авторы определили задачи книги, которые исходят от неугасающего интереса ученых к феномену российской государственности. Особенности эти объясняются многими причинами, от исторического развития до ее европейско-азиатского строения, – огромной протяженностью территории, этническим и религиозным составом населения, культурными традициями... В Российской империи существовала большая разница в уровне экономического развития территорий. Авторы отмечают, что современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Изучение исторического опыта региональной политики во всем ее многообразии в досоветский период является на современном этапе весьма полезным и актуальным.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1822 по 1917 год.

Открывает исследование глава «Источники и историография исследования», следует отметить обширную источниковую базу работы – от российских законодательных актов в отношении инородцев, иркутских и бурятских летописей до уникальных архивных документов, хранящихся в разных российских архивах. Следует отметить анализ уникальных документов фондов степных дум, инородных управ и родовых управлений бурят и шунгусов. Так, в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ) были исследованы фонды 11 бурятских степных дум. Кроме этого, авторы исследовали фонды бурятских степных контор, органов местного самоуправления, существовавших до выхода Устава 1822 года.

Авторы серьезное внимание уделяют мемуаристике как ценным источникам, включающим в себя воспоминания, дневники, путевые запи-

ски. Интересны дневники Цыбена Жамцарано, которые он вел в 1903–1907 годах во время своих экспедиций по Иркутской губернии, Забайкалью и Монголии.

Положительно следует отметить историографию истории местного самоуправления бурят, где авторы выделяют три периода: дореволюционный (XIX век – 1917 год), советский (1918–1991 годы) и послесоветский (с 1922 года по настоящее время).

Характеризуя дореволюционную историографию, авторы уделяют внимание представителям различных идейных направлений: от официального направления, идеализировавшего политику царизма, до демократических. Определенное внимание отводится областничеству. Авторы особое внимание уделяют вкладу в исследование темы бурятских просветителей и ученых М. Н. Хангалова, Ц. Жамцарано, М. Н. Богданова, Г.-Ж. Цыбикова и др.

Анализируя советский период отечественной историографии вопроса, авторы закономерно выделяют несколько этапов: 1917 год – сер. 1930-х годов; вторая пол. 1930-х – сер. 1950-х годов; вторая пол. 1950-х – конец 1960-х годов; нач. 1970-х – сер. 1980-х годов; вторая пол. 1980-х – нач. 1990-х годов.

Авторы отмечают, что предметом изучения советской историографии стали вопросы экономического развития Сибири, степени проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальные отношения. Особое место в историографии Сибири занимают работы одного из авторов данной монографии – Л. М. Дамешека. Так, он в своих работах рассматривает эволюцию административного управления коренным населением Сибири от регионализма М. М. Сперанского до системы управления, основанной по крестьянскому образцу.

Авторы большое внимание уделяют новому этапу российской историографии, связанному с распадом СССР и образованием Российской Федерации. Этот этап характеризуется переосмыслением истории и использованием новых теоретико-методологических подходов, вводятся в научный оборот новые документальные источники. В этот период появляется множество научных исследований, посвящен-

ных политике Российского государства в отношении Сибири, сибирских народов. Среди этих работ выделяются работы А. В. Ремнева и Л. М. Дамешека.

Следует подчеркнуть, что авторы по данной теме отмечают работы своих сибирских коллег из Якутии, это исследования Т. С. Ивановой, С. И. Бояковой, В. К. Шанова, Е. А. Пахомова; из Хакасии Е. П. Мамышевой, из Томска – Е. П. Ковалешкиной, Л. И. Шерстовой и др.

Авторы в завершение первой главы делают вывод – о начальном этапе изученности данной темы, что открывает перспективу для ученых в продолжении исследований по вопросам местного самоуправления сибирских народов в конце XIX – начале XX века.

Всего монография состоит из пяти глав, в остальных четырех главах авторы рассматривают вопросы от законодательных основ российской государственной политики в отношении инородцев Сибири до региональных особенностей формирования и развития местного

самоуправления бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Особое внимание авторы уделяют административной и хозяйственной деятельности, а также социальной политике органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX века.

В заключении авторы четко подводят итоги исследования, всего обозначено девять пунктов. Авторы делают вывод, что на протяжении XIX – начале XX века политика Российского государства в отношении сибирских инородцев претерпела эволюцию – от политики регионализма М. М. Сперанского к политике унификации управления сибирскими народами. Авторы считают, что система самоуправления бурят, введенная по Уставу об управлении инородцев 1822 года, является положительным историческим опытом.

В целом данная монография представляет интерес не только для узких специалистов, изучающих данную тему, но и для широкого круга читателей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боргояков Сергей Александрович – доктор педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории анализа состояния и перспектив развития образования РАО (г. Москва).

Данькина Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), nadezhda.dankina@yandex.ru

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Каташев Максим Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск).

Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан).

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Мустафа Джан Тезич – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры современных тюркских диалектов и литературы, факультет языка, истории и географии Анкарского университета (Турция).

Печерский Владимир Арнольдович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан).

Самрина Елена Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), esamrina@mail.ru

Туманик Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (г. Новосибирск), kattum@mail.ru

Уфук Тавкул – профессор кафедры современных тюркских диалектов и литературы, факультет языка, истории и географии Анкарского университета (Турция).

Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и про-

блем малочисленных народов Сибири СО РАН (Якутск), voma@mail.ru

Чертыков Валерий Карпович – кандидат исторических наук, заведующий сектором истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан).

Шекшеев Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (г. Абакан).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология, культурология;
- история, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки;
- история международных отношений и внешней политики;
- история и структура языка;
- языковые связи;
- литературоведение;
- фольклористика;
- персоналии.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10).

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков, объем информационных заметок и рецензий — 0,2 п. л.

Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал — 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу — 2 см, слева — 3, справа — 1,5 см.

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними — фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21];

- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т. д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру.

Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется на <http://www.haknii.ru>.

Рукописи направлять по адресу:

655017, Абакан, Щетинкина, 23.

Редакция журнала «Научное обозрение Саяно Алтая».

E-mail: khaknauka@mail.ru

Номер 4 (12), 2015
Серия: История

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Подписано в печать 29.11.2015. Формат 60x90 1/8
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ №.

Отпечатано: ООО «Знак», 660028, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21.
Тел./факс: (391) 246-09-42, 290-00-90.